

Annotation

Папаня Император умер, четырнадцать принцев танцуя на не успевшем остыть трупe принимаются дербанить его наследство, а я...

Моя задача выжить, попробовать всё что готов дать мне этот дивный фэнтезийный мир, а так же укрепить позиции моих земель...

Я — Принц... Хотя какая разница как меня здесь зовут, погнали по новой парни, впереди ещё много, очень много работы!

Большой стол, два письма, мой город, а по бокам две чужие армии. Одна в дне пути готовит столицу к обороне, другая в любом случае пройдёт через Нивград, причём сколько бы сил не вкладывал в победу или в задержку армии первого принца, у меня не то, что шансов нет, но даже и намёка на его появление.

Три-четыре сотни против ста тысяч? Тут даже царь Леонид со своей сотней слегка бы обосрался, ведь в отличии от имевшего удобное ущелье грека, у меня на пол округи равнины, а на другую половину горы, что совершенно не влияли на проходящие через мой город тракты. «Срака, да ещё такая, что не пером описать, не на могильной табличке долотом выбить», — глядя на растерянные лица Гвиния и Августы, думал я.

Собирать сейчас ополчение и прочее — дело бессмысленное. Мобилизуй я даже всех граждан своего города и сёл, вручи тем лучшие доспехи, луки и даже лошадей, это не принесло бы каких-либо действенных результатов. Справа и слева расположились два свирепых бультерьера, когда я из себя представлял максимум очень маленькую и растерянную Чихуахуа, что лишь размером своих выпученных от страха глаз не уступала братьям.

Ждать, когда меня с землёй сравниют тоже не стал: первым же делом написал два письма, в которых как под копирку указывалось, что моя «светская задница в лице четырнадцатого принца» не собирается поддерживать ни одного из принцев и собирается полностью отказаться от всех притязаний на престол. Я собирался стать этакой Швейцарией, между Советским молотом первого брата, шедшего вернуть своё и немецкой наковальной второго, спровоцировавшей всю вот эту вот вакханалию...

Продавать оружие, ресурсы, рабов тем и другим, при этом оставаясь отстранённым и не в коем разе непричастным к их междоусобице, отличная, на мой взгляд, стратегия. Более того, я собирался полностью отказаться от прав на престол империи, ведь если та попросту развалится, столица сгорит, а принцы погибнут, кто помешает мне создать новую империю, чьим главным городом станет Нивград? Тем более все заготовки, включая финансовые и военные уже были у меня на руках. В планах значилось равномерное развитие сельскохозяйственной отрасли, так и военной вместе с производственной. С момента, когда столицу осадят, я потеряю возможность продавать майонез, а также возможность закупать рабов, но это казалось мелочью по сравнению с перспективой попасть под стальной каток первого принца, что из-за удара в спину не только потерял огромное число сторонников, но и подставил свою армию под удар на границе. Все наши враги перешли к активным действиям. Ежедневно в столицу направлялись десятки почтовых голубей с информированием о нападениях на приграничные земли. Лорды с передовой просили помощи, которой никто им не мог дать. Никто, включая меня.

Прошло несколько дней с момента как я получил известие об смерти отца. Ни один из братьев так и не ответил, а с моих земель каждые пол дня приходили новости одна хуже другой. Сначала это были лишь слухи, из которых я понял, что беглые темные эльфы движутся по направлению к моим землям. Но после, когда крестьяне одной из деревень нашли вырезанного лесничего, с одной лишь уцелевшей дочерью, всё приняло слишком скверный оборот. Эти рабыни могли сильно повредить моему городу, для этого только и надо было поджечь поля, да порезать население деревень, что в условиях приближавшейся осени и войны грозила мне и моим людям голодом, а также огромной финансовой потерей. Ведь я собирался за счёт излишков неплохо так подзаработать!

Сведений от отрядов Магнуса, высланного на решение этой проблемы, всё не поступало. Я знал, что он в порядке, знал где сейчас находится и что делает, но все его действия и потуги не приносили пользы. Тем временем мои порядочные и трудолюбивые пчёлки начали гибнуть при обработке своих полей, в след за чем и вовсе стали бояться выходить на свои работы. Через письмо Магнусу, а также обращение к мэрии и палате придворных, описывая страшную перспективу восстания, коего уж точно быть в моих землях не могло, вынудил местную знать не только распорядиться об увеличении и выставлении в деревнях и вокруг тех дозоров, но и привлечении собственных сил для поимки беглых Дроу. Эти мелкие вредительницы разрекомендовали себя в моих глазах как профессиональные диверсанты и убийцы, что даже столь опытного вояку Магнуса и привыкшую охотиться на всякую скрывающуюся под полом нечисть Августу, заставили понервничать.

Неделю я нервно грыз ногти, ожидая ответа от братьев и очередной сводки с моих территорий. Целых семь дней я не мог спокойно есть, спать и работать, судорожно вздрагивая и переживая как за подчинённых, находившихся на смертельно опасном задании, так и за свою шкуру, ведь отказ одного из принцев фактически подписывал смертный приговор для моего города и вот, на закате восьмого дня, небеса сжалились над моей тушкой и уберегли голову от чьей-либо пики, а жопу от осинового кола, или любого другого, на которые мои старшие братья так любили сажать им неугодных.

Второй принц согласился на мои условия, и более того, не требуя отречения от положенного мне, предложил и дальше править Нивградом взамен на нейтралитет. Этот дурачок, по-видимому, вообще не понял о чем я ему писал, но да ладно... Брат согласился торговать со мной и даже пообещал двойную плату, если во время осады мои товары каким-то образом будут проникать в город.

Такой хернёй с армией старшего под бока я заниматься естественно не собирался, но для галочки запомнил предложение брата и уже ночью, с частью свалившегося с моих плеч груза получил ещё одно, менее радостное, но тоже многообещающее сообщение. В мою резиденцию, вместе со своей группой, прибыл потрепанный и замученный охотой Магнус. Умудрившись при всём притащить с собой отличный трофей в виде четверых связанных по рукам и ногам пленниц. Стражник, принёсший эту новость, описал четырёх женщин как смуглых, подтянутых и фигуристых дам с чётко выраженными длинными эльфийскими ушами. Одна из пышногрудых женщин более других хамила, угрожала и сыпала проклятиями. Одета та была по всем заветам знатных Дроу и из себя скорее всего представляла крайне важную персону. Вполне возможно, в наши руки случайным образом угодил дополнительный ресурс, суливший не только телесные удовольствия, но и солидный куш. Осталось только понять, та ли эта эльфийка за кого себя выдаёт, или, быть может, своей пышной грудью она пытается спрятать рыбку покрупнее, вкуснее и слаще...

Спускаясь в подвал, где за решёткой, скованные по рукам и ногам, на холодном полу лежали четыре полуголые женщины. Невольно вспомнил выродка Тутлюса. Скорее всего, двух из этих убийц я отдам своим бойцам, после чего их от греха подальше прирежут. С одной возможно порезвлюсь сам, а «знатную» приберегу для обмена. Жестоко ли я поступаю? Разумеется жестоко, вот только как говорить о милосердии, когда перед тобой не просто рабыни, а самые настоящие, хладнокровные убийцы, что без зазрения совести вырезали целые деревни, оставляя в живых лишь бедных сирот.

За толстыми металлическими прутьями, скованная по рукам и ногам, на коленях стояла пышногрудая мулатка Дроу. Одежда женщины изодрана, слипшиеся чёрные волосы перекинута через плечо не могли скрыть большой женской груди и таких же розовых сосков, коими та завлекала всех окружающих меня стражей, предлагая попробовать «последнюю женщину в их жизни».

Она кичилась, кричала, рычала и гавкала, как собака, акцентируя внимание на том, что она потомственная Кафу, что означало её как представительницу высшего сословия происходившего родом из Жарких песков Неберии. Глядя на этот пылающий взгляд, внешний вид этой Дроу понимал: перед тем как она сюда попала многие уже успели с ней порезвиться. Также, глядя на тех, кто прятался за её спиной, видел в женских глазах решимость и отвагу, присущую псам, но не как тем, кто их кормит. Позади гордого трио то ли притворяясь, то ли действительно страдая от какой-то болезни, кашляя лежала самая обычная с виду тёмная эльфийка, казавшаяся на фоне своих внушительных сестёр самой страшенькой и неприглядной.

— Магнус, а скажи мне пожалуйста, вон с той дохлой твои ребята развлекались? — приказав сунуть кляп в рот говорунье, отвлекавшей меня от размышлений, спросил я.

— Так она же больная, страшная, не то что эти три, господин... — Сначала попытавшись скрыть факт сношений своих подчинённых, а после во всём сознавшись, ответил мужчина. — Нет ваше сиятельство...

— Гвиний... — Окликнул я своего советника и тот, понимая, что от него требуется, сотворив заклятие развеивает над «больной» чары, после чего, в заместо измученного и изуродованного болезнью лица появляется молодое и красивое, выделяющееся карими глазами и красной меткой на лбу.

При виде этого все эльфийки выпучив глаза забились в конвульсиях, завизжали и даже попытались подползти к своей молодой соплеменнице, но стража естественно не позволила им этого сделать.

— Эй, грудастая, за все те слова коими ты полила меня и моих людей, может мне прямо сейчас её наклонить и перед вами трахнуть? — взяв Дроу за цепь, висевшую у той на шее спросил я, а после, подтащив к длинноволосой, кинул её госпожу прямо в ноги пустившей слезу приспешнице. Я знал, почему эта собака так громко лает, знал, что до потомственной дворянке той как негру великану до дюймовочки, знал и всё равно позволил продолжать спектакль. Она хотела выгородить эту Дроу, её казавшиеся до этого момента спокойные сёстры тоже вдруг взорвались эмоциями. — Ты ведь знаешь кто я, принцесса? — взяв ту за лицо, играя на публику спросил я и молодая Дроу, глядя на меня испуганными глазами, кивнула. — Это хорошо, тогда ты должна понимать чьих людей, крестьян твои сёстры отправили в землю.

Лицо потомственной Кафу затряслось в страхе, пуще прежнего взорвалась слезами кланявшаяся мне в ноги черноволосая, по чьему мычанию я мог понять лишь одно: она просила пощады для этой девушки.

— Вытащи ей кляп... — Кинул я солдату, глядя на то, как пышногрудая дроу, прижимаясь лицом к моему сапогу, пытается что-то произнести.

— Прошу, господин, я могу всё! Убивать, ублажать, готовить, служить, я сделаю для вас то, что даже и представить себе не могут ваши человеческие женщины...

— Тебе стоило предложить мне это раньше, — холодно, пытаясь напугать гипнотизирующую меня своим телом женщину, проговорил я. Позволить себя обмануть столь льстивыми словами значило забыть о всех тех смертях, что эти Дроу принесли на мои земли. В планах моих было кое-что другое. Мне требовалась компенсация и сейчас я приблизительно знал, как ту заполучить.

— Эту ушастую помыть и ко мне в покои, — тыкнул пальцем в Кафу я, и при виде вновь готовой разразиться словесным поносом её защитницы, добавил: — если хоть пинешь без моего дозволения, я прикажу скормить тебе сердца твоих подруг, а после и твоей же госпожи, поняла меня?

Лицо Дроу полыхало ненавистью, её трясло от страха и злобы за свою Кафу, что обернувшись к той, с натяжкой улынулась и на эльфийском что-то произнесла. Длинноволосая умолкла, дрожь по телу женщины прошла и та, уткнувшись лбом в землю, утихла. Её смиренное поведение, тембр голоса — всё казалось настолько показушным, что даже резко изменившееся поведение ещё недавно больной Кафу казалось чем-то обыденным. Мне повезло, сильно. Моя догадка оправдалась, и теперь я имел первоклассного и весьма ценного раба, вместе с настоящей командой, готовой той служить. Осталось только понять, как по выгодней использовать Дроу и её «молочных» подруг.

Тёмную эльфийку ко мне привели под самый рассвет. Гвиний знал как преподнести мне женщин. Смуглая девушка в белом, чуть ли не свадебном и очень откровенном наряде выглядела просто сногшибательно. Глядя на такую красоту, приправленную злобным и покорным взглядом, так и хотелось сначала сделать своё грязное дело, а уже после вести с той переговоры, вот только деньги и выгода всегда для меня были превыше всего. По крайней мере в прошлой жизни... В играх... И когда вопрос не касался женщин...

— Сука... — Понимая, что из-за просвечивавшегося женского платья не могу настроиться на рабочий лад, выругался я, и та, восприняв это как команду, вслед за захлопнувшимися дверями принялась раздеваться. В первую очередь на землю упало платье, едва скрывавшие женские бёдра, после некое подобие блузки, полностью оголившее смуглое тело, без единого синяка и шрама. Изыщная и нетронутая, сейчас она полностью отличалась от своих сестёр, и лишь одно объединяло некогда знатную Кафу с её сёстрами — магическое клеймо, начертанное Гвинием на относительно небольшой женской груди.

Глядя на меня, женщина высокомерно фыркнула, презрению ко мне в этих карих, тёмных глазах не было предела. Не произнося и слова, виляя своим сочным задом, та продифилировала к моей кровати, а после, упав на простыни, повернулась задницей и небрежно обронила: — Не заставляй меня ждать больше положенного...

Видок, конечно, сзади открывался весьма симпатичный и респектабельный. Подтянутая попка, изыщная кисть, смущённо прикрывавшая точно такой же как и у моих рабынь вареник, и эта неловкая, затягивавшаяся пауза, забавлявшая меня всё больше и больше... В такой ситуации я просто не мог не попытаться пошутить.

— У женщин Дроу принято приветствовать гостей широко раздвинутыми ногами или что? Вы, Кафу, весьма прелестны, когда молчите, но будьте любезны, прикройтесь или если вам так не терпится я могу позвать кого-то из своих солдат, возможно они удовлетворят ваши пожелания...

Будь у темной сейчас под рукой нож, она не щадя жизни точно бы кинулась на меня. Её со скрипом повернувшаяся в мою сторону шея, а после сжавшееся и поспешившее спрятаться под одеялом тело так и говорило: «Какого чёрта ты несёшь, сукин сын»?! Именно такой реакции я и ждал.

— Чего тебе нужно, Принц Душегуб? Я и так предложила тебе всё, что у меня есть, — сжимая в своих ручонке моё бедное, ни в чём неповинное одеяло, сквозь зубы простонала та.

— Сегодня твоё тело мне уж точно не требуется. Простите, конечно, уважаемая Кафу, но у меня каждая вторая служанка и та по симпатичнее вашего будет, даже если брать во внимание вид сзади, — вновь в глазах пленницы вспыхнуло пламя. Выскочив от злобы из-под одеяла, ту даже не смутила нагота. «Как ты посмел так говорить о высокородной мне» — видел огромную табличку на лбу темнокожей я, что только больше меня забавляло. — Прикройтесь, ваше тело всё равно меня не возбуждает... — Словно лукавым ведром воды окотив строптивую дроу, заставил ту вновь спрятаться под одеялом.

Постепенно, женщина стала успокаиваться. По поведению и неумению сдерживать свой гнев предположил, что та не так уж и стара. На глаз мы были ровесниками, вот только как оно было на самом деле, я пока ещё не знал.

— Если вас не возбуждает моё тело, тогда зачем вы меня позвали? — вновь, но с каким-то большим уважением в голосе, спросила Дроу. Так-то лучше.

Поднявшись из своего кресла, стараясь пиджаком прикрыть стояк, спокойно подошёл к кровати и сев на краю, проговорил:

— У тебя и твоих подопечных есть два пути... Первый, ты насильно становишься моей наложницей и рабыней, а твои подопечные отправляются в землю, причём после очень и очень болезненных обрядов. Второй, ты также становишься моей наложницей, но добровольно, твои дроу всё также верны тебе, но выполняют мои поручения, — взгляд Кафу изменяется, она чувствует слабость во мне, что заставляет некудышнога актёра вроде меня идти на блеф. Неуместно усмехнувшись, добавляю: — и чуть не забыл, есть ещё и третий, правда его даже Зорфы распяты от Нивграда до столицы не выбрали. Мне озвучить?

От последних слов на глазах пытавшейся скрыть страх Кафы проступили слёзы. Словно в припадке та закачала головой, повторяя: «я прошу вас пощадить моих людей и сделать меня вашей наложницей».

— Я милостлив, — вырвав свою руку из обхвативших ту женских ладоней, холодно и самодовольно произнёс я, — поэтому позволю тебе служить мне и потом перемешенным с кровью доказать, что ты и твои сородичи, забравшие драгоценные жизни моих крестьян, заслуживаете право на существование.

Глава 3 — На службе у принца

— На колени... — притянув Кафу обратно к камере, отдал я приказ и тёмная эльфийка, одетая по моей воле, так как и положено аристократкам, тотчас прямо на глазах у своих же сестёр и моей гвардии опустилась на оба колена, головой уткнувшись в грязный пол.

— Госпожа... — Со слезами на глазах проронила одна из двух забившихся в угол Дроу.

— Я хочу, чтобы эта молчунья разделась... — Глаза в глаза глядя на непокорную темноволосую, произнёс я, и Кафу Фаэрил без какого-либо промедления и жалости чётко произносит: Хивару, ты слышала приказ нашего господина, разделась, быстро.

С вызовом таращась на меня, та срывает с себя кофту, отчего и без того большая грудь с двумя такими же большими, розовыми сосками, слегка обвиснув под собственной тяжестью, становится ещё больше. В след за кофтой на землю лоскутами падают и опшметки разорванных штанов. Снизу женщина вся грязная, не мытая, даже о минимальной гигиене и уходе за собой не могло быть и речи. Пусть тело её и сводило с ума не меньше, чем тело прекрасной, светловолосой Катрин, но данное непотребство скорее отворачивало.

— Стража, выпустите её, — даю команду я и черноволосая Хивару, высвобождаясь от одной из четырёх связывавших трёх рабынь цепей, звеня стальными кандалами, на руках, ногах и шее, на четвереньках выползает ко мне. Взгляд задрюпанной красотки не поднимается выше глаз своей склонившей голову госпожи.

— Можешь говорить... — Разрешаю той я. Дроу молчит, но после с некой обидой произносит:

— Что же сделал с вами этот человек, что честь и достоинства бесстрашных Дроу заставили вас ему присягнуть? Моя любимая Кафу, неужели страх смерти в вашем сердце настолько велик, что...

— Заткнись Хивару, ты всего лишь слуга и ничего не понимаешь... — Произносит самая молодая и неопытная кафу, коей после нашего скромного и вполне обычного (как для хозяина и слуги) разговора оказалось всего-то сорок лет, хоть и выглядела та без магического грима на каких-то лет восемнадцать.

Перед лицом главной прислужницы знатного рода дроу — Мастера тёмного клинка Хивару Дарадай, — на пол небрежно рухнула стопка вещей, кинутых одним из моих слуг. По-видимому женщина приготовилась к тому же, что и происходило с ней во время пленения, но увы. Уж слишком мерзко та сейчас выглядела. Непонимающий взгляд пышногрудой вновь переместился на её хозяйку, а руки потянулись к чистой одежде.

— Слушай сюда... — Встав между госпожой и слугой так, чтобы Хивару в первую очередь видела и слышала меня, как можно более злобно произнёс я. — Отныне Кафу Фаэрил моя гостья и будет токовой оставаться и дальше до тех пор, пока: первое — я не получу ответ от своего гонца по поводу вашего выкупа; второе — ты и твои сёстры будут мне полезны. Я не собираюсь за бесплатно защищать вас, одевать, кормить и заботиться о пока ещё не тронутой именно мной чести твоей госпожи. — Удивлённая моим словами Хивару подняла голову. — Иначе говоря, она мой заложник, и ваша верная служба, а также удовлетворение всех моих требований, залог того, что твою госпожу не постигнет крайне суровая и очень страшная участь. Ты меня поняла? — Дроу, молча глядя на меня снизу вверх закивала, а после, словно опомнившись, выгнулась, выпячивая грудь и своими пальцами потянулась к моим штанам, пытаясь те с меня стянуть.

Тыльной стороной ладони отбиваю в сторону её руки, и та смотрит удивленно и с какой-то злобой.

— Я рад, что вы меня поняли, но для начала будьте так любезны, Мастер тёмного клинка Хивара, приведите себя в порядок, от вас воняет хуже чем от выгребных крыс Нивграда, — мои слова сильно задели гордую дроу, что опустив голову, быстро прикрыла грудь выданной одеждой.

Стража и прислуга, вместе с Гвинием, всё это время стоявшими неподалёку с удивлением и потехой наблюдали за тем, как я укрощаю строптивых и казавшихся для тех непокорными Дроу. Всего-то и требовалось взять в заложники главаря, пообещать тому лучшие условия в случае сотрудничества и лютую смерть в случае неповиновения, и вуаля, круговая порука налажена. Исчезает или предаёт слуга — умирает госпожа и оставшиеся Дроу. А если меня пытается предать или обмануть сама Кафа, то тут уж тогда и ей и её слугам придётся ой как несладко. Я во всех подробностях объяснил молодой Фаэрил, что со мной лучше дружить, и что так или иначе большинству её сестёр не удастся миновать стен Нивграда, а оставшимся даже добраться до границ моего региона.

Самым лучшим вариантом для темнокожих оставалось относительно безопасное пребывание в моём городе, по крайней мере до прибытия посыльного, коего я отправил прямо перед Фаэрил с очень выгодным и считавшимся самой Кафу крайне щедрым. Я не просил у первоклассных убийц выдать мне их секреты, выслать адамантитовую броню, являющейся лучшей во всем мире, а всего навсего просил золота, коего у тёмных, занимавших гористую местность по словам той же Кафу, всегда было в избытке. Также не забыл позаботиться о безопасности посла и двух имперцев, выделенных для его защиты. В случае если тройка послов не вернётся из Жарких песков Неберии, пообещал прислать тем на границу три головы Дроу и пару ушей знатной Фаэрил, что даже несмотря на мои угрозы считала предложение крайне выгодным для обеих сторон. В общем, уделив пару часов своего внимания

тёмным эльфам, благодаря своей щедрости, а также рабским печатям, созданным Гвинием, сумел завладеть двумя слугами, одной пышногрудой милфой и ничего не умеющей принцессой, перспектива продажи которой в ближайшие два три месяца грозила мне очень серьёзным пополнением казны.

Со всей этой канителью с выкупами и дроу, совершенно позабыл о уговоре с Дунканам. Сейчас по большей степени мне было не до герцогской дочки, тем более, если из-за неё мне мог угрожать первый брат. Данную мысль, «что не буду воевать в случае опасности с первым братом», я в красочной форме изложил и в очередной раз передал на бумаге как самому Герцогу, находившемуся в столице, так и его женщинам. Ответ был быстрым: «всю ответственность за свои действия берём на себя», — говорилось в послании дочерей Дункана, да и в завуалированных словах старого «горца» прослеживался одинаковый посыл.

Дав сутки отдохнуть своему наёмному командиру Магнусу, приказал вновь собирать группу в рейд. Сейчас я собирался изъять дополнительную плату с Графа Ливидия. Столице сейчас не до торговли, большая часть торгашей бежала с города, другая, самая рискованная и малочисленная, собиралась остаться до конца и урвать свой кусок за продажу съестных товаров во время осады. Именно первых требовалось как можно скорее оповестить о таком чудном месте как Нивград. Людей Магнуса я собирался использовать как глашатая, что получив пару лишних медных к жалованию должны будут пойти по кабакам и распространять данную весть. Другая же часть наёмной сотни займётся обсуждением с Ливинием поставок ресурсов, нужных мне для строительства. Обработанная древесина и камень, те же рабы, и всё, разумеется, по чуть-чуть заниженной цене в качестве «добрососедского» жеста. Злоупотреблять своим положением я не намерен, и в качестве оплаты думал поставлять тому соусы, а также предоставить какую-никакую недвижимость в своём городе. Специально для его «доверенных» торговцев в том, что у столь успешного графа были свои подкормленные люди, я не сомневался, и именно благодаря им я также намеревался увеличить и без того росший на глазах поток денег, проходивший через счётную палату загибавшейся в бумагах и отчётах мэрии.

Эти старые пни выли, как битые собаки каждый раз, когда я спрашивал как у них дела. Ещё немного и они сами возьмутся за обучение крестьян, лишь бы не проводить всё оставшееся им время в пыльных и мрачных застенках Мэрии.

Глава 4 — Повсюду враги!

К сожалению, и на следующий день, что Магнус, что я, Гвиний, Августа и всё прочее население Нивграда приступить к работе и своим обязанностям так и не приступили. Столица наконец-то официально оповестила весь ближайший мир о смерти Богоподобного Императора.

Улицы и без того мрачного города украсились траурными речами, слезами и процессиями. Из каждого окна доносился плач, выказывания соболезнований и вопросы типа: «а как жить дальше»? Каждый из крестьян ныне живущих в империи родился в свете Императора. Они, их отцы и деды и прадеды росли и умирали в годы его правления. Вряд ли кто-то из них знал моего папашу лично или жал ему руку и ужинал с тем за одним столом, однако, это не мешало старикам рыдать, словно новорождённым. Все, от мала до велика, от умственно отсталого до гения понимали: со смертью Бога кто-то попытается занять его место, а это значило, что времена смут и междоусобных войн пришли в их бедные дома. Вчерашний крестьянин по приказу лорда возьмётся за вилы, чтобы убить соседа, служившего другому лорду. Друг, брат, сват — неважно. Считавшие себя в безопасности от налётов и приграничных атак, мужчины уже сейчас, со смертью хранившего их покой Императора готовились отправиться за ним, а женщины, надевая на себя чёрные, пропитанные сажей платки, терзая сердца дурными мыслями, примеряли на себе траурные наряды и роли молодых вдов...

От старшего, первого принца всё не было вестей, однако уже сейчас через связи Гвиния, по всей империи, через каждое сообщение, прибывшее голубем или посыльным, отслеживались крайне дурные тенденции. Вся знать аристократия мобилизовали свои войска. В стороне не остались и другие мои братья.

— По-видимому и нам погреметь оружием придётся, да, старикан? — откинув в сторонку очередное письмо с просьбой очередного лорда нанять того вместе с войском для «защиты и избежания проблем в дальнейшем». Теперь даже титул сына Императора ничего не стоил. В миг я потерял всё: авторитет, поддержку знати и стал добычей для кучки средневековых идиотов, возомнивших о себе не весть что.

— Кого это вы назвали стариканом? — недовольно поморщился целитель, предоставив следующее письмо.

— Убери эти бумажки, — видя очередное письмо от очередного неизвестного лорда, рыкнул я, — ими только зад подтирать...

Хмурый как грозовая туча Магнус, молча подпирал стену моего кабинета. Он и ранее не был особо многословным, ну а сегодня прям совсем раскис.

— Капитан, сколько нам нужно регулярных солдат, чтобы догнать численность армии Нивграда до средних размеров наших соседей? — спросил я у того, на что мужчина всё так же хмуро спросил:

— Регулярных? Наш максимум — это две-три тысячи крестьян с вилами и в лучшем случае копьями. Ополченцы — не регулярная армия, господин. При обороне города, изданный вами указ о «луке в каждой руке» станет нашей козырной картой, точно так же, как и Осиротевшая сотня Имперских гвардейцев, но эти две-три тысячи... — Магнус находился в растерянности, он не знал как выразить свои мысли. — Этот сброд, даже в победном бою может разбежаться, об выставлении их на поле боя я и вообще молчу.

— Вы не ответили на мой вопрос, Капитан, — с упрёком, напоминая о субординации и о том, с кем говорит «вчерашний гвардеец», произнёс я.

— Прошу прощения, юный господин, — выпрямившись и слегка взбодрившись, ответил тот. — Двух тысяч регулярных, тренированных воинов, оснащённый лёгкой бронёй и хотя бы таким же вооружением будет достаточно.

Вновь тишина воцарилась в моём кабинете. Я и мои слуги жили не в промышленном веке, и две тысячи тех же мечей становилось огромной производственной проблемой. Вилами и копьями при защите города сильно не помашешь, мечи дорогие и их в быту особо то и не поиспользуешь, а значит требовалось оружие, которое и в мирное и в военное время будет полезно и рассмотрено тем же крестьянином.

— Магнус, как ты относишься к боевому топору, владеешь таким? — в очередной раз смутив мужчину своим «глупым» вопросом, получил утвердительный ответ. — А как смотришь на то, чтобы вместо мечей оснастить нашу «будущую» регулярную армию топорами? Это оружие достаточно короткое и удобное для сражений на стенах и за городом, причём крайне полезное в быту и достаточно дешёвое в изготовлении. — Вновь немая пауза, вновь все задумались.

— Звучит разумно, мой господин. С вашего позволения, я останусь в городе и лично займусь подготовкой первого десятка бойцов, что в последующем займут роль сотников вашей регулярной армии. Жизненно важно, чтобы это были верные и проверенные нами люди, я просто не могу доверить эту работу кому-либо другому... — Склонив голову передо мной и инквизиторшей, с вызовом в голосе проговорил мужчина.

— Даже мне? — недовольно насупила в ответ сестра. Она не любила когда кто-то из нижестоящих пытается оспорить её превосходство и «возвышенность» над другими. По-видимому лишь мне сестрёнка прощала подобные

выходки.

— Даже вам, великая воительница, — ожидая данного вопроса, коротко ответил бывший капитан и поспешно пояснил: — Вы умеете добиваться правды, но в наборе и управлением армией, как и её подготовкой, никогда не участвовали, а значит хуже меня подходите на эту роль. — Внезапно сестрёнка вместо злобных речей улыбнулась и кивнула. Кажется она тоже понимала важность данного отбора, проблему которого одним набором крестьян в свои ряды, а также оснащением их топорами нам было не решить.

— Хорошо, допустим мы снабдим наши войска топорами, забыв о щитах и доспехах... Но как нам быть с этим самым войском? Держать его в городе в надежде, что на нас кто-то нападёт и оно понадобится? — дельно подметил Гвиний. — С наших полей уйдёт тысяча человек, ваша светлость. Кто вместо них возделает поля, соберёт урожай, заготовит дрова на зиму для своих семей? Я уже и не говорю про обязательное жалование для каждого солдата...

Вопрос так вопрос... Чёртов старикан умел смотреть в корень и пуст сейчас. По моим прогнозам мы могли кое как вытянуть содержание тысячной армии, то от других планов по созданию излишка в провианте пришлось бы отказаться.

— Можем поступить так. Для начала, разместим дозорные отряды по всем границам нашего региона, что в случае появления любой армии оповестят Нивград, то есть нас. После собираем по десятку бойцов из каждой нашей деревни, из города чутка больше. Магнус занимается их муштрой, гоняет тех до посинения, заставляет парней оттачивать навыки владения топором, после чего те самые топоры мы оставляем им и отправляем обратно в их деревни. Пусть работают под присмотром своих десятников, что постоянно будут заниматься их контролем и тренировками, а также проверят, как хорошо наши крестьяне исполнили «Эдикт» своего принца. Пусть проверят сельские дома на наличие луков и стрел.

— Сложно контролировать, долго собирать, подготовка будет хуже, но и нагрузка в финансовом плане на регион куда ниже, лучше чем ничего... — Расчётливо проговорил Гвиний. Магнусу не очень понравилась данная идея, всё же он являлся сторонником жесткой муштры и полного контроля над своими людьми, однако, спорить не стал. — Ладно, с набором армии мы разобрались, но против кого мы будем её использовать? Вряд ли после наращивания силы, местные лорды решатся на какие либо посягательства в нашу сторону, — вновь взялся за старое старикан.

— А кто мешает нам спросить с них за вот эти вот «писульки»? — мой вопрос заставил Магнуса и Гвиния разделить частичку моего злопамятства и коварства. Грязные мыслишки всплыли на их лицах вместе с коварными улыбками. — Эти выродки ещё не поняли, кому перешли дорогу...

Карета и два десятка тяжелых всадников в сопровождении встретивших тех на границе региона разведчиков медленно приблизились к воротам города Нивграда. Местный капитан стражи, не стесняясь рукоприкладства, мощным ударом в живот поспешил напомнить провинившемуся в чём-то разведчику о его первостепенных задачах, и тот, рухнув на землю, поспешно извинился. После, злобный взгляд здоровяка переместился на карету, вынудив наблюдавшую за происходящим Герцогиню Матильду Бэгскую задёрнуть шторку своей кареты.

— Тут, по-видимому, все такие же варвары, как и этот четырнадцатый принц... — Встрепенувшись и поправив свалившуюся на глаза прядь волос, злобно обронила женщина.

— Поздно поняли это маменька... А я ведь говорила папеньке о том, что этот Карл чёртов деспот, тиран и садист. Одна его выходка с Зорфами чего стоила, а вы меня замуж отдать за его хотите! — злобно прорычала Элизабет, черноволосая, высокая дочь герцогини, что и лицом и повадками полностью пошла в строптивую и непокорную мать.

— Была бы чутка умней, то поняла бы, что сделано это всё было лишь для нашего с тобой блага, — с интересом разглядывая улицы и местных жителей Нивграда, стараясь зацепить сестру, проговорила светловолосая Шарлотта, что в свою очередь позаимствовала при рождении черты лица отца и ум матери.

— Какое к чёрту благо, дура! В столице будет куда безопаснее... — Возразила младшей Элизабет. — Там ведь армия Героического второго принца, и папеньки...

— Сама ты дура и героический твой принц дурак. Папенька не от хорошей жизни пошёл на мятеж, и сейчас рискует там своей жизнью ради нас и непутёвых братцев, — недовольно отозвалась младшая Шарлотта.

— Что? — влюблённая во второго принца, злобно набычилась Элизабет.

— А то, если папенька Дункан не будет уверен в безопасности своих земель, а также наших с тобою жизнью, он наверняка убьёт второго принца, вернув столицу законному наследнику. Он сделает всё во благо империи, своей семьи и...

— Заткнулись обе, и Шарлотта, доченька, мы на территории потенциального врага, будь добра держать свой язычок за зубами. Ибо излишки ума имеют свойство изливаться из человеческих тел, — тяжело вздохнув, прервала умную не по годам дочку Матильда. В их городе практически все политические фракции поддерживали второго принца, в случае второго мятежа, что затевался её мужем, их бы убили, точно так же, как скорее всего убьют Дункана после того, как для армии первого принца откроются ворота.

После подобного, скорее всего они потеряют всё своё Герцогское наследие и единственным шансом не пасть до уровня знатных куртизанок, из коих сама Матильда и происходила, было сосватать дочерей на ком-то побогаче. Желательно на той же императорской крови. Тогда, после гибели Дункана, она ещё имела возможность сохранить часть его земель, а также своё тело для самой себя. Она любила мужа, но его откровенное прощание перед уходом и происходящее вокруг лишь в очередной раз подтверждали мысль, что нужно учиться выживать без сильного мужского плеча. Ибо на сыновей идиотов, пожелавших остаться при дворе всё тех же враждебно настроенных к первому принцу аристократов — она положиться не могла. Скорее всего, двух её мальчиков ждёт тоже будущее что и отца... Но и плевать, мужчины глупы, и пока у неё есть её девочки, она точно не погибнет и не даст им пасть на дно, с коего его бабка и мама так долго выбирались.

Карета медленно ползла по городу. Мать со старшей дочерью нервно хихикая обсуждали «а какой же этот принц», пока любознательная Шарлотта растопыренными глазами оглядывала очень чистые и ухоженные на её взгляд улицы.

— Божечки... — Внезапно, среди спокойных улиц на глаза младшенькой попалась голова насаженная на кол, с подвешенной на ту табличкой.

— Что там, что там?! — подскочив к окну Шарлотты и уставившись в стекло, любознательно спросила, а после охнув, поинтересовалась у младшей: — Что там написано?

— «Я судья, судивший за золото, теперь тело моё в земле, а лик предостерегает вас и просит жить по закону и на совесть!» — зачитав это, светловолосая, впервые глядя на покойника или вернее на то, что от него осталось, смогла улыбнуться. Уродливая голова скорее вызывала у той смех, чем страх. Папенька Шарлотты расправлялся с неугодными похожим образом, но чаще всего это были враги желавшие тому смерти, воров из власти чаще всего наказывали поркой и штрафом, а тут голову с плеч... — Тебе бы, Элизабет, в твои то годы хотя бы читать научиться, тыж вообще дура душой...

— Сама ты дура, а я Герцогиня и выше какой-то там грамматики... — Злобно фыркнув и в очередной раз мысленно упрекнув местного принца в варварстве, вернулась на своё место Элизабет.

Проехав ещё немного, карета встала. Поинтересовавшаяся происходящим Герцогиня получила растерянный ответ кучера: «впереди затор». Высунув голову Матильда с удивлением обнаружила переполненную людьми

рыночную площадь. Подобное скопление свободных граждан, не рабов, в их городе происходило разве что по праздникам, да и то не в таких количествах, а тут не только чернь на улицы высыпала, но и торговцы, аристократы — все перемешались в кучу.

— Что там происходит? Кто устроил праздник спустя всего пару дней после кончины Божественного Императора?! — подозвав к себе провожатого, отправленного довести гостей до резиденции принца, поинтересовалась с недовольством Матильда.

— Будь сегодня праздник, я бы вас через город не повёз... — Злобно и чересчур для прислужника высокомерно, произнёс провожатый. Вырвавшись вперёд, тот вместе с личной стражей Герцогини принялся разгонять переполненную толпами площадь.

Всё больше и больше удивляясь этому месту, при этом раздражаясь не утихающему зудению старшей сестры, любознательная Шарлотта, подобрав в одну руку платье, второй распахнула дверь и в прыткой манере выскочив из кареты, под злобные выкрики матери запрыгнула на место кучера.

— Почему на их улицах так мало рабов, я вообще не вижу, чтобы на эшафоте проводились хоть какие-то торги. Принц Карл что, запретил рабство? — прикрикнув, дабы провожатый услышал, спросила младшая. Видя искреннюю заинтересованность, улыбнувшийся провожатый, что до глубины души был предан и верен четырнадцатому принцу, чутка сбавил хода и чтобы малышке не пришлось кричать, приблизился к той.

— Ошибаетесь, юная барышня. Рабы — это главное сокровище Нивграда, — вспоминая отцовскую мастерскую и то, с каким потоком в карманы бати потекли деньги после возвращения принца, заявил мужчина.

— Но тогда где же ваше сокровище? Почему его не продают? — не унималась Шарлотта.

— Потому что они в нашем городе стали бесценны. Вы не купите раба в Нивграде не потому, что их тут нет, а потому, что они не успевают к нам доехать, как более предприимчивые торговцы скупают всех доступных мужчин и женщин, даже детей и стариков, — всё шире усмехаясь от округлившихся от удивления глаз молодой герцогини, произнёс стражник.

— Но ведь в Нивградских землях только одна шахта, и всё, зачем?!

— Об этом вам наш господин расскажет, если конечно в своём графике найдёт на это время. Он у нас человек занятой, прям святой, как почивший император...

Столь тесный отзыв от с виду обычного солдата, заставил Шарлотту заподозрить что-то неладное. Чистые улицы, никаких пьяных, испражняющихся, трахающихся. Даже дебоширов и то нет, и стражи по городу много, всё это неспроста. Скорее всего подлец Карл таким образом, подослав к ней специально человека, хотел показаться добрым и пушистым. Так сказать, ослабить к себе бдительность, влюбить в свою доброту и щедрость чтобы после, пользуясь титулом и положением, спокойно управлять глупыми и доверчивыми Герцогскими дочерьми, словно своими марионетками. «Врёшь, не возмёшь» — считая, что раскусила коварного Карла, усмехнулась сама себе Шарлотта.

Глава 6 — Дешевле чем в борделе...

Приветствуя гостей точно так же, как некогда меня встречала Августа: с недовольной миной и воинственным, как мне казалось, видом. В ответ получил лишь какой-то пренебрежительный, ещё более высокомерный взгляд. Взрослая, черноволосая, стройная женщина в красном платье, держа своих дорогих дочурок за спиной, небрежно поклонилась, приветствуя меня.

— Будьте добры юноша, проведите нас к принцу Карлу, мы спешим... — То ли случайно, то ли нарочно спутав меня со слугой, проговорила женщина, после чего, показавшийся из-за спин моей стражи Гвиний, заставил женщину наигранно удивиться. — Прошу прощения, я должно быть застала вас в не лучший момент, просто в моих краях мужчинам принято носить с собой оружие... — Выделив изюминку на огромном пироге наглости и тщеславия, произнесла герцогиня.

— А в моих краях женщины носят передники, стоят у плиты и готовят мужчинам. Кстати, не вижу у вас фартука и половника в руке, забыли? — от этих моих слов не то что Гвиний поперхнулся, но даже и стража герцогини вместе с моей, казалось бы, привыкшей к моим выходкам охраной, закашлявшись, принялась прятать улыбки и смешки за собственным оружием и кулаками. Одна из девушек позади женщины удовлетворённо захихикала, вторая же, как противоположность, подобно матери злобно покраснела.

— Да как вам не стыдно сравнивать знатную женщину с какой-то...

— Оставьте нравоучения для своих детей и мужей. Герцогиня Матильда Бэгская, возможно, если бы вы заботились о своих мужчинах получше, чем о собственных платьях и украшениях, то вам не пришлось бы прятаться за спиной того, кто вам противен, которому между прочим ваш визит противен ровно как и вам. Я знаю, что брак лишь фиктивность. Знаю, что вы хотите укрыться здесь от гнева первого брата, и даже более, если это не станет угрозой для моего города, я позволю вам жить здесь столько, сколько пожелаете, без нужды и в достатке. Но всё это только при условии, что вы и ваши дочери не станут доставлять мне лишних хлопот, коих у меня выше крыши. — Сделав шаг той на встречу, на полном серьёзе заявил я. Не знаю, чего там задумал Маклауд, но пока мне и моим людям ничего не угрожает, я собирался держать слово. По крайней мере пока, ведь на случай чего, дамочки в равной степени сгодятся как в роли заложников, так и в роли супруг...

Ужинать женщины рода Бэгских после нашего разговора соизволили в гордом одиночестве, что собственно меня ничуть не удивило. В отличии от второй, ночной гостьи, осмелившейся под чутким конвоем и надзором Августы просить моей аудиенции.

Сидя в одном халате, попивая вино и сверяя отчёты по доходам города за прошлый год и этот, удивлённо хлопая глазами, приподнявшись в кресле поприветствовал соизволившую посетить меня грудастую Дроу. Чья хозяйка сейчас находилась в особняке под магической личиной обычной женщины и охраной десятка гвардейцев. Убежать, или причинить вред хоть кому-то из моих слуг она не могла, но наслушавшись о коварстве и умениях тёмных эльфов от Гвиния решил перестраховаться, выделив на её охрану последних числившихся свободным ресурсом гвардейцев. Каждый из этих парней сейчас для меня был на вес золота, и тратить жизни самых верных на патрулирование и прочие глупости я перестал, допустив до охраны самых главных объектов и персон.

— Приветствую Хивара из рода Дарадай, что привело вас в столь поздний час? Желаете вина? — на лице Дроу не дрогнула и ресничка. От того же Гвиния я слышал, что настоящие потомки Дроу спокойно могут неделями обходиться без воды и еды, но судя по тому, как быстро ко мне прибежала одна из последовательниц Кафы Фаэрил, данный факт оказался сильно преувеличенным. Пусть я и сказал, что позабочусь о их знатной особе, но между прочим упомянул, что другим эльфийкам самим придётся зарабатывать себе на хлеб. Фаэрил я также не баловал, так что, просьба Дарадай о возможности забрать вино и передать его госпоже я с усмешкой на лице отверг. — Тебя сейчас я угощаю в знак уважения Хивара, ведь вы наконец-то решились на службу мне. Им же, подобную еду вы сможете купить на рынке, на свои честно заработанные деньги.

— Могу я попросить уважаемую инквизиторшу оставить нас наедине, — поинтересовалась эльфийка, блеснув глазами и чутка наклонившись, продемонстрировала свой соблазнительный вырез.

— Нет, ты серьезно думаешь, что я оставлю одного из наследников империи в твоих грязных руках? — положив руку на рукоять своего клинка, рыкнула Августа.

— Я погибну если даже мои руки замахнутся на принца, печать не позволит причинить ему вред, да и разговор наш не для святых ушей, — намекая на свои грязные услуги, и то как она хочет заработать на хлеб для двух своих подруг, выпускать которых из их «комнат» я разрешил строго по одной, проговорила Хивара.

— Говори напрямую, — наконец-то дождавшись настоящего удивления и опасливого взгляда, коим та одарила напряженную Августу, потребовал от темной эльфийки.

— Я хочу продать вам своё тело и получить за него золото... — Глядя на инквизиторшу, спокойно стоявшую в стороне, в очередной раз удивившись, и переведя взгляд на меня, решительно выдала Дроу.

— Одни золотой... За большим тебе в городской бордель. Уверен, там на твоё тело найдётся покупатель пощеднее меня.

Моё предложение эльфийке не понравилось. На мгновение женщина даже задумалась, но спустя несколько секунд, вновь взглянув на сестру, спросила:

— Вы собираетесь совершить грех прямо перед представителем вашего же бога, не боитесь кары небес, они ведь такое не прощают?

Взяв в руки кувшин, решил немного поиграть на эмоциях обеих женщин. С одной стороны хотелось произвести как можно более пугающее впечатление на эльфийку, а с другой — порадовать мою немного извращённую сестрёнку, которая в последние дни и так ко мне подходила, и этак. Только всё из-за произошедшего с папаней никак не решалась сама предложить.

— Пей, — грубо впихнув в руки инквизиторши кувшин, потребовал от Августы я и та, взглянув на эльфийку точно так же как та на неё, а после поглядев на меня, слегка растерянно кивнула и сделала глоток. — Ещё... — Поднимая кувшин потребовал я, и та сделала ещё пяток. — До дна, это приказ. — Зайдя той за спину, и пока девушка залпом осушала оставшийся литр крепкого вина, развязал подвязки на её доспехи.

— Раздевайся... — Дождавшись, когда тяжело дышащая сестра поставит кувшин, приказал я и тут она впервые, словно требуя чего-то большего, решила молча воспротивиться. — Я буду пытаться тебя лично, и ты знаешь — в гневе я очень жесток. — Глядя в разгорающиеся страстью глаза и краснеющие щёки, принялся наблюдать за тем, как шокированная Дроу, открыв рот, смотрит на павшую прямо на её глазах великую и непорочную воительницу, что оставшись в чём мать родила, по моему же приказу упала голой на колени.

— Хивара из рода Дарадай, в Нивграде есть только один человек, которого ты и твои сородичи по-настоящему должны бояться, и это я, — встав напротив эльфийки, что ростом была выше моего на добрые пол головы, грозно глядя прямо в эти мерцающие в огне комнаты глаза, проговорил я. — Ни твои сородичи, ни святая инквизиция, не даже сам Господь Бог здесь тебе не помогут.

Глаза женщины дрогнули, по виску безэмоциональной Хивары прокатилась капля пота. Она не боялась меня как принца, мужчину или воина, но опасалась той дурной славы и садистской наклонности, скрывавшейся за новой личиной Карла. Ныне покойный принц своим подвигом создал мне крайне дурную славу, заставлявшую даже самых сильных и стойких врагов нервничать, когда я с усмешкой и вызовом глядел тем в глаза.

— Вы позволите Хиваре из рода Дарадай сделать то, зачем она пришла, господин? — оголив плечи и грудь, припав на оба колена и положив руки на мои штаны, с едва проступившей в голосе ноткой дрожи, спросила та.

— Приступай, — убрав свалившуюся на глаза женщине прядь черных волос, глядя на рабыню сверху вниз, проговорил я.

Глядя на эти умело касающиеся головки моего члена руки и губы, постоянно возникало стойкое желание посочувствовать женщине, её участи рабыни и горькой судьбе. Отчего приходилось чуть ли не каждую минуту напоминать себе о тех ужасах, что темные творили в наших землях, попутно загоня своего приятеля той всё глубже и глубже в глотку.

— Зачем вы резали селян? — когда та, чуть ли не задыхаясь, положила мне руки на икры, пытаюсь освободить горло, оттянув за волосы голову Хивары я.

— Дар нашим богам... — Пуская слюни и тяжело дыша, отозвалась Дроу, вслед за чем, я вновь стал пользоваться её головой на своё усмотрение. Их языческие замашки стоили жизни множеству невинных граждан, чьи осиротелые дети до конца жизни будут испытывать ненависть к их роду.

— А детей почему не убили? — испытывая одновременную злость и удовольствие, вновь позволив Хиваре наполнить лёгкие воздухом, спросил я.

— Дар лесу... — «Заебала со своими дарами». Вновь всадив и с силой сжав той ноздри, ощутил такой вакуум, что тотчас, не сдержавшись, выплеснул всё темнокожей прямо в глотку. Рабская печать не позволяла женщине сомкнуть зубы, оттолкнуть меня или ещё как-то противиться моим действием. Всё что она могла — это моргать заливающимися слезами глазами, хлопая меня по животу и прося дать возможность сделать глоток воздуха.

С закатывающимися от экстаза глазами, вытянул свой член изо рта Дроу, после чего та, рухнув на пол, громко закашлялась, разлеглась так, словно всё уже закончилось.

— Что ещё ты умеешь? — стоя с вываленным наружу дружком спросил я, и та, глядя на меня с пола, одной рукой обхватив член, пытаюсь перевести дыхание, принялась наяривать его своей ручкой. — Я говорю не о постельных ласках.

— Разведка, диверсия, заказные убийства, похищения, — проговорила та, и видя моё якобы «неудовлетворённое» лицо, привстав, приподняла одной рукой свою грудь, обхватив той мой член, принявшись прогонять того от сисек до лица, попутно лаская кончиком своего языка. Эта эльфийская сука знала своё дело, при чём очень хорошо: ни мои рабыни горничные, ни сестрёнка, с удивлением и злобой наблюдавшая за тем как её обходят по всем параметрам, не могли похвастаться подобными техниками владения языком и уж тем более дамы уступали Дроу в фигуре и размерах. Высокая, подтянутая, с хорошими формами и боевыми навыками...

— Как же так получилось, что такой мастер попал в плен, причём дважды? — стоя неподвижно и тем самым вызывая неудобства для вынужденной двигаться самостоятельно Хивары, спросил я.

— Первый раз из-за сородичей. Нас предали, к горлу госпожи приставили нож, я не могла действовать. Второй раз из-за гиганта по имени Магнус. Мы не рассчитывали, что на наши поиски отправят авантюристов владеющих магией маскировки, оттого и появление этого медведя заметили слишком поздно. И пока мы сражались, моих сестёр и госпожу вновь пленили... — Говоря о своих провалах как о величайшем поражении в своей жизни, опустил голову, говорила Дроу.

— Ты ведь ещё умудрилась убить одного из моих парней, от меня пытались скрыть этот факт, но я всё же узнал. За это ведь именно тебя и изнасиловали, так ведь? — на секунду темная замерла, но видя мои нахмурившиеся брови, продолжила с двойным усердием, подтвердив немым кивком мои слова.

— Сколько солдат тебя поймали? — вытащив член из женской груди, прервавшись, грубо спросил я.

— Трое, — опустив взгляд и предполагая, что после этого за свою работу не получит и ломаного медяка, коротко отозвалась Дроу.

— Убила кого?

— Зазевавшегося мужчину с мечом, — коротко ответила та, натолкнув на мысль, что это мог быть один из ветеранов и друзей Магнуса. Что, собственно, и стало причиной необъяснимой жестокости к пленникам. Мой сотник не славился лишней жестокостью к рабыням и пленникам, по крайней мере так говорили его бывшие подопечные, а значит он помог потерявшим товарища мужчинам успокоить свою ненависть и доставить мне нужный товар.

— Понятно, значит повезло, — наступив ногой на ткань, и не позволяя той прикрыть свою грудь, произнёс я.

— Вы называете изнасилование везением, принц?

— Верно, ведь убей ты кого-то из моих авантюристов, или тем более доверенных, изнасилование для тебя стало бы чем-то таким же обыденным, как для забулдыги похмелья, а теперь легла на землю и подняла свой зад, — подойдя к прикрытой тканью, заднице в пышных форме, не торопясь стянул с той свободные штаны, чем-то напоминавшие шаровары.

— Неужели женщины в ваших глазах не заслуживают милосердия? — по-видимому обобщая свою участь и участь всех тех женщин Зорфов, повешенных на столбах от Нивграда до столицы, спросила Дроу. За последних мне

действительно было жутко стыдно, и даже страшно. На такое я никогда бы не решился, ибо невинные не заслуживают такой участи, но Хивара — её назвать невинной язык не поворачивался.

— Милосердие? Ты мне будешь говорить о милосердии?! — без смазки всадив в женщину на половину от доступной длинны, и услышав лёгкое и болезненное шипение из уст Дроу, так же злобно выдал я. — Где было твоё милосердие, когда вы резали моих крестьян, когда оставляли маленьких детей на верную и голодную смерть одних в лесах, переполненных зверьём и всякой нечистью вроде вас? Ты и твои сестры не достойны милосердия. — Нарастивая темп и чувствуя как внутри становится всё влажнее и уже, грубо произнёс я.

Бёдра Дарадай, под такт пошлым шлепкам покачивались при свете магических светильников. Августы, наблюдавшая за привыкшей к моим размерам темной, что восприняв мои слова как вызов, полностью умолкла, не желая радовать меня своими стонами, решила также присоединиться. Пару раз та как-то странно взглянула на меня, и лишь на третий я понял чего та добивается, и приказал сестре в грубой форме подойти поближе.

— Раз ты не хочешь радовать меня своими стонами, это сделает другая, — перевернув Дроу, отдал приказ сестре сестре той на лицо. Эльфийка попыталась возразить, но печать и прикрывшая той рот выбритая начисто вагина сестры в миг заткнули Хивару.

Уже спустя минуту, из-под Августы на тёмную ручьём потекли соки. Я видел, как та с удовольствием ёрзает своей киской на лице Дроу, видел, как та с силой хватая ту за большие соски, активно принимается выкручивать, заставляя даже выносливую Хивару издавать болезненные звуки, что в такт с моими движениями и действиями сестры становились всё более и более пошлыми.

Пальцы сестры нещадно игрались с пышной грудью, грязные слова Августы требовали, чтобы «рабыня» работала усерднее своим языком и проталкивала того глубже, и каждый раз, когда той чего-то не хватало, вновь страдал один из больших сосков, а после и клитор, до коего успели добраться грубые пальцы сестры.

— Х-х-ватит... — донеслось дева слышное слово Дарадай, чьё тело, дрогнув, извергло жидкостей, коих снизу хватило бы для смазки целой армии. Прервавшись, желая подольше поиграться с Дроу, позволил сестре как можно дольше наслаждаться тем, о чем та и мечтать не могла. Не знаю, как такое получилось, но именно сейчас, доминируя над теми, кого та презирала — над женщинами другого вида, — она выглядела точно счастливой, что и в наш первый раз.

— Мы только начали... — Скользящими по складкам её дырочки движениями, вновь вернулся прямо в тёмное эльфийское влагилице, желая продолжить наш с сестрой вечер экспериментов.

Мерзкий, злобный и властный материнский голос герцогини Матильды: я даже будучи за прочными стенами и под одеялом ни с чьим другим перепутать не мог. Соизволивший вчера нажраться, с мигренью, шатаясь, поднялся с постели. Усталость после наших вчерашних физических нагрузок до сих пор приятно отзывалась в руках, ногах и ещё кое-где. Удовлетворившая мои потребности Хивара таки получила свою монету, а также, в благодарность за дополнительные работы с Августой и мной, ещё пару кувшинов вина. К слову, насколько я помню, гордую и напившуюся в хламину грязнокровку, растерявшую с её же слов последние крупницы чести и достоинства, уносили под руки.

За очередным стаканом, а за ним и кувшином, мне удалось подкорректировать свои понимания традиций клана Фаэрил, в коем она скорее являлась не принцессой, а всего навсего старшей дочерью Матрэ Нибы, или же старейшины матриархального клана Нибэ. По началу это сильно разочаровало меня, продавая Дроу я рассчитывал на солидный куш, а мог получить лишь пшик. Хивара поняла это, и с усмешкой обвинив меня в незнании их племени пояснила, что племена темных по размерам иногда превосходят даже городские города. Фаэрил не была того же статуса что и я, но происходила из достаточно богатого рода. Наше с ней общение и её преувеличение по поводу собственной значимости, наверняка могли быть связаны с её опасениями о моей неосведомлённости, что в данном случае являлись не напрасными.

Шатаясь, поднял кубок воды, заботливо оставленный вчера кем-то из моих рабов: прохладная влага затопила воцарившую во рту и горле пустыню; по привычке согнувшись, хотел найти свои носки, брошенные под кроватью, и лишь столкнувшись с дичайшим головокружением, наконец-то вспомнил кто я есть и крикнул во всё горло: прислуга!

Влетевшие дамочки быстренько уволокли моё тельце в ванную, примарафетили, вытерли, одели и отправили во мрачный и очень жестокий реальный мир, где меня уже ожидала разодетая в свои лучшие шелка Матильда.

— Ох, вы ещё не уехали... — Со вчерашнего женщина сделала какие-то свои выводы, и не то что уберегла меня от своих колкостей по поводу внешнего вида, но и даже приветственно и почтенно поклонилась. Вот только я не собирался играть в эти дворянские игры и прямо намекнул, что гостей уже давно ждет резиденция покойного Тутлюса.

Со стойкостью самого Иисуса, женщина приняла брошенный в свой адрес камень, улыбнулась и даже спросила: «как мне спалось». От чего прям аж в дрожь кинуло. Уверен, её сейчас буквально разрывало изнутри от злобы, но вместо этого я видел лишь красивое лицо, стройную фигуру, и как казалось мне ранее не свойственное данной даме почтенное, покорное и крайне вежливое обращение ко мне. Пропустив приветствие мимо ушей, похамски кивнул, молча пройдя мимо. Возможно, мы вчера и вправду друг друга слегка не поняли...

За спиной моей послышался хруст сжавшихся кулаков и скрежет зубов, за которыми последовало едва слышное, шипящее «Щенок». Не, вчера я всё правильно понял... Усмехнувшись, не обращая внимания на старуху пошёл к лестнице, надеясь, что подошедшая стража не позволит этой женщине отправить меня в полёт по ступенькам.

Сюрпризы от семейства Бэгских на этом для меня не закончились. Оказалось, причиной поднявшего меня на ноги с утра пораньше скандала, стало требование графини разбудить меня для завтрака. Знавшие мою любовь к работе по вечерам, причем не только с женщинами, но и с бумагами, слуги пытались убедить Матильду, что делать этого не стоит, однако настойчивая женщина всё-таки сумела добиться своего. Пусть чутка другим путём, тем не менее я всё же проснулся, и теперь, сидя напротив клячи и её дочерей, с трудом запикивал в себя завтрак, чей каждый кусок комом становился в моём горле из-за трёх женских, пристальных взглядов.

— Скажите принц, неужели вы и вправду не уделяете тренировкам какого-либо времени? Вы же мужчина, а долг мужчины владеть оружием и защищать женщину, а также землю и государство... — Не удержав своё любопытство за стенками своего молодого ротика, впервые подала при мне голос старшая из «Бэгских». Вроде её звали Элизабет.

— Не помню, чтобы у кого-то занимал, да и так, чтобы всю жизнь по долгам платить... — Поставив ответом ту в тупик, ответил я, на что младшая из моих гостей лишь усмехнулась. Эта мелкая, с её взглядом, рассматривающим всё, казалась мне ничем не лучше своей матери. Ибо именно молчащих и наблюдающих за всем игроков, а также людей, я привык опасаться больше всего.

— То есть, вы вообще не владеете мечом и щитом, я вас правильно поняла? — в этот раз по настоящему удивлённо и без дольки пафоса спросила женщина.

— Отчасти... — Кивнул я. — Мой меч — это цифры, а щит — золото. Посмотрите на меня, на мой рост, комплекцию и сравните с третьим, вторым и уж тем более первым принцем. Сколько бы я не тренировался, я никогда не смогу их победить в честном бою, но, при этом с лёгкостью смогу нанять кого-то, кто на голову

превзойдёт в бою их. И если брать во внимание силу на поле боя, то мне, как командиру, навык владения мечом и желание его продемонстрировать будет лишь мешать. Сами посудите, чем чаще всего заканчивается для армии гибель командующего?

— Вы так верите в свою гениальность и тактическое мышление, считаете себя умнее всех? — не оценив моего выпада в сторону братьев, и сказав по-своему мои слова, проговорила Матильда.

— Уважаемая герцогиня, я верю в то, что вижу и слышу и поверьте, вижу я достаточно для того, чтобы понять, насколько убог этот мир и населяющие его люди... — На полном серьёзе проговорил я. Но мои гости, хихикая, вновь не оценили слов хозяина дома. В глазах всех трёх женщин чувствовалось презрение и высокомерие, они не верили не единому моему слову, а я, собственно, и не собирался в очередной раз кому-то и что-то доказывать. Мне хватило увиденного в отчётах на бумаге. Доходы росли, с их помощью уже удалось перекрыть полные расходы на содержание наёмной сотни, а также огромного числа рабов, чьё количество в шахтах и на лесоповалах росло с каждым днём. Я уже добился многого...

Поднявшись из-за стола, Матильда, показав своё истинное лицо, обтёрла от жира губы, и бросив грязную салфетку на два надкушенный кусочек курицы, произнесла:

— Спасибо за завтрак, мы сполна отведали вашей лживой бравады... Шарлотта... — Взглянув на всё так же сидевшую и уплетавшую куриную ножку с мазиком дочь, недовольно требуя чтобы та прекратила, шикнула женщина. Бедное дитя опустив взгляд на еду, а после переведя на родичей тихо произнесла: «я ещё не доела» — на что Матильда, вздёрнув платье и развернувшись, едко выплюнула:

— Вся в отца...

Видя спешно удалявшихся к своим комнатам родственниц, и переведя взгляд на меня, светловолосая своим немым взглядом будто спрашивала: «как мне быть?»

— Можете идти в след за родственницами, еду и напитки принесут лично в ваши покои — я распоряжусь, — вздохнув и взглянув на часы, отметил, что пора направляться в класс для очередного занятия с монахинями. После предстояло посетить мэрию, рынок, а также строящиеся кварталы для личной инспекции, всё же мне не хотелось, чтобы батрачившие там рабы, коих в городе не хватало, погибали в пустой «потогонке» за сроками сдачи, намеченными местными аристократами.

— А можно я с вами пойду... — Удивив меня своей непокорностью матери, и по-видимому отличавшимися от родичей интересами, как-то нерешительно с набитым ртом проговорила Шарлотта. Интересная всё же девчонка. Спокойная, тихая, чертами лица чутка напоминала Дункана, что в свою очередь также сначала думал, а после говорил.

— Мисс Шарлотта, я не против вашей компании, но боюсь, то место, куда мы отправимся, может вам слегка не понравится, — видя сначала непонимающее, а после стыдливо покрасневшее и уткнувшееся в тарелку с едой лицо, осознал, что меня неправильно поняли! — Я имею в виду учебный класс. Видите ли, у меня есть небольшое увлечение, и в свободное от работы время я... — Договорить мне не дали.

— Неужели вы лично обучаете чернь? — встав из-за стола, хлопая своими большими ресницами словно веерами, да и ещё с открывшимся от удивления ртом, спросила Шарлотта.

— Именно... — Коротко и недовольно выдал я. Отчётливо помня какие речи из ртов аристократов и их отпрысков вылетали после подобных моих признаний.

Коротконогая Шарлотта дважды смогла удивить меня за утро. Первый раз, когда вместо презрения, свойственного всем аристократам, токсично выделяемым к занимавшим ученические парты монашкам, неожиданно проявила интерес, и даже нашла в себе силы сесть с одной из них за один стол. Хотя, как по мне, последнее было лишним, так как всё, чем она занималась, иначе как ученическим терроризмом и назвать было нельзя. Бедная монахиня и так заикалась каждый раз, когда я спрашивал ту о чем-либо, и теперь, слушая наставления знатной девчушки, образованной куда лучше меня, и вовсе с трясущимися руками пыталась записывать под диктовку материал, до которого мы ещё не добрались.

Удивлению учащихся не было предела: монашки и даже послушная, прилежная во всём Дэримэ стала отвлекаться на происходящее на задних партах. Устав это терпеть, сделал замечание за «слишком громкие разговоры и срыв моего занятия». Монахиня это быстро отрезвило, а вот Шарлотта, взглянув на меня с вызовом и коварной улыбкой, явно чувствуя своё превосходство, удивила меня второй раз. Подойдя ко мне, девушка попросила нагнуться и тихонько шепнула об ошибке допущенной мною на доске. Сказать, что я ощутил испанский стыд, ничего не сказать.

Списывая всё на проверку класса на внимательность, с вопросом: «нашёл ли кто ещё ошибку указанную на доске», увидел десяток поднятых вверх рук, и очередную надменную ухмылку младшей из Бэгских.

— Письменность не моё, — оправдываясь, прошептал я, предлагая той продолжить начатый мною урок, по заранее заготовленной и записанной мною на листке бумаге программе. Взглянув на которую молодая герцогиня вновь усмехнулась, а я вспомнил, что помимо материала прописал там ещё пару шуток из моего мира, и вновь как школьник покраснелся.

— У вас ошибки, здесь и здесь принц... — Всё так же тихо, чтобы только я мог ту слышать, проговорила девчонка, не убирая с лица этой своей чёртовой ухмылки, что начинала меня бесить.

— Девушки, мне нужно удалиться по делам, уверен, вы не разочаруете герцогиню Шарлотту и отлично позанимаетесь... — Попытавшись выдернуть из цепких лапок светловолосой коротышки материал, дабы прикрыть им своё растерянное лицо, удивился силе её пальцев.

— Ваш план мне ещё понадобится, к тому же, я ещё не всё дочитала... — Не жалея моей самооценки, из пушки сарказма и презрения выстрелила мне в спину коротышка, заставив меня в очередной раз пожалеть, что приютил эту чёртову семейку в своём доме.

Слегка успокоившись, решил прогулять собственное занятия и впервые за долгие и мучительные дни прогуляться по своему прекрасному саду, на уход за которым тратилось неимоверное количество сил моего садовника и его семейства, проживавших на моей территории в отдельно стоящей на краю усадьбе лачужке. По правде говоря, я давно бы приказал к херам собачьим срезать все эти буйные растения, но интерес моих рабынь проявляемый к ним, а также осознание того, что эти вот цветы являются смыслом чьей-то жизни, не позволили отдать подобного, варварского указания. Едва мы вышли и завернули за угол, как внезапно на глаза моей набычившийся страже, сопровождавшей меня повсюду, пала интересная картина. Уткнувшись головой в стену, кто-то сидел со стороны за происходящим в классе, попутно пальцем выцарапывая что-то на земле.

Жестом велел страже успокоиться, тихо, вместе со своими здоровяками подобрался к «шпионке» сзади. Будь я один, возможно она и не заподозрила бы ничего, но исходившие от здоровяков тени не заметить было сложно. Трясаясь подобно зайцу попавшему в лапы к волку, девочка лет десяти со страхом в глазах глядела на трёх мужчин, одного старого пердуна и извращенку инквизиторшу, как на демонов, внезапно выбравшихся из самого ада.

— Приветствую вас, молодая мисс, что там интересного... — Присев, заметил маленькую, едва заметную дырочку и толстый, больше напоминавший болт гвоздь. На песке заметил расплывчатые иероглифы, глядевшие в разные стороны, с боку же были цифры, видимо оставшиеся ещё со вчерашнего занятия.

— Идиоты... — Ближайший из стражей, отхватив звучную пощёчину от разозлившейся Августы, сжав зубы, опустил голову. — Как вы могли проворонить подобное, а если бы дыра была чуть больше, а если бы в место ребёнка здесь был наёмный убийца с арбалетом? Вы понимаете, что с вами будет, когда об этом узнает Магнус?!

— Тише сестра... — Видя как на глазах бледнеет напуганный зайчик, с характерными для того лишь двумя присутствующими во рту передними зубами, проговорил я. — Каждый из местных служащих отмечен магией Гвиния, будь здесь посторонний, такого бы не произошло, верно? — спасая втоптаный в грязь престиж личной гвардии императора, обратился к старику я, и тот, покашляв, кивнул. Внезапно, на горизонте возник и садовник, что проклиная небеса и всё что под ними, в слезах кинулся мне в ноги, признавая все свои и не только смертные грехи.

— Я говорил ей этого не делать, просил не мешать его величеству, но это несносное дитя меня не слушало, молю вас, прошу пощады... — Весь в грязи и навозе, дурно пахнущий дешёвым спиртным и с расцарапанным об

острые шипы веток лицом, лбом тараня мягкую землю, просил садовник.

— Поф-ця-ды... — Хлюпая носом и плача, стала повторять все действия за отцом дитя, сумев своей шепелявостью, перемешенной с картавостью и непониманием смысла этого слова слегка меня развеселить. Быть может, она понимала кто перед ним, наверняка родители рассказывали той, каким я могу быть злым, возможно, она даже понимала, что значит «просить пощады». Девчонка показалась мне забавной, её интерес к «науке», которую я «проповедовал» монахиням так же заставлял уважать ребёнка, ведь в её годы меня в школу и ремнём то с трудом загнать можно было.

— Ну вот что мне с вами делать? — вслух произнёс я, получив от Августы кровожадное и злобное «выпороть». Даже не предполагал, что за желание учиться можно получить по спине плетью или пугой... Задав девчужке пару вопросов по самому простому сложению и вычитанию, удивлённо хмыкнул. Даже через сопли и слёзы отвечала та быстро и уверенно. Хотя данных знаний ей точно не хватило бы для одновременных занятий с классом, а на отдельные занятия и навёрстывание материала могло уйти слишком много моего драгоценного времени. «На игры в песочнице нет времени» — глядя на ту всё-таки решил.

— Гвиний, прикажи прислуге привести дитя в порядок. С этого дня о ней заботятся сёстры из аббатства, при этом я жду от них, что уже в ближайшее время они лично обучат грязнульку всему, что знают, и она будет заниматься с ними на одном уровне. Пусть считают это личным экзаменом на профессиональную пригодность. Всё же они будущие учителя, а не просто монахини умеющие читать и писать... — Выслушав меня, старикан кивнул и брезгливо подталкивая дитя ладонью в спину, повёл в сторону особняка.

— Спасибо вам, юный господин, спасибо, спасибо... — Лезя своими губами и слюнями к моим туфлям, повторял садовник. Не знаю, что было у того на уме, но ничего кроме отвращения у меня подобное поведение не вызывало. Отстранившись, пафосно поправил плащ, и развернувшись по направлению к саду, тихо произнёс:

— Это моя вам благодарность за чудесный сад...

— Правда, вам нравится? — смахнув рукавом слёзы и размазав те вместе с грязью на лице, спросил мужчина.

«Нет, я вообще не вижу ничего хорошего в этих чёртовых пылесборниках и жужжащих вокруг них ПчёДлах, что ещё и ужалить могут!»

— Разумеется, — кивнув, двинул вместе с сестрой вперёд.

За завершившимися занятиями святош, следовало моё рутинное путешествие в мэрию, сулившее моему подрагравшемуся мозгу очередную волну жалоб и нытья от старых, вонючих хлыщей, достойной замены для которых только-только подрастала. Как и в первый раз, в спутницы мне навязалась Шарлотта. Девчушка сильно помогла мне с занятиями, и даже проявила желание помогать мне с обучением. Щедрость небывалая для этого мира, да и для меня найти достойного, непредвзятого наставника, глядя на которого в любой момент мог ожидать появления над головой светловолосой нимба, а за спиной ангельских крыльев.

Ну уж слишком та старалась показать себя добродетельницей, или может это я просто безнадежно разочаровался в населяющих этот мир людях...

Весь день меня посещало некое дурное предчувствие, точно такое же, как и в день смерти императора. Всё вокруг складывалось слишком хорошо: боевая сотня, что должна была перерасти в тысячу, набиралась быстрее графика. Не смотря на предвестие скорой осады, некоторые торговцы продолжали прибывать тайком к нам из столицы для закупок соусов и других товаров. Также поступали торгошники из соседних городов, которых с каждым днём становилось всё больше и больше.

Прибывший в момент нашей поездки по городу к старику Гвинию гонец, передал тому письмо с пометкой «срочно»; не успел маг-целитель развернуть свёрток как тут же, столкнувшись с первым, прибыл и второй гонец, предоставив точно такую же весточку.

— Дурные вести, да, старик? — глядя как на глазах мрачнеет мой личный советник, спросил я.

— Боюсь что так, ваша светлость, — взгляд усталых старческих глаз переместился на Шарлотту, и та, не утруждая нас просьбами, покинула карету в сопровождении пары своих личных стражников, попросив позвать ту когда мы наговоримся. «Умна не по годам...» — отметил дед и перешёл к делу.

По донесению придворных магов, с коими Гвиний по долгу службы поддерживал связь, первый принц и законный наследник престола пересёк половину пути, отделявшего того от родного дома. С собой с границы он забрал всю армию и даже ополчения, оставив тем самым без защиты все пограничные крепости, отделявшие земли людей от земель зорфов. Всё, за что люди проливали кровь более трёх десятков лет попало под угрозу, но даже не это озаботило Гвиния.

— Первый принц заподозрил третьего и четвёртого брата в заговоре, после, как законный наследник, отдал приказ своим людям избавиться от предателей. Четыре дня назад тело третьего принца, вместе с телами его беременной жены и семилетнего сына, нашли в колодце их же резиденции. Маг-защитник, служивший третьему, вместе со всей прислугой в резиденции также были убиты.

— Кто это сделал? Нанятые убийцы? — нервно оглядываясь, спросил я.

— Нет, ваша светлость, это сделали личные гвардейцы третьего принца, что получив приказ от законного на их взгляд императора, в отмщение своих братьев исполнили «святой приказ»... — Холодно проговорил советник. — Также в резиденции четвёртого принца произошёл подобный инцидент, сам он тяжело ранен, но благодаря тому, что при его охране были задействованы в основном вольнонаёмные авантюристы и маги, с большими потерями четвёртому удалось сбежать.

— У четвёртого, насколько помню, была большая семья. Они что?

— Старший убит в бою, младшие наследники как и наследницы пойманы при попытке сбежать, раненый маг, отправивший мне эту весточку, по-видимому не успевал дописать послание, но судя по тем обрывкам, что могу прочесть, тела их скормили крестьянским свиньям... — В голосе Гвиния чувствовалась печаль, должно быть тот, кто отправил ему последнее послание являлся для старого не последним человеком. Да и неужели, сразу три старших брата одновременно могли повернуться к первому спиной? Тогда почему не перестраховались и так глупо обрекли свои семьи на страдания и смерть...

— Как думаешь, третий и четвёртый могли участвовать в заговоре? — видя, как тяжело и взволнованно задыхался Гвиний, пытаясь сдержать свои эмоции спросил я, получив в ответ шокирующее:

— Кто угодно, но только не четвёртый...

Братец шёл по списку истребляя всех поочерёдно? Или быть может всё же имел какие-то опасения насчёт двух других кандидатов? Устраняя всех подряд тот, ведя к нам одну из самых сильных армий, наживал врагов с такой же скоростью, что и терял последних преданных себе. Параноик не знающий жалости, тиран и садист с законным правом на истребление всех неугодных — что может быть хуже?! Требовалось срочно доказать тому свою лояльность, попытаться спасти свою шкуру, попутно сохранив статус, иначе придётся бросить все свои труды и драпать, причём с такой скоростью, с которой обычные люди не бегают. Этот человек, его жестокость по отношению к своей же родне пугали, а если взять во внимание, что его последователи — имперская гвардия, — окружали меня день и ночью, спокойно после данных известий я точно уснуть не смогу. Что вообще прикажете

делать, если за мной вдруг придёт Магнус со своими ребятами? Возможно, один на один Августа его и вынесла бы вперед ногами, но как быть со всеми остальными?!

— Да уж, братец, такого ответа я от тебя не ожидал... — Вспоминая недельное молчание после отправки письма наследнику, не мог не воспринять это как чёткий ответ: «только попробуй что-либо сделать против меня и ты следующий, Карл» — читалось между строк, а иначе люди первого уже давно прирезали бы меня как и третьего.

— Второе послание от одного из братцев? — спросил я у растерянного Гвиния и тот, охнув, вернулся из раздумий в реальность и развернув бумажку, фыркнул.

— Нет, от одного из наших прикормленных торговцев, что сейчас в одном из городов, в трёх днях пути от нас. Парочка графов решила не дожидаться вашего ответа и посетить Нивград с инспекцией, в ходе которой намереваются лично проверить преданность принца Карла по отношению к первому принцу. Торговец ссылается на сведения, полученные от парочки пьянчуг солдат, выпивавших с ним в трактире. Также тут пишется об введённом наборе ополчения и о некоем боевом отряде, разбившем лагерь в лесу, примерно в полтора днях пути от Нивграда. — Сжав бумажку, закончил доклад Гвиний.

Графы скорее всего пронюхали, что Нивград слаб, кроме сотни наёмников да сотни гвардейцев опереться я мог разве что на городскую стражу и ополчение, что со слов того же Магнуса могли попросту разбежаться. Поэтому, не дожидаясь, когда мы укрепим, ребята перешли к активным действиям. К тому же, желание услужить первому принцу хорошо маскировало цель разграбления и убийства бесноватого четырнадцатого, о коем в империи вряд ли кто-то будет долго плакать. Сейчас мне требовалось не только усмирить жаждущих золота двух зарвавшихся мелких аристократов, но и разобраться с тем так, чтобы другим неповадно было. Вот только как? Без людей, магов и прочего ослабить их армии до такой степени, чтобы те дошли до моих земель истощёнными, проявили ко мне и моим людям максимальное неуважение, а после, как карточный домик взяли и рассыпались, сделав меня в лице соседей не только влиятельным, но и очень опасным соперником, при нападении на которого придётся трижды подумать о последствиях. Думай Карл, думай...

— Полагаю, ваша светлость, более нам не следует рассчитывать на защиту гвардейцев, в случае диверсии вы...

— Диверсия! Эврика, Гвиний, ну ты молоток, мне нужны диверсанты! — от моего резкого вскрика вокруг нас тот час выстроилось боевое построение, а спрыгнувшая с кучерского места Августа, подняв щит отворила дверь и заглянула внутрь.

— Что случилось, Карл, ты не ранен?! — с безумными глазами оглядывая меня и мага, произносит сестра.

— Я в полном порядке, Августа... Гвиний, пошли за Магнусом, пусть найдёт доверенного человека, что начнёт массовый сбор ополчения, а после, стрелой летит в наш особняк. У меня для его и нашей с сестрой тёмной подруги есть работёнка.

— Что вы собираетесь сделать? — слегка оживившись, спросил старик.

— Развести грязь под ногами моих врагов... — Усмехнувшись, коротко ответил я.

Глава 11 — В бой? В бой!

Множество раз в прошлом, сидя за своим проклятым компьютерным креслом, я залипал в монитор своего компьютера и думал, а как бы на следующий ход замедлить передвижение своего врага. Дать моему численно проигрывавшему войску или гарнизону хоть какое-то преимущество перед превосходящим во всём врагом. В пошаговых стратегиях на такое могло повлиять только два фактора: первое — погода, что способно уничтожить флот в море или же размыть, занести снегом дороги, морозом застопорить продвижение врага и его отряд снабжения.

Второй же способ — это тайные агенты, убийцы, диверсанты и прочие выполняющие похожие функции. Убийство вражеского командира, его ранение, могли выиграть нам пару дней, и не особо повлияли бы на соотношение сил на поле боя, а вот подрыв морали солдат, или же их отравление, совершенно иначе могли воздействовать на исход боя.

На внедрение в число врагов потенциального «дезертира», что наведёт смугу времени не было. Оставалось только одно — диверсия. Именно диверсия с отравлением питьевой воды или же еды вражеской армии могла создать максимально благополучный результат. Понос и дизентерия, следовавшая по пятам за отравлением, замедлят передвижение войска, и даже в случае, если нам не удастся убить врага при помощи яда, его наличие во вражеской крови может ослабить бойцов, дав какое-никакое преимущество. Также, в добавок к этому можно было усилить эффект способом, которым некогда римский генерал довёл до ручки армию своего противника...

Действовать приходилось быстро. Первым делом создал свою первую «спец команду», состоявшую из двух непримиримых врагов. Сильнейшего воина Магнуса, которому в любой момент могло прийти задание от первого принца на моё устранение, и привыкшей действовать в тени ассасинше Хиваре. Пояснив, что если дроу вернётся без моего капитана, одна из её подруг умрёт, добился таки понимающего взгляда и согласия на выполнения чётко поставленной задачи по наведению «кипеша» в лагере нашего потенциального врага. Не зная кто там был, наёмники или воины одного из графов, приказал своим диверсантам проникнуть в лагерь и по возможности максимально обширно распространить отраву, приготовленную в спешке магом-целителем. Убить всех одновременно при помощи яда вряд ли получилось бы, ведь кто-то завтракает, кто-то нет. А вот отравить чем-то менее опасным и вызывавшим, к примеру, то же несварение и усталость вполне мог, всего-то и требовалось найти зелье без запаха и вкуса, разлить его ночью по чанам, сосудам с водой, а после, наблюдая за происходящим, повторять как можно чаще данную процедуру. Хохочущий с моей идеи Гвиний пообещал, что уже после первой порции яда большинство не только обосрётся, но даже со своих спальных шкур не встанет. Истощённые, измождённые и измученные, они станут хорошей добычей для гвардии почившего императора, ряды которой мой добрый советник в ближайшее время собирался изрядно так прорядить. Маг, не скрывая своего опасения, взывал к моему благоразумию и требовал, чтобы те в грядущей битве шли в первых рядах. «Они могут стать предателями» — взывал к моим инстинктам самосохранения старик, не понимая, что в случае, если те по прежнему оставались верными мне, я в отчаянных порывах мог потерять самых сильных своих воинов. Как не крути, имперская гвардия сейчас соответствовала притче о «палке и двух концах».

Магнус и Хивара покинули город ещё до заката. Точно так же, как под «ружьё» уже была поставлено более трёх сотен местных стражников и первых ополченцев, большинство из которых оказалось именно той частью населения, что после притока рабов не могло найти себе в городе работу или другое занятие. «Полтора дня и у нас будет около двух тысяч» — пообещал Магнус перед своим отбытием. Две тысячи ополченцев против привыкших сражаться наёмников и регулярных графских войск. Чьё оснащение и опыт, в сравнении с моими «воинами» казались небом и землёй. По сути, даже собери мы три тысячи, враг превосходил нас числом, а так же грубой силой, аннигилировать которую предстояло при помощи диверсии и тактических манёвров, для которых я приказал собрать по всему Нивграду лучших жеребцов и подложить тех под задницы всё той же гвардии. Именно благодаря сильному фланговому удару конницы я планировал обратить в бегство врага или попытаться пленить вражеского полководца. После чего, можно было спокойно вести переговоры о выкупе, или повесить того у ворот, дабы было уроком для других.

В планах всё казалось крайне просто, вот только в реальности оказалось гораздо сложнее.

«Воины Нивграда требуют лицезреть своего героя и защитника!» — вешал Гвиний, когда собравшаяся у ворот резиденции толпа, разбудив весь особняк скандируя имя «Карл», потребовала видеть своего принца во всей красе, а это значило в доспехах, верхом на лошади, на которой я не умел ездить и с тяжеленным мечом в руках. Народ не знал против кого его мобилизуют, не знал с кем ему придётся сражаться, сейчас он желал лишь одного, видеть мою ссыкливую персону на чале войска. А ведь именно такого поворота вещей, до сих пор я всеми силами старательно пытался избегать. Стратег сидит позади и перемещает фигуры, так думал я, но опасаясь мятежа, вынужденно облачившись в сталь, вышел к тем на встречу, и спрятав красное от смущения, испуганное лицо,

произнёс речь, услышанную мною в одном из фильмов. Звучала она максимально пафосно и клишированно, но большего для взревшей от радости толпы и не требовалось.

Даже Августа, растроганная фразой «вернёмся домой со щитом или на щите», стала восхвалять мою мужественность, которую до сегодняшнего дня в упор не замечала. Хотел бы я той сказать, что как бы её то и сейчас не прибавилось, вспоминая одно посещение логова Тутлюса, весь вчерашний ужин наружу просился, но ладно, языком чесать не битвы выигрывать.

Отправив разведчиков и лазутчиков во все концы своих земель, намеревался убедиться в том, что когда ополчение покинет Нивград, город внезапно не атакуют со спины и не разграбят до нашего возвращения. Так же, хочет убедиться что в моих лесах по округе не расположился какой-либо отряд что в самый неподходящий момент ударит по нашим задницам.

Разведка и знание территории — одно из важнейших составляющих, за которыми следовало знания своих сил и сил своего врага. Как завещал старикан: «Знай врага и знай себя: тогда и в тысяче битв не потерпишь поражения.» Именно данного правила я и собирался придерживаться. До завтрашнего вечера требовалось собрать войско, далее дать тому выспаться, а следом, до рассвета выступить к первому лагерю врага, возведённому неподалёку от одного из трактов.

Ночь для меня выдалась бессонной; проведя ту за изучением немногочисленных карт местности, определил сторону, в которую лучше всего стоило отступать самому, и в случае успеха гнать врага. Так, для отступления идеально подходил тракт, если внезапно на горизонте возникнет враг, коего нам не удастся разбить, прикрываясь отрядами мобильной конницы состоящей из гвардейцев, я намеревался прикрыть отходящих до города воинов, ну а после готовиться к осаде. Если же враг проиграет, гнать того намеревался напрямик в сторону русла бурной реки, пролежавшей через лес. Перебраться через неё задача крайне сложная, от того и число возможных пленных, которых можно было бы продать их семьям или на рабском аукционе значимо возрастало. Цинично? Цинично, но чертовски выгодно. Да и как я должен жалеть тех, кто под шумок решил обидеть такого доброго и заботящегося о своём народе принца, как я?

Глава 12 — Задумайся...

Заточенный и подготовленный под кого-то точно больше меня доспех, при каждом шаге звучно хлопал меня по заднице. Двигаясь, словно первая и самая старая версия робокопа, радовался только тому, что местные умельцы не додумались как в фильме оставить бороду открытой. Всегда удивлялся тупости того же чела из криптона и прочих, считавшихся героями и не додумавшихся вмазать своему врагу по единственной открытой, незащищённой части лица.

Да уж, в отличии от этих ряженных клоунов в облегающих костюмах, у меня точно была настоящая броня и ебучее забрало в редкую сеточку, что полностью лишало меня возможности видеть хоть в одну из сторон. С трудом стащив с головы эту тяжеленную хреновину, кинул её Августе. Хмыкнув, та поймала железяку двумя пальцами и прицепила к своему коню. Сделала она это настолько легко, что казалось — не предмет тяжёлый, а я дохляк из дохляков. В принципе, может даже и не казалось...

Войско для похода собралось немалое: с личной десяткой Шарлотты, из-за которой та даже с матерью и сестрой погрызлась, причём даже меня не стесняясь, получилось ровненько три тысячи. На удивление, прослышав о беде, на помощь пришли не только крестьяне, но даже и аристократия нашего города собравшая из себе равных и своих подопечных аж три ударные сотни, обученных, владеющих лошадьми и бронёй мужчин. Некоторые из них, заходясь праведными речами, обещали без какой-либо корысти помочь мне в изгнании и уничтожении предателей, но были и те, кто преследовал личные выгоды и именно их, вместе с «бескорыстными», я планировал отправить в бой в первых рядах. Чтобы случайно не кончить как один длинноволосый шотландец по имени Волес...

Первыми в моём поле зрения двигалась гордая знать, рвавшая на себе волосы за право первыми показать свою доблесть. За ними я, целитель, сестрёнка, два десятка гвардейцев и десяток бойцов герцогини. В центре двигался костяк, замыкала колонну конница из гвардейцев. Почему конница позади? Потому что этот отряд сейчас выступал в роли поддержки, и в случае начала неожиданной атаки, к моменту, когда те доберутся до меня, смог бы придумать пару тройку тактических манёвров и понять как действовать дальше: атаковать, защищаться, или попросту любым методом спасти свою шкуру.

Знающие приблизительное число врагов крестьяне, понимая, что нас больше, неоправданно вещали о скорой победе. Многих воодушевляло то, что их правитель двигался впереди них. Наивные, думали, что и в бою я буду драться на чале... В принципе этот вариант допускался, но только в том случае, если без моей личной гвардии никак не обойтись. Сам же я внутри трясся и испытывал некий мандраж. Сегодня по чьей-то прихоти на смерть вышла целая армия, чьи-то мужья, сыновья, отцы и дети. Я чувствовал ответственность за их жизни, а также за жизни тех, кого мы должны были победить. Во всей этой морально этической каше, творившийся в моей голове, радовало лишь одно: старик Гвиний после тех двух писем выглядел если не хуже меня, то хотя бы так же — мрачно, бледновато, с стойким желанием нажраться на лице. Казалось, старик переживал за наши с ним связанные жизни, даже ещё больше чем я, оттого и боялся гнева нашего брата первенца. Хотя почему ему не переживать то? Я пообещал ему свободу, а сейчас мы оба могли оказаться в могиле, если не из-за будущего императора, коим этот садист первый принц точно станет, так из-за стрелы, которую я мог с лёгкостью схватить своим ничем не прикрытым лицом.

Уже к полудню жаркое летнее солнце во всю жарило мою закованную в сталь тушку. Каждый шаг лошади отдавался острой болью в моей не привыкшей к данному виду транспорта заднице. Терпя из последних сил, я прикидывал, что могло быть менее болезненным: лишение меня анальной девственности при помощи бейсбольной биты, или ещё сутки в этом ёбаном седле, и если бы от этого выбора ответа зависела бы моя жизнь, без раздумий выбрал бы первое.

— С меня хвати... — Направив коня к сестрёнке, рыкнул я, слыша взволнованные «Ваше величество» от Гвиния и других стражников, хорошо понимавших, что подобное поведение в лице привыкшего к ласке принца может значить. — Снимите с меня броню и заберите коня, я с пехотой в одном строю пойду... — Передав поводья сестре, и жестом показав, что «я лучше сдохну, чем хоть ещё минуту просижу в седле», получил в ответ сначала хмурый взгляд, а после и смешок.

— Как вам будет угодно, — глядя на открывших рты стражников и крестьян, шедших в неподалёку и слышавших мои слова, проговорила та.

Не имевшие права по должности находиться верхом, когда хозяин идёт пешком, Гвиний, стража и сестрица также спешили. Мои прислужники, взятые целителем, быстро сняли с меня панцирь и прочие латы, а старик, ворча «сразу бы сказали», использовал на моей заднице целительское, магическое искусство, после чего, по натёртым местам пробежал приятный холодок.

— Может вернётесь в седло? — после того, как его тайная процедура увенчалась успехом, спросил Гвиний, и лишь за одно это предложение мне хотелось тыкнуть в того чем-то острым. «Лучше прогуляюсь чутка» — буркнул

я, зашагав в ногу с одним из ближайших ко мне крестьян. До этого скрюченный, потный и уставший мужичок, при виде меня и моей стражи вытянулся, и на трясущихся то ли от усталости, то ли от волнения руках поднял своё копьё. Его примеру последовали и все остальные на ближайšie к нам десять пятнадцать метров.

Данная картина, с приятным ощущением переставшего пылать огнём натёртого зада меня развеселила.

— Кто ты, воин? — зашагав с крестьянином в ногу, спросил я, и мужчина два раза беззвучно схватив ртом воздух, сбившись с темпа, замер. «Может немой» — подумал я.

— Эфес, сын Глесея... — Отдышавшись, с дрожью в голосе отозвался парень, что был сыном одного из моих городских кузнецов, выполнявших заказ для армии.

— Глесея, мне знакомо это имя... — Проговорил деловито я, и вспомнив сценку из одного фильма, улыбнулся. Поговорив с парнем, что был моим ровесником, но превосходил меня по росту на добрые полторы головы, узнал немного о том, кто шёл рядом со мной, а также о том, чем занимался старый кузнец, и как не жалея собственных денег помогал готовиться оставшимся в городе мужчинам, на случай нашей неудачи встретить врага. Благодаря мне кухни Нивграда пылали от восхода и до восхода. Когда отцы отдыхали, к делу приступали рабы. Выросшее число заказов, а также упавшие благодаря рабам налоги, помогли увеличить не только производство оружия, но и другие мелочи, которые могли создать даже рабы, а огромное число торговцев, посещавших город, буквально сметали всё, что было на прилавках ещё до того, как на повозку кузнецов успевал лечь товар для ярмарки. Глесея мог остаться в кузне вместе с отцом. Кузнецов жалели и не хотели отправлять в бой, но отец парня настоял; он и сам бы пошёл в первых рядах, да было в лавке то, что не мог старый кузнец доверить непутёвому сыну, поэтому, честь рода на поле брани пришлось отстаивать младшему.

Развесив уши, вытаращив глаза и хватая летних мошек своими разинутыми ртами, на меня глядели со всех сторон те люди, которых ещё вчера я мог назвать обычным числом, единицей в моей новой армии. Пастухи, кожевники, плотники и каменщики — все они ещё вчера были для меня лишь незнакомцами, чьи жизни я вознамерился положить на алтарь своей победы, но сейчас... Теперь всё изменилось. Теперь человек, шедший впереди, был не просто пастухом, а имел имя; мужчина позади являлся не просто камнетёсом, а отцом, подумать только, тринадцати спиногрызов. Теперь все они стали для меня людьми, перестали казаться фикцией, быть может именно это знакомство, давшее мне понять, что они тоже живые люди и заставило меня в очередной раз вернуться к раздумьям о грядущей битве.

Теперь я хотел не просто победить, а сделать это так, чтобы сохранить как можно больше чьих-то, пока ещё неизвестных мне имён и лиц.

На подступах к вражескому лагерю армия оказалась на два часа раньше. Заблаговременно отправленная вперед конница, состоявшая из знатных сыновей Нивграда и моей личной гвардии, получила приказ обрезать любые контакты врага с внешним миром. Будь то торговцы, кочующие от лагеря к лагерю, шлюхи или кто другой, все, без исключений покидавшие лагерь подлежали задержанию, а в случае неповиновения — немедленная казнь. Таким образом я собирался на как можно поздний срок оттянуть информацию о сражении, грозившем начаться с минуты на минуту у стен лагеря.

Также, я надеялся сохранить эффект внезапности на тот случай, если враг уже выдвинулся на помощь своему союзнику на передке.

Вражеский лагерь разместился на пригорке среди редких деревьев. От леса, где находились мы, до деревянного частокола врага со слов Гвиния меньше восьмиста метров. Единичные вышки, присобаченные к деревьям располагались на пригорке так, что благодаря им хорошо просматривалась часть тракта, что пропадая за лесными кронами в низине, вновь выныривал в непосредственной близости от мятежников.

Из-за этого получалось, что заметили нас приблизительно за час до того, как моя конница отправилась через леса в тыл. Надеясь об успехе своих подопечных, волнительно воспринял вести от Дроу и моего наёмного командира Магнуса, успевшего отличиться не только в отправлении пищи и воды, но также в убийстве двух посыльных, нёсших весть о приближении врага. В моём распоряжении находилось меньше суток для того, чтобы взять крепость штурмом, и ещё меньше для подготовки войск к следующей битве.

— Мы можем взять их лобовой атакой, при поддержке такого мага как господин Гвиний, для наших ребят это не окажется проблемой, — вещала Августа, лично намереваясь отправиться в гущу битвы.

Атаковать без подготовки я не собирался. Точно так же, как и игнорировать предштурмовую подготовку. Пару часов на создание древесных, переносных укрытий для своих неприкрытых щитами крестьян я мог найти, при этом отдал приказ на создание лестниц. Маг-целитель обещал снести ворота, и это радовала, а вот про стены и возможную за ними песчаную насыпь он нести ответственность не решился, поэтому, заняв малую часть от своих людей работой, другой дал самое глупое, и высмеянное всеми задание, маршировать...

Три сотни моих бойцов, двумя шеренгами в шашечном порядке разбрелись вдоль стен на безопасном расстоянии. Снизу, прячась за рельефом, маршируя в ногу, кружила по кругу ещё одна сотня, что выныривая то справа, то слева, маскируясь за складками местности то появлялась, привлекая внимания обороняющихся, то снова исчезала в складках местности, после чего, переставая маршировать, возвращалась на исходную и вновь появлялась на глазах у врага с другой стороны.

Ещё одну тысячу разбив до сотни отправил к тракту, дав задачу сотникам, меня гербы и стяги, показываться строго в тех местах, где видит их враг, после чего поступать точно так же, как и та сотня, бродившая у стен.

Таким образом я намеревался занять хоть чем-то бездействующую армию. Солдат без дела — опасность для общества, так говорилось в одном из видосов, просмотренных мною случайно в старом мире, и проверять правдивость этих слов на себе я не собирался. К тому же, я собирался ещё как минимум час своего времени уделить визуальной оценки деревянного форта со всех сторон, ведь что меня удивило, но слова торговцев и приблизительные показания Магнуса, касавшиеся числа врага, сходились. В лагере их не меньше тысячи, а значит, требовалось подойти к делу с максимальной бдительностью и осторожностью.

Мой первый бой — я собирался дать врагу как никогда готовым! Вот только...

Уже при завершении нашего с Гвинием обхода, в сопровождении двух сотен крестьян, враг поднимает белый флаг, отворяет центральные ворота. С измученным видом, держась за животы, плечистые парни вышагивают из врат, словно потрёпанные десятками битв ветераны.

Броня, мечи и щиты, луки да стрелы, всё летит в разные кучи у врат, а сами мужчины, болезненно морщась, выползают за врата, пытаясь выстроиться в шеренги и попутно сваливаясь с ног то ли от боли, то ли от усталости.

— Это невероятно ваше сиятельство, враг, он сдался?! — прыгая, как молодой кузнечик, перед мной и подозревающей неладное крестьянской армией, вещает Маг. Я же, едва сдерживая внутреннее ликование и сердце, что в радости грозит выпрыгнуть из груди, косо смотрю на открывшую рот сестрицу, громче всех смеявшуюся с моей затеи.

— И незачем так удивляться... — Хлопнув той пальчиком по подбородку, словно всё так и задумывалось, высокомерно обратился к растерянной Августе. — А вы, мой дорогой Гвиний, уже давно должны были понять одну простую истину — лучшая победа эта та, что выигрывается без боя и потерь. — Не знаю, кому принадлежала в моём мире эта цитата, но парень отлично понимал не только в стратегии, но и том, как красиво говорить.

Осознав, что ведёт себя неподобающе, старикан, не в силах сдержать свою довольную улыбку, кивнул. В его глазах читалось уважение, а сам он с гордо выпяченной вперёд грудью, сквозь высокий кустарник двигался

прямоком к беседовавшему с Магнусом плечистому мужчине. Мой капитан вёл себя с тем сдержанно и достойно, обращаясь чуть ли не как с равным, оттого и мне требовалось как-то очертить для себя статус сего военнопленного. Так думал я, но не успели мы даже приблизиться к тому на сотню метров, как мой капитан одним движением снёс голову тому, кого я ещё пару минут назад собирался уважать...

Ебаное средневековье... И зачем я по пути своё время на подготовку речей и прочего тратил? — глядя с округлившимися глазами на Магнуса и тело, с шеи коего волнами на землю выплёскивалась кровь, подумал я.

— Поздравляю с первой победой, юный господин, она оказалась поистине достойной человека вашей крови. Уверен, Богоподобный Император испытывает гордость, глядя на вас с небес.

«Папаня испытывает гордость к сыну, что планирует развалить его империю и создать новую? Ну уж вряд ли», — хмыкнув, кивнул своему военачальнику.

— Что произошло, почему ты его убил? — брезгливо кивнув в сторону ещё дёргавшегося трупа, спросил я.

— Этот храбрый муж являлся их командиром, а также по воле случая моим старым другом. Бывший гвардеец не пожелал сдаваться в плен, точно так же, как и делиться известной ему информацией. Всё, чего он мог просить, так это безопасности для своих солдат, которую я пообещать ему не мог. Он был для вас бесполезен, поэтому и погиб. — «Ох Магнус, если ты со старыми друзьями так, то даже страшно подумать о участии врага».

— Мы могли его пытать, выведать важную информацию... — недоверчиво прорычала Августа, — но теперь уж он точно ничего не скажет.

— Пытать бывшего гвардейского десятника бесполезное дело, ибо нет той боли, которую он не сможет обуздать... — Заступился за воина Гвиний, — в любом случае, первая победа у нас в кармане, как действуем дальше?

Взгляды всех троих переместились на растерянного принца. Все его подопечные знали, у молодого «Гения» точно готов ещё один «гениальный план». Они видели в нём героя-победителя, вот только сам Карл понятия не имел, как действовать дальше...

Утаить от противника захват лагеря являлось задачей со значком «невозможная». Рядом проходил тракт, вне зависимости от того выставлю я на нём посты или нет, одинокие путники, желая по кратчайшему маршруту срезать напрямик через лес, могли донести до моего врага информацию о том, что часть его армии уже в плену. Данное действие сразу спугнёт большую часть протестующих, заставив спрятаться в своих крысиных норах. Мне требовалось выманить их, подарив надежду на возможную скорую победу, уверив в том, что даже при численном меньшинстве враг мог рассчитывать на победу.

Один за одним, из лагеря в сторону города стали запускать местных почтовых голубей: «Враг у ворот», «Ведём бой», «Они несут тяжёлые потери и мы тоже», и в конце как вишенка на торте — «Бросаем форт, прорываемся к вам, врагов мало, нужно только добить, чёртов демон Магнус убит, наш командир тоже».

Все эти сообщения были отправлены почтовыми голубями с разницей в несколько часов. Некоторые были посланы уже после того, как мои войска двинулись дальше. Все бумаги заверены печатью казнённого командира мятежников, некоторые специально заляпаны чернилами, некоторые кровью. Писалось максимально безграмотно, так как практически весь местный офицерский состав едва мог читать. Прокатит это или нет — неизвестно. Точно так же, как и неизвестно решатся ли враги выступить. Всё, что мне оставалось, это вернуть конницу обратно, дабы те не разрушили мои планы. После выделить людей на транспортировку целой тысячи новых рабов и пленных, за которых, возможно, кто-то даже мог заплатить; после, разбив армию на три части, две пустить по лесам вдоль обеих сторон дороги, а третью, самую малочисленную, выставить в авангард и походным маршем направить в сторону вражеского города.

Время шло, наступал вечер. Отдалившись от лагеря на достаточное расстояние, устроили привал. В независимости от того была битва или нет, людям требовался отдых. В целях безопасности выслали разведчиков во все направления. Надеяться на то, что враг ночью случайно не наткнётся на наш лагерь я не мог, как и постоянно думать о том, выдвинулся он или нет.

Хивара и Магнус, парочка моих лучших бойцов были отправлены вперёд с целью обнаружения любых покидающих вражеский город групп, и пока те не придут, я, моя свита и войско могли спать спокойно, хотя внутри подозревал и предполагал: именно ночью произойдёт главное сражение.

Задолго до первых лучей, когда я только-только стал ощущать накатывавшую на глаза сонливость. От чтения и попытки разобраться в местных картах меня отвлёк вернувшийся здоровяк Магнус. Большое войско числом в три тысячи, форсированным маршем приближалось к нашему лагерю. Враг поверил нашему блефу и торопится на помощь своим товарищам, желая разбить не успевшего отдохнуть и окрепнуть четырнадцатого принца. Впереди движется конница, её мало, около сотни, главная задача — разведка пути для основного войска. Для того, чтобы ту обхитрить, приказываю оставить в лагере пару десятков солдат, разжечь как можно больше огня и костров. Пусть враг думает, что армия по-прежнему у дороги, я же перенаправляю третью группу в леса, отдавая отрядам приказ медленно продвигаться в глубь, на встречу походной колонне. Требовалось достигнуть их армии и напасть до того момента, когда походные колонны успеют развернуться в полноценные боевые формирования.

Хивара и Магнус занимают места по левую сторону от тракта, а я, Гвиний и Августа правую. Находясь в непосредственной близости от своих солдат, чувствуя их и свой страх, а вместе с ним и небывалый приток адреналина, перемешенного с желанием самоутвердиться, затаив дыхание, спешившись, двигался через высокие придорожные заросли. Спереди кто-то из сотников взмахнул рукой, и все, включая меня и мою свиту резко припали к земле. Из ночной тьмы начали доноситься становившиеся всё громче и громче звуки постукивающих о дорожные камни копыт. Проходит десять минут, к звукам добавляются неясные силуэты, что сохраняя гробовое молчание, слепо минуют наше войско. Через полчаса вдали замерцали факелы, стали доноситься гул, топот тысяч лязгающих нечастым вооружением солдат. Подсвечивая редкими факелами путь, уставшие воины, что, по-видимому, не спали больше суток, в спешке заходили в заранее подготовленную для них ловушку.

Я не собирался дожидаться, когда мы окажемся у врага за спиной. Ведь если мы прижмём их к стенке, у многих в тупых черепушках может возникнуть ощущение, что они должны драться до последней капли крови, если хотят выжить, а это могло сулить не только большие потери для меня, но и даже вполне возможное поражение.

Вместо того, чтобы лишать врага возможности сбежать, я наоборот собирался предоставить ему эту возможность. Повод задуматься, а стоит ли вообще тому губить собственную жизнь, когда враг напал из засады, его войско рассыпалось, а над ним ночь, способная не только скрыть, но и спасти от скорой смерти. Сунь Цзы писал об этом, как-то...

«Окружив врага, всегда оставляй ему путь к отступлению. Пусть он видит, что есть альтернатива смерти», — так, собственно, я и собирался поступить.

Где-то впереди, под первыми факелами показалась вернувшаяся из разведки конница, — больше ждать нельзя.

Гвиний возводит вокруг нас защитный барьер, Августа обнажает клинки, а по всей линии граничащей с кромкой леса слышится волнующий хруст кустов, а вместе с ним и звук натягивающейся тетивы. Лучники с обеих сторон готовы. В небо взмывает пятёрка огненных стрел, пущенных командой Магнуса: сигнал подан. Люди снизу, чувствуя опасность, словно звери начинают суетиться, но поздно. Первый зал лучников самый неожиданный и смертоносный. Большинство вражеских сотников и даже тысячников, ехавших верхом возле своих солдат, за секунду превращаются в дикобразов.

Крики, паника, мятежники пытаются прикрыться своими щитами и выстроиться в боевые порядки, но только у них начинается что-то получаться, как следующий залп с другой стороны дороги достигает их незащищённых спинок. Лошади в приступе боли и агонии начинают дико ржать и брыкаться, разбивая, калеча и затаптывая падающих на землю раненых. Самые умные враги кидаются в овраги подальше от факелов, другие же, пряча спины за собственными убитыми и ранеными товарищами заползают под редкие телеги. Огонь на время стихает, большинство врагов успевает затушить факелы и спрятаться во мраке, вот только это лишь начало. Спрятавшаяся за тучку луна, вместе с заклятием Гвиния освещают дорогу. Вновь мятежники все как на ладони. Кто-то вверх по пригорку ползёт прямо на нас, кто-то, переваливаясь через образовавшиеся на дороге заторы из тел, бежит назад. Восьмой, девятый, десятый залпы обрушиваются на спины кричащих и стонущих от боли у дороги мужчин, после чего, где-то спереди доносится кавалерийский горн, знаменующий лобовой удар моей конницы, коим в случае расчленения вражеской армии на пополам я намеревался сломить вражеский дух одной части и обратить в бегство другую.

Вот только ни я, ни конница, ни кто-либо ещё не ожидал, что может случиться в условиях, когда большая часть твоих воинов имеет с собой не только вилы, копья и топоры, но и луки, с десятком стрел у каждого.

Под очередным осветительным заклятием, глазам моим предстала полная картина содеянного по моему же приказу. Умывая и обмазывая собственной кровью камни королевского тракта, по земле ползали и стонали сотни солдат. Часть из них кричала, что ранены, другая участью мертвецов молчала, ну а третья, самая малочисленная, что сбившись в маленькие кучки всё же умудрилась выжить, с ужасом глядя на приближающуюся конницу, оглядывалась. В огневой мешок мы взяли большую часть вражеского войска, а от той, которой удалось избежать данной участи простыл и след.

Радостных криков со стороны всё тех же моих конных не было, точно так же как и выкриков продолжавших прятаться в лесной чаще солдат. Все бойцы продолжали думать, что это просто разминка, что вот-вот командиры отдадут приказ бросить луки и обнажить мечи для главного сражения с врагом, который ещё не подошёл. Никто не верил что армия, превосходящая нас по оснащению, и равная по числу могла пасть за какие-то десятки минут. Поэтому все замерли, ожидая, когда наконец-то тишину разорвёт очередной приказ...

Мы не убили большую часть врагов, здесь, у дороги, мёртвыми и ранеными осталась максимум половина... Половина трёхтысячной армии была разбита за какие-то десятки минут.

— Так это чё получается братцы, мы что уже победили? — почёсывая репу, закинув лук за спину, спросил один из крестьян, стоявших впереди.

— Получается так... — Глядя как к дороге постепенно спускаются бойцы с соседней стороны леса, также почёсывая лохматую бошку ответил другой.

Подминая высокий кустарник, маневрируя между вековыми деревьями и оврагами, вперёд неслись боевые кони его величества принца Карла. Лорд командующий, с трудом получивший право вести конницу, подвёл молодого господина. Старый воин, чьи бойцы должны были атаковать в лоб, растерялся в момент, когда вместо вражеского войска увидел лишь сотни трупов. По-началу, лорд испугался, что каким-то образом опоздал и битва уже закончилась, и лишь спустя минуты, когда с леса начали доноситься победные выкрики понял: враг разбит, бежит, а он даже не обагрил меч вражеской кровью.

— На перерез, не дайте мятежным шавкам вернуться в город! — деляя вираж, попутно сшибая головы всем кто не в седле, конница лорда вырывается далеко вперёд, после чего, выстраиваясь в широкую шеренгу подаёт звуковой сигнал. Самый короткий путь к спасительным стенам города под чётким надзором, точно так же, как северная сторона леса от тракта. Полёгшие в лесной чаще солдаты, разбившиеся на малые группы, а кто и вовсе в одиночку не в силах организовать и пойти на прорыв против наблюдавшей за окрестностями тяжело вооружённой кавалерийской группы, способной за считанные минуты сплотить ряды и нагнать любого, кто высунет нос.

Позади застучали барабаны, загудели горны, Нивградцы приближались и вот-вот грозили взять остатки армии в кольцо. Понимая, что иного выхода нет, бойцы, знакомые с местностью, на ходу бросая оружие раздевались, скидывая кольчугу, перчатки, сапоги и любую другую одежду, имевшую возможность напитать воду и утянуть тех за собой на дно бурной реки.

«Пощады не будет... Нужно спастись, бежать, плыть, да хоть лететь, иначе смерть», — зная о репутации того, против кого решили выступить, рассуждали бойцы. Всем им обещали лёгкую прогулку, в конце которой сами же жители Нивграда откроют им двери к своим домам, а также на блюдечке вынесут голову тирана правителя, после чего они получат надель от самого первого принца за хорошую службу. Так думали крестьяне и рыцари; так им обещала знать, а по факту, всё это оказалось одной большой ложью.

Даже до самых тупых селян при виде отлично вооружённой кавалерии дошло — враг не такой же как он. У него есть регулярная армия, боевые лошади, знать, а у знати есть собственные войска, выступившие не как им обещали, за них, а против них. Их братьев, поверивших своему правителю и замахнувшихся на самого четырнадцатого принца пустили под нож Нивградских скакунов. Тысячи лучников пролили реки крови, а войско, шедшее за ними по пятам, уже было готово втоптать последних выживших в невысокие лесные травы, где судьбой угатованно сгнить им, став удобрением для деревьев великанов.

— Подымитесь братья, позади Буйрека, так уж лучше пасть с мечом предков в руках, чем пойти на корм рыбам! — перемазанный грязью, со сломанной стрелой в плече, поднялся с колен один из лордов. Именно ему и его людям рассчитывать на милость и сохранение жизни при плене приходилось меньше всего. Принц Карл славился своей жестокостью к пленным. То что он сотворил с зорфами, нормальный человек даже с ненавистным врагом не сделал бы. Поэтому, для мятежника виделся один лишь путь: пасть в неравной битве с превзошедшим его врагом.

Точный удар со спины проходит между рёбер, пронзая сердце и выскальзывая между пластинчатой бронёй лорда. За обжигающим уколом следует острая боль разделяемая непониманием. Мужчина, сжимая в руке меч оборачивается и видит своих же, напуганных до смерти крестьян. Кому-то из них ранее он помогал, кого-то освободил от рабства, кого-то спас от болезни, но все его заслуги меркли. За первым ударом последовал второй и третий. Теперь уже три копыта пронзили его насквозь. Они — те о ком он заботился, кому дарил свою любовь и с кем готов был умереть, — предпочли смерти возможность выжить, подарив его голову врагу, в надежде вымолить тем самым право на своё никчёмное существование. Эти выродки, они забыли о его любви, поддавшись страху.

— Безумцы, — едва эта фраза сорвалась с губ лорда, как мощный удар меча, нанесённый его же оруженосцем, отделил голову от тела.

— Не подходите! — видя, что произошло с его другом и верным товарищем, отмахиваясь от прижимавших лорда к руслу реки крестьян, верещал другой аристократ. — Я ваш господин, и я приказываю развернуться и сражаться! Сын мой, доставай клинок, вдвоём...

Сын аристократа стоявшего подле того, имел иные взгляды на происходящее и пытался ещё до мятежа отговорить отца. Короткий клинок сверкнул в его ловких, молодых пальцах, холодное лезвие рассекло гортань старого мятежника. На последнем дыхании проклиная сына, крестьян, принца и прочих, шипя и истекая кровью мелкий дворянин пытается пасть в реку, дабы буйные воды унесли его тела и не дали тому после смерти оказаться на пиках городских ворот, но вновь ему мешает сын. Молодой парень бывал в Нивграде, видел как его правитель нёс справедливость и процветание своему народу, а также кару господню любому другому, кто посмеет обидеть детей богоподобного императора и их слуг. Он из-за всех сил отговаривал отца, убеждая того в ошибочности

суждений по поводу принца Карла. Он говорил, а они смеялись и слушали... Слушали, но не слышали его молитв и теперь у него не осталось иного выбора, кроме как попытаться спасти оставшиеся им по наследству от предков земли путём вымаливания милостыни. Отец не думал о том, что будет после его смерти. Не думал о матери и сёстрах, которых изнасилуют и казнят; не думал о нём, младших братьях и слугах, которых станут мучать и также скорее всего повесят.

Молодой аристократ понимал: договориться с врагом из его положения задача практически невозможная, но даже так, у живого отцеубийцы и предателя, куда больше шансов вымолить прощение хоть для кого-то из своей семьи, чем у мёртвого героя.

— Сложить оружие, снять одежды, украшения и драгоценности, сложить в сторонку, выстроиться у воды и склонить головы по направлению к лесу, — глядя на растерянных крестьян, также направивших на него своё оружие, отдал приказ молодой человек. После чего, сорвав с себя именную герб, бросил того рядом с отцовским мечом. — Вы что, не хотите жить? — вновь задал тот вопрос и крестьяне, словно опомнившись, стали следовать примеру раздевающегося аристократа, что оставшись в одних лишь штанах, аккуратно уложил тело своего мёртвого отца на песке, закрыл тому глаза и смиренно опустив голову, пал на колени в молитве за упокой его и спасение всех живых душ, оставшихся от их войска.

Убили ли его люди хоть кого-то в этом бою? Уж лучше бы нет, ибо быть может хоть столь горькое и позорное для них поражение заставит врага сжалиться. Почему враг вообще оказался так близко к городу, и как давно он миновал лагерь, из которого не так давно пришло последнее сообщение, чёрная магия? Но даже она не позволила бы переместить столь огромное войско незаметно и... Глаза мальчика, зачитывавшего одно из последних сообщений исказились в ужасе, ведь из леса, прямо к ним на берег вышел тот, о ком он лично говорил отцу как о покойнике.

— Капитан Магнус... — Тело парня затряслось в животном страхе: живой мертвец, в крови, с улыбкой на устах. Некогда герой, а ныне вернувшийся из царства мёртвых. Принц Карл — это точно его рук дело: некромант, провидец, чудовище...

Молодой аристократ мог назвать четырнадцатого принца кем угодно, но только не обычным человеком...

Август Людвиг Мидчел Первый.

Деревянная табуретка, сбитая кем-то из подручных, едва справлялась со своими обязанностями. Неприхотливый воин, волей небес которому суждено занять отцовский трон, хмуρο глядел на послание, прибывшее с голубем от человека, которого тот ещё вчера мог назвать верным вассалом и слугой, а сегодня...

Двухметровый, с ног до головы закованный в сталь первый принц, прочитав послание, бросает клочок бумаги в огонь. На его лице, исписанном и изуродованном сотнями шрамов не понять человеческих эмоций. Верный клятве, своему дому и роду, он пол века проливал кровь на границе за отца его императора и братьев, что пировали, устраивали балы и драли лучших шлюх, пока он и его воины лили кровь на границе. Как итог: годы мира разбаловали младших. Безделье и незнание полной картины происходящего в империи взрастили в их головах дурное семя, способное в миг уничтожить то, за что боролся их отец, дед и прадед.

— Вести от придворного четырнадцатого принца? — обратился с вопросом к Августу один из придворных магов.

— Да... — Тяжело вздохнув, отозвался первый принц. — Гвиний отверг моё предложение и сжёг Камень прощения.

— Не понимаю, он же сам много раз говорил вам, что будь у него возможность убить четырнадцатого и выжить, он давно уже это бы сделал, так почему?! — позволив себе излишнюю эмоциональность, молодой маг тотчас извинился пред господином и припал на колено.

Август не злился на придворного, что десятки раз вытаскивал его с того света. Напротив, подобная увлечённость одного из немногих кому тот мог доверять его забавляла и заставляла ценить слугу ещё больше.

— Карл разбил регулярное войско и армию наёмников. Причём со слов Гвиния сделал это очень оригинально. Ублюдки, прикрываясь моим именем, хотели разграбить город четырнадцатого, тот каким-то образом узнал. Итог: пятёрка людей, коих я никогда не знал, лишилась голов, а я нахожусь перед выбором, сравнять для собственной безопасности Нивград с землёй, или, как и просил Маг-целитель, пощадить его хозяина, не имеющего никаких злых умыслов ко мне и престолу.

Отправленное Карлом ранее письмо, в коем тот готов был пред богами отречься от престола повеселило Августа. Четырнадцатому никогда и не при каких условиях не светило занять престол. Слабый, без войска, без поддержки, даже личный маг и тот был настроен против Карла; всё это значило, что мальчишка мог не дожить и до тридцати, в один прекрасный день погибнув от клинка, всаженного тому в спину. Так думал Август, игнорируя младшего брата точно так же, как и всю политическую игру, переросшую в настоящую войну. Он упустил момент появления предателей как и день, когда грязный Зорф сменил слабые молочные зубы на прочные коренные клыки. Теперь, когда у Карла есть войско и верные тому Гвиний и Магнус, что каким-то образом переметнулись в лагерь четырнадцатого, предстояло решить очень важную проблему.

Войск первого принца едва хватало для осады столицы, Нивград же он планировал пройти не тронув, так как в нем никогда не было войск и какой-либо стратегической ценности. Так было ранее, но сейчас...

Минуй он Нивград, город, что всего в дне пути от столицы и повернись к тому тылом, последствия могли стать фатальными. Всего десять тысяч конных служащих второму или кому-либо ещё из мятежных братьев могли нанести невероятный ущерб его армии. Не говоря уже об одновременной ночной атаке из столицы и с флангов или того же тыла.

Август не предполагал, что у Карла наберётся и тысяча воинов, поэтому планировал просто войти в Нивград и если придётся убить брата при помощи его же личной стражи. Он не воспринимал его всерьёз и даже игнорировал предложения по отказу от престола. Стоило принять предложение ранее, а теперь, в случае осады ещё и Нивграда, эта глупость могла стоить слишком дорого. И дело скорее даже не в Карле и той паре тысяч, что ему теперь служат, а именно в Гвинии. Старая змея являлась одним из фаворитов отца, из всех придворных магов служивших принцам, лишь к его словам прислушивался отец император. Мощная магия, ум и коварство — черты Гвиния, помимо которого в свиту к Карлу попали ещё и другие.

Принцесса Авгу*ста — светлое дитя, воспитанное церковью по подобию его, великого воина и наследника принца Августа*, — молодая воительница являлась одной из самых сильных женщин инквизиторов во всей империи. О её достижениях на полях сражений и при искоренении ереси далеко за пределы империи шла молва. Точно так же громко говорили о силе и мощи Магнуса, воина, что со слов очевидцев не уступит в мастерстве даже первому принцу. Гордый Август любил помериться силой с подопечными, и никогда не останавливался в своих тренировках, пока счёт его личных побед над оппонентом не достигал десяти к нулю.

Магнус, Августа, Гвиний... Как же ты умудрился собрать вокруг себя столь сильных, волевых и неподкупных личностей, коварный мерзавец... — Думал Август Людвиг Мидчел Первый, решая будущую судьбу Нивграда.

Мятежный город Виск, резиденция бывшего правителя.

— За великую и сильную империю! — подняв кубок, произнёс первый тост я.

— За империю! — подняв кубки в след за мной, в один голос произнесли Гвиний, Августа, Магнус и множество лордов, участвовавших в нашем победоносном походе. Только лучшие, богатейшие и предоставившие самое большое количество войск, лошадей и припасов заслужили право находится здесь. Все, кто жертвовал себя и свои силы без остатка во благо нашей победы, получают от меня точно такую же благодарность. Казна мятежников, всё их имущество и даже жизни их горожан без боя достались мне и будут поделены справедливо. Семьи большинства мятежников были преданы мечу. Несмотря на то, что я не собирался убивать детей, мою просьбу по их ссылке в приграничье полностью проигнорировал что Гвиний, что Магнус. Всех мужчин от мала до велика порубили на куски, оставив только редкие единицы, что согласившись на рабское клеймо, перед богами поклялись о вере и службе лишь одному правителю, а именно мне.

Из числа моих новых, личных рабов, предстояло создать новую городскую власть. Назначить на пустующие главенствующие в городе должности лояльных мне личностей. Множество пресмыкавшихся пред прошлыми элитами аристократов покинули город, предполагая, что он будет оккупирован и на улицах на них начнётся охота. Однако, благодаря содействию городских властей, местных жителей и уцелевшей после побоища знатных сынов резни удалось избежать.

Били точно. По районам банкиров, спонсировавших мятеж, по виллам, особнякам, резиденциям знати, оскорбившей меня своими письмами. В общем, благодаря идеально сложившимся обстоятельствам и полному разгрому, в моё подчинение попал ещё один город, к сожалению, сделать который своими владениями я не мог.

Прошлый правитель и его родичи получили эти земли от императора, и я, как представитель рода, не мог забрать подаренное кем-то из моих родичей, носивших титул императора. Отнять эти земли силой, означало украсть подаренное нашей семьёй, а это уже неслыханная дерзость и неуважение к предкам, за которое с меня точно спросят как первый, так и второй принц, если, конечно, выживут после разборок между собой.

По итогу, пришлось поступить с городом и местными элитами так...

Власть над наделами перешла младшему сыну бывшего правителя этих земель, что лично прирезал своего отца и присягнул мне на верность. Для большего стимула выполнять мои поручения и приказы, сёстры и мать новоиспечённого правителя были отправлены в Нивград в качестве заложников. Ибо парень показался мне уж слишком умным, смекалистым и решительным, требовалось обезопасить себя. Также, в качестве извинения нам передали пару деревень, прилегавшие к ним поля и работавших на тех крестьян.

И, разумеется, лично для меня новоиспечённый правитель пообещал совершенно бесплатно, за счёт своей семьи поставлять в Нивград небольшие партии рабов: «В знак уважения и благодарности».

Победа есть победа... — Не скрывая радости от того, что в этой битве не погибло ни единого моего солдата, пил вместе с сильнейшими воинами, попутно с опаской поглядывая на Гвиния, беспокоившего меня своим очень мрачным, и не сулящим чего-либо хорошего видом.

Авгу*ста и Августа*. — * — ударение на У и на А.

Глава 17 — Ночные кошмары

Никогда не думал, что войну можно назвать отдыхом. Отправляясь в поход предполагал столкновения со множеством лишений, тягостей, невзгод. Думал, как и мои бойцы буду переживать совместные утраты, вместе с ними делить скорбь, а после, переломив хребет врагу, вместе с остатками своей армии встречу сладостную победу.

Больше тысячи моих врагов погибло, стольким же уготовано рабство. А у меня из потерь только всадник на хромой лошади, что в ночь битвы влетел в овраг и сломал себе обе руки, да старый пьянчуга ополченец, забухавшийся в местном трактире и словивший на радостях сердечный приступ.

Люди всегда умирают, и мне удалось свести их потери к минимуму, а значит я поступил правильно, так ведь?

Попытавшись отодвинуть жалость к семьям, что никогда более не увидят своих мужчин. За сутки до нашего выдвижения обратно в Нивград отправил домой гонца. Требовалось как можно громче раструбить о нашей сокрушительной победе, а также дать гражданам моего города мысль о их собственном превосходстве над другими и личной значимости. Поднять мораль горожан, их патриотическое настроение, ведь когда придёт первый принц, чем больше на стенах будет ополченцев, тем более выгодные условия я смогу выторговать для себя и своего Нивграда.

Посыльный справился с работой на отлично и в корне передал всю суть моего обращения служителям мэрии. Зорфа, икшавшаяся среди бродяг, отлично выполнила свою задачу. Сегодняшний день, — день первой победы принца Карла ознаменовали первым выходным днём. По моему приказу у трактирщиков было выкуплено всё дешманское пойло, раздававшиеся по чаше всем горожанам, что возложат цветы, но не мне лично, а их братьям крестьянам, отправившимся сражаться за них в тяжёлый поход. Помимо бесплатного пойла, Зорфа распространила среди местных идею, что возвращающийся принц поделится со своим народом захваченными трофеями, от чего все, даже не самые бедные ремесленники, отложив свой инструмент, выползли на гудящие и утопающие в цветах улицы.

Ещё на подъезде меня позабавило, что на полях вокруг Нивграда не осталось и цветочка, а уж когда мы въехали в город, так я и вовсе изумлённо охнул. Едва справлявшаяся стража с трудом расталкивала визжащих и махающих нам цветами горожан: мужики до хрипоты орали, восхваляя императора и воинов Нивграда; падкие до денег женщины осыпали входящих цветами и когда те заканчивались, разрывая тряпичные одеяния с голой грудью наперевес бросались в объятия шедших в колонне ополченцев. Ну а я, двигаясь впереди, в своих всё также натравивших зад латах, не скупясь разбрасывал во все стороны медные монеты.

Радости людей не было предела, по всему пути, от ворот до мэрии нас преследовали плачущие с цветами старики, благодарившие почившего бога нашего императора за то, что тот смилостивился и защитил в бою их отпрысков. Впереди стариков бежали маленькие детки, что в припрыжку двигаясь за армией, подбирали с земли цветы и вновь и вновь, хохоча, подбрасывали те в воздух, рассчитывая получить в свою сторону горстью очередных медных монет.

— Славься империя, славься властитель наш принц Карл! — скандировала нищая и благодарная толпа, до селе никогда ещё невидавшая такой щедрости от своих господ. «Никто не разбрасывается деньгами» — Отговаривая меня от данной аферы твердила Августа, «Какой смысл менять цветы на спиртное»? — непонимающе бубнел Гвиний.

Мои дорогие скупердяи только сейчас, глядя на преисполнившихся гордостью солдат и аристократов, никогда не видевших таких почестей и встреч, наконец-то поняли, как порой легко и недорого можно купить чью-то любовь.

Убив в мэрии весь день и вечер на распределение трофейных средств, лишь когда луна уже стала опускаться, волоча ноги, забив на ужин и продолжавшееся в городе гулянье, рухнул одетым в свою постель, и если бы не мои многочисленные слуги, в том числе рабыни, то так в одежде бы и уснул. Картина произошедшего несколькими днями ранее из раза в раз приходила ко мне в дурных снах.

Сначала это были наштигованные стрелами покойники, что как по команде некроманта поднялись и атаковали нас в спину. После, со мной говорили повешенные по приказу Гвиния дворянские сыны, что со сломанными шеями и закатившимися глазами проклинали меня со своих столбов.

А ещё... Ещё крик, женский крик одной из дворянок, что пытаюсь отомстить за мужа, кинулась на меня с ножом, забыв, что за спиной той двое дочерей. Стража скрутила ту, поставила раком, а после получила приказ, показавшийся даже мне слишком жестоким. Разгневанная Августа, указав мечом на двух девиц восемнадцати лет, приказала своим бойцам раздеть их прямо на глазах у матери, а после, запустив в резиденцию пять десятков ополченцев, отдала сначала дочерей, а после и непокорную мать на растерзания толпе. Смотреть на их слёзы и крики долго не смог, и кода пятьдесят мужиков принялись пихать свои члены во все женские дыры, развернулся и вышел.

«Вспомните непокорных Зорфов, никакого сострадания к врагу, принц, вас должны бояться...» — Когда мужики за дверями вдоволь нарезвились, произнёс Магнус, а после, лично прекратил страдания всех троих женщин, около часа моливших о милости, а позже и о сохранении жизни.

— Вот же срань... — В холодном поту пробудившись от дурного сна, испуганными глазами глядел на слегка приоткрывшуюся дверь моей спальни, сквозь которую пробивалась тоненькая ниточка света. Чьи-то босые ноги медленно приближались к моей кровати. Посторонний не прошёл бы через стоявших на страже у дверей Магнуса и Августы, что лично сегодня решили защищать мой сон, а значит, это либо сама сестрёнка решила согреть меня этой и без того жаркой ночью, или кто-то из моих горничных рабынь.

Взволнованное женское дыхание и неуверенные шаги, заставлявшие посетительницу двигаться в слепую, натолкнули на мысль, что это не одна из моих прислужниц, ведь обе женщины хорошо знали маршрут к моей кровати. Отпадали Августа и Дроу, которую так просто, да ещё и в ночь, ко мне бы не пустили.

Побродив по моей комнате и едва не опрокинув столик с кувшином вина, незнакомка всё же нашла дорогу к кровати, а после, сбросив с себя шелковый наряд, медленно и всё так же молча поползла под одеяло.

«Боженька, пусть это будет внезапно восплававшая ко мне чувствами Катрин, клянусь, в обмен на эти пышные груди даже церковь построю!» — Взмолвившись как никогда не молился, с разочарованием ощутил касание чьей-то плоской и не очень-то упругой груди. «Облом»... — С ходу прихватив незнакомку по талии, не видя лица, принялся руками на ощупь определять кто же это мог быть. Имена всех своих прислужниц я не знал, да и не посмели бы они без моего согласия залезть в постель, а значит, это кто-то, кого я хорошо знаю.

Пальцы осторожно скользнули по женской напрягшейся попке, поднявшись по талии чуть выше, напрямиком к длинным волосам.

— Пойдите принц... — Когда ноготком коснувшись соска я стал опускаться ниже, к пупку, а после и лобку незнакомки, испортила всю интригу герцогская дочь по имени Элизабет. — Маменька велела перед тем как мы приступим, чтобы я с вами поговорила о свадьбе и...

Всего одна фраза и мой вставший член пожелал сжаться и спрятаться где-то в глубинах моего же тела. Эта старая кляча, будь она неладна, дождавшись исхода битвы решила под шумок подложить мне под задницу одну из своих дочерей. Хороший ход, ведь погибни я или проиграй, она просто продолжила бы пользоваться моим гостеприимством, находясь под покровительством сразу двух сторон; а так, осознав, что власть моя над землями достаточна высока, всё же решила поставить на мою персону и всё-таки добиться нашей с Элизабет свадьбы.

— Свадьбы не будет, пока в стране не утихнет гражданская война... — Холодно отозвался я.

— Вы думаете, мне хочется за вас выходить? — почувствовав моё отторжение к её телу и мой поворот на бочок, недовольно выплюнула молодая герцогиня.

— Тогда почему ты ещё здесь? Поднялась и вышла отсюда... — И без того заебавшись выяснять и решать разного рода проблемы, злобно выдал я, не собираясь ночью вникать в то, что хочет от меня Матильда. С ней я поговорю днём, а пока, раз сексом тут и не пахнет, пусть лучше катится по добру по здорovu.

Шипя, словно обозлённая змея, та ужом скользнув по простыням выскочила из кровати, схватила ночнушку и стрелой вылетела в коридор. «Малолетней стервы, что не питает чувств мне ещё под боком не хватало» — поправив подушку, с некой обидой на последние слова Бэгской бестии зажмурил глаза желая погрузиться в сон, как вдруг, очередной скрип дверей ознаменовал чьё-то повторное появление в моей комнате.

— Я же сказал, свободна, или не доходит? — предположив, что Элизабет всё же попытается загладить свою вину передо мной и как-то добиться результатов по порученному матерью заданию, рыкнул я, получив в ответ неожиданно тоненький, женский смешок.

— Кто здесь? — вновь спросил я, но ответа так и не последовало. Вместо этого, с приткостью кошки в мою постель, прямо в одежде пожаловал кто-то невысокий, утончённый и...

— Шарлотта? — почувствовав лёгкий, ненавязчивый аромат духов, коими пользовалась только моя помощница в ученических делах, спросил я, получив очередную усмешку в ответ. — Почему ты здесь, опять проделки Матильды?

Маленькие ручки светловолосой малышки обхватили приподнявшегося меня по талии. Неприкрытой кожей торса чувствовал как в меня, сквозь женскую пижамку упираются два острых соска. В голосе и поведении Шарлотты чувствовалось веселье, какая-то внутренняя радость и удовлетворение, хотя с учащённым дыханием и легкой дрожью её пальцев я так же отчётливо чувствовал волнение.

— Я здесь по собственной воле, принц, — светлые локоны, блеснув при свете показавшейся из-за туч луны, легли на моё плечо. Тусклый свет лишь на мгновение обрисовал большие, влюблённые глаза девчушки, а также её робкую позу, в которой она сидела на моей кровати со сомкнутыми коленками.

«Влюблённые глаза? Не обманывай себя Карл, никто не влюбится в чудовище с таким прошлым».

— Не заставляй меня повторять вопрос, — вспомнив в каком мире нахожусь, и что может прятаться за невинной улыбкой, грубо проговорил я, отчего светловолосая слегка испуганно замерла, опустив свой взгляд на простынь.

— Потому что... — Убрав от моего торса руки, с волнением девочка принялась пальчиками накручивать длинные волосы, подбирая правильные слова, — потому что... — В голосе Шарлоты появилась дрожь, от уверенности и хорошего настроения простыл и след, кажется, я впервые был с той так груб и холоден, что сильно шокировало и напугало коротконогую герцогиню.

— Говори, не бойся... — Усмехнувшись, сам обнял вздрогнувшую девушку, что сжав кулачки резко выдала:

— Возьмите меня в свои наложницы!

Лёгкий ступор сменился непониманием и поиском выгоды со стороны Бэгской династии.

— Зачем это тебе?

— Потому что даже если я просто останусь при вашем дворе, я стану куда счастливее, чем с матерью и сестрой. Ваши слуги, окружение, люди — все здесь куда добрей и не ищут корысти в общении с какой-то второй дочерью. Лишь гуляя по знатым улицам столицы я могла наслаждаться чистотой, за которой в вашем городе следят лучше, чем у меня дома. Лишь здесь, в вашей академии я могла пообщаться с простолюдинками, услышать их истории, даже чем-то помочь, не опасаясь, что кто-то будет коситься на меня за связь с чернью. Лишь с вами я почему-то могу ощутить себя защищенной и свободной. Ранее я думала, что вы лишь красуетесь, козыряя силой и властью перед всеми и каждым, но теперь, ваша блестящая победа доказала: нет вещей вам неподвластных, так что пожалуйста... — С глаз девушки сорвались слёзы. Я понял, зачем она пришла по-настоящему. Я чувствовал эту дрожь в голосе, она была мне знакомой, она не просто хотела остаться здесь, она молила о помощи, точно так же, как и дочери мятежных лордов перед тем, как их пустили по кругу и прирезали.

— Ты хочешь, чтобы я спас Дункана в обмен на твоё тело и знания?

— Именно так, — солёная слеза Шарлотты рухнула мне на ладонь. — Я буду учить ваших монахинь, буду прислуживать в резиденции и даже спать с теми, на кого вы покажете пальцем, только пожалуйста, принц, помогите моему отцу. Мать и сестра уже давно его похоронили, но я не согласна с этим, он хороший человек и не заслуживает смерти!

Немая пауза повисла в спальне. Положив руку на волосы девочки, с иронией заметил, как изменилось настроение и первостепенная цель её прихода. Возможно, она не собиралась просить свадьбы: с самого начала она намеревалась предоставить мне своё тело, а после, как бы в благодарность вымолить хоть какую-то помощь, а теперь, осознав, что её раскусили, выдала всё как на духу. Испуганное дитя, да и только...

— Я ведь не бог, Шарлотта, и в грядущей буре, начатой твоим отцом и вторым принцем, сам могу сложить голову, — положив ладошку той на волосы, прошёлся по длинным волосам.

— Но вы ведь сын самого бога, бога императора нашего, наследник великого рода, да и отец, он ведь это всё не просто так делает... — Вцепившись своими коготками в мои плечи и прижавшись к груди мокрым личиком, произнесла очень интересные слова Шарлотта, что в миг прогнали из моей головы жалость, натолкнув на логичный вопрос: «А что же именно он делает не просто так?»

Дав слово, что всю полученную информацию использую только на благо и попытку спасения Дункана, открыл для себя настоящую сенсацию. В тени предателя второго принца прятался ещё один предатель, намеревавшийся при помощи мятежа показать наследному принцу всех его врагов, прятавшихся во всех щелях империи.

Герцог Дункан Бэгский изначально не был идиотом и понимал, что мятеж, тем более против первого принца,

не заботившегося о финансовых делах империи, сдержать не получится. Хороший воин, что никогда не бывал в столице не мог оправдать их ожиданий. Его походы и постоянно увеличивающиеся бюджеты на содержание армии истощали ресурсы привыкших жить в роскоши и достатке аристократов. Поэтому, богатеи решили поддержать второго принца, что в замен на престол даст им ещё большие привилегии и годы мира. Так они полагали, что внешний враг не воспользуется нашей слабостью, не ударит в спину.

Быть может это и вовсе проделки заграничных шпионов, инвестировавших средства в раскол некогда великой империи.

В любом случае, действовать следовало быстро. Мне требовалось как можно скорее связаться с первым принцем и сделать это не через посредника, что мог своим болтливым языком поставить под угрозу жизнь Дункана, а через кого-то лично прислуживающего мне, а из таких людей у меня были только двое.

Гвиний, что ныне сам не свой и сестрица Августа, отказывавшаяся покидать меня без каких-либо веских причин. Был также и Магнус: этот парень последнее время вызывал у меня подозрения и опасения из-за того, что второй принц сделал с его братьями, здоровяк, не разобравшись мог и мне голову снести, но вот что он думает по поводу первого принца и законного наследника? Всё так же он верен ему, или, возможно, у моего карающего меча есть иной хозяин?

— Я понял, обещаю сделать всё, чтобы спасти твоего отца. В обмен, ты помогаешь мне с обучением крестьян и их подготовкой на счётные посты, — проговорив это, пообещал, что Шарлотта может спать спокойно, зная, что я выложусь на полную спасая себя, свой город и её хмурого папаню; однако, даже после этого моего заверения, светловолосая красotka не покинула моей кровати. Губы малышки потянулись к моей шее, возможно она ещё чувствовала какую-то тягость, обязательство передо мной. Маленькие пальчики отодвинули одеяло и медленно поползли ниже живота.

— Ты ещё молода и ничем мне не обязана.

— Обязана, да и к тому же я гораздо старше, чем вы думаете, поэтому, хотя бы сейчас, прошу позволить мне сделать то, чего я хочу сама, а не то, о чем меня всегда требовали другие...

Сползшие по гладкой коже плечики оголили маленькую, подтянутую грудь, что уже спустя секунду оказалась в моих жажущих страсти и ласки руках.

— Раз уж ты этого желаешь... — Уложив ту на спину и пообещав быть нежным, проговорил я.

Нетронутое, девственное и непорочное тельце оказалось в полной власти злобного персонажа. Сколько раз я видел боль других, лицезрел страх обязывавших тех выполнять мои приказы, прихоти, самые грязные желания. Из всех женщин до этого, лишь Августа, познавшая тяжёлую судьбу и порочную любовь сестры к брату, могла дать мне хоть частичку того настоящего тепла, на выделение которого было способно сердце воина.

Здесь же, предо мной возможно впервые оказался по-настоящему любящий человек. Смотревший на меня не как на правителя, принца или члена правящей династии, а на того, с кем хотела находиться подле. Разделить вместе одну ночь, кровать и наслаждение...

Раз за разом желая докопаться до истины я спрашивал её зачем, почему Шарлотта хочет именно меня, а та в свою очередь, подмечая мелочи незаметные другим, вновь и вновь говорила о моей дальновидности, уме и самом необычном подходе к выбору собственных слуг. То на что никогда не взглянет аристократ вызывало её бесконечный интерес и уважение, там где знать отводила взгляд она видела мою выгоду и личную победу над предрассудками и укоренившимися порядками. Она видела меня всего изнутри, прямым текстом говорила, о том, что в её глазах я «бог», ибо только бог может глядеть на мир под таким, «правильным» углом. Всё эти словесные игры только распалили моё желание, страсть разгоралась подобно лесному пожару столкнувшемуся с северными, необузданными ветрами.

Проклятое дитя, и её нестандартное мышление смогли завоевать частичку моего сердца.

Пальцы медленно проскользили по взмокшему от волнения животу, а после, опустившись, застыли у лона. Мы ещё даже не приступили, а Шарлотта уже тяжело дышала и потела, словно после марафона.

Повторяя за мной, своей рукой она приблизилась к моему полностью пришедшему в боевую готовность члену, коснувшись ствола которого, нервно и робко улыбнулась, едва слышно буркнув: «Я так рада, что моё тело вам по нраву».

— Не только тело, но и ум... — Наши губы соприкоснулись, а после, когда мой язык стал проникать в её ротик, глазки Шарлотты с некой невинностью и удивлением захлопали. Больше минуты понадобилось, чтобы девушка привыкла к странным движениям в её рте и стала точно так же неумело пытаться отвечать.

Возможно, только что я украл её первый поцелуй. Оторвавшись от сладких губ, с интересом рассматривал покрасневшие щёчки и лёгкую, невинную улыбку, за которой скрывалось желание продолжить начатое. Расценив передышку как моё отступление, Шарлотта захотела приподняться, но ждавший лишь этого я, схватив ту за оба запястья, прижал той руки над головой. Маленькая и хрупкая, она была одной из тех немногих, что в этом мире являлась физически слабее меня, и первой, кого я с лёгкостью мог двигать так, как мне захочется.

Лёгкий поцелуй, оставленный мною на шее девушки, после предплечья и маленькой груди отзывались дрожью и прикушенной нижней губой. Взгляд Шарлотты неотрывно следил за тем, что я делаю снизу. Только головка члена касалась её где-то снизу, ноги девушки автоматически раздвигались, готовясь принять меня внутрь, и каждый раз, когда наше случайное касание переливалось в нечто иное, она томно и с неким разочарованием вздыхала, но уже спустя секунды с наслаждением принимала всё, что я только мог той предложить.

— Ты готова? — чувствуя, что снизу всё стало чуточку влажнее, чем перед первым контактом с моими пальцами, спросил я. Нервно сглотнув, Шарлотта вместо ответа приподнялась, попытавшись меня поцеловать, но руки над головой, взятые в прочный замок, не позволили той добиться намеченного.

Прижавшись торсом к худому телу, вновь с языком проник в её уста и медленно, лишь на головку вошёл в узенькую щелку.

— Ах... — Слегка прихватив своими зубками мой язычок, простонала Шарлотта, и я, позволяя той привыкнуть к ощущению, замер. Несколько секунд при свете вынырнувшей из-за очередной тучи луны, я наблюдал, как меняются эмоции на глазах малышки, смутившие меня, заставившие в очередной раз задуматься всё ли с ней хорошо. — Я в порядке, Карл...

Тихие слова малышки сменились лёгкими стонами. Маленькие пятнышки крови, оставшиеся на белых простынях, сквозь ночную темень цеплялись за глаза. Данная картина была мне непривычна, вызывала странные чувства. Ведь с одной стороны, я старался как никогда, использовал все мне доступные средства для того, чтобы Шарлотта в свой первый раз не пожалела о нём, но с другой, могла ли девушка вообще в свой первый раз испытать оргазм? Я этого не знал, да и загуглить как на зло не было где...

Утро следующего дня. Покои Герцогини Матильды Бэгской.

— Глупое дитя, ты хоть представляешь, чем нам могла обернуться твоя неудача! — мощная пощёчина, прописанная Матильдой своей старшей дочери, красным пятном запечатлилась на белой, как снег коже. — Мало того, что умудрилась разозлить принца, так он тебя и слушать даже не стал, ещё и меня припелла...

— Мама... — Покорно опустив голову, с обидой фыркнула Элизабет.

— Не мамкай, ты же дворянка, как тебе вообще в голову пришло сказать принцу, что ты его не хочешь?! Большого оскорбления быть не могло, глупое дитя... Всё, что мы сейчас имеем, это чистого рода милость его величества, и боги, Шарлотта, я прошу хоть ты обрадуй меня, слуги говорили...

— Я спала с принцем... — Перебив и удивив обеих Бэгских женщин, сидя на диване и держась ручками за живот, с улыбкой проговорила Шарлотта. Вчерашние чувства до сих пор не покидали её снизу. Щепотка боли, появившаяся в начале, быстро растворилась в наслаждении от каждого прикосновения принца, человека коим та не только восхищалась но и в которого влюбилась. Эта ночь, то дурманящее голову и разум наслаждение: по рассказам служанок, подобного в первый раз ни с кем кроме любящего человека не добиться, и произошедшее с ней сегодня ни что иное как чудо. — Когда я зашла в его комнату он был крайне зол, я даже испугалась, но после, мы с ним смогли прийти к кое-каким соглашениям.

Глаза Герцогини Матильды вопросительно округлились.

— Я стану его наложницей, и при любом раскладе останусь в Нивграде. Он в свою очередь пообещал не просто позаботиться о нас, но и спасти отца.

— Дункан... — Лишь при одном упоминании имени мужа, ладошкой прикрыв ротик, с некой надеждой в голосе охнула Матильда. В душе та знала: её мужу не выбраться из мятежного города, но внутри она продолжала надеяться вновь, хотя бы на мгновение увидеть любовь всей своей жизни.

— Это невозможно, отец поднял мятеж и никому, включая этого бесхребетного Карла, не под силу его спасти от гнева первого принца...

— Закрой рот, сестра, ты уже и так достаточно наговорила! — не сдержавшись, со всей злобой и ненавистью, копившейся к старшей долгими годами, крикнула Шарлотта. — Этот мятеж — братоубийственная война, и только братья принца в ней могут говорить, что возможно, а что нет. Карл не тот человек, что будет кидаться столь громкими словами, по крайней мере, никого другого, кто бы мог даже пообещать сделать подобное я больше не знаю... — С верой в самое маловероятное, проговорила малышка Шарлотта.

Завтрак и само утро, проведённое в компании семейства Бэгских, впервые можно было назвать добрым. Герцогиню Матильду лихорадило каждый раз, когда я поглядывал на ту или её старшую дочь, попутно специально хмурясь и строя из себя озлобленную отказом личность. Мило улыбавшиеся в ответ на мой грозный взгляд, бледные, как поганки старшие Бэгские, быстро очистив свои тарелки, поспешно поблагодарили меня за «самый вкусный завтрак» когда-либо им поданный, и тотчас разбежались по комнатам, позволив тем самым нам с Шарлоттой поговорить о делах.

За коротконогой малышкой закрепилось должность первой наставницы. Отныне, обучение монашек стало её первостепенной и главной задачей. После выполнения которой Шарлотта лично отберёт лучших для открытия первой частной школы, разумеется при условии, что все мы доживём до этого момента.

Появившийся на пороге резиденции юноша застал мою свиту в момент отправки к руслу реки, ознакомившись с строением берегов которой я намеревался наконец-то приступить к улучшению наших речных пристаней.

— Что случилось, Гвиний? — глядя на растерянный взгляд мага и испуганное лицо мальчишки посланника, спросил я.

— Гаутэн Эльд со своими псами был замечен неподалёку от наших границ, — пробежавшись взглядом по письму с печатью первого принца, Гвиний, стиснув зубы, сжал пергамент, а после, выдохнув, передал мне. — Ваша светлость, первый принц Август требует, чтобы вы покинули свой город и предстали пред ним как верный слуга пред своим господином.

«Август — мой господин? Нет уж блять, я его не выбирал. Хотя пока придётся мириться...»

Гаутэн Эльд — личный посланник и слуга старшего брата. Возвращённый с одной целью, он стал неотъемлемой частью каждых мало-мальски волнующих брата переговоров. Умный и острый на язык, множество раз мужчина находился на краю от гибели, договариваясь с самыми сложными представителями аристократии. Каждый раз, когда лезвие холодной стали уже было готово отнять его жизнь, каким-то образом тот умудрялся избежать встречи с костлявой, принося братцу ценную информацию, а порой и целые замки без боя. Представить даже не могу скольких глупцов обвёл вокруг пальца хитрый лис, но сегодня я намеревался прервать череду его побед.

— Августа, седлай коня, бери наших лучших людей, Гаутэна в город не впускать. Магнус, ополчение и войско, всех и всё, что у нас есть на стену. Пусть Эльд видит лица наших воинов, их копыта и стяги. Гвиний, возьми распорядись взять с собой стяги дома Бэгских, новый стяг второго брата, старый стяг первого, а также наш собственный.

— Вы уверены, ваша светлость? Не думаю, что посла от первого принца...

— Выполняй старик! — крикнул я, а следом велел подать ненавистную броню, так натиравшую во время похода. К моменту, когда толпа слуг облачила меня в прохладную сталь, большая часть охранявших резиденцию стражников уже покинула нас. Всех, включая личных стражей семейства Бэгских, отправили на стену.

Наконец-то настал тот момент, к которому я так долго готовился, репетировал сам с собой, на очке, в шатре или кровати. Встреча, что решит судьбу моего Нивграда произойдёт именно сегодня, и от того, смогу ли я впечатлить этого чёртового Гаутэна, зависело в каком ключе и русле в дальнейшем мне придётся общаться с главным наследником и братом.

Неспешно двигаясь по улицам своего города, заставляя нервно ждать взятого в кольцо посла и его свиту со всей свойственной мне ненавистью проклинал чёртово солнце, грозившее запечь мою тушку прямо в этом странном панцире, от исходящего жара которого не спасала даже плотная рубаха одетая под низ. Зной, запах собственного пота и эти чёртовы мошки лезшие в глаза и рот раздражали. В очередной раз отмахнувшись от назойливого насекомого, попытавшегося проникнуть мне в ухо и едва не свалившись с коня, злобно глянув на Гвиния отдал команду — «колдуй»!

Маг-целитель не любил расходовать собственную манну на всякие второстепенные вещи и считал, что подобные невзгоды должны закалить моё тело и дух. Однако, сегодня решил не спорить и просто использовал на моей броне одно из элементарных заклинаний, остудившее ту до приемлемой температуры. Лёгкий ветерок подобно ауре закружился вокруг меня, отталкивая насекомых и остужая взмокшую от пота голову.

— Так то лучше... — Уверенно выдвинувшись за пределы ворот в сопровождении всего десятка воинов и мага, произнёс я, а после прищорил коня. Сотня моих личных воинов, перемешавшись с элитой Бэгских, взяв в плотное кольцо десятков сопровождавших посла мужчин, нервно ожидали команды. Несмотря на то, что на Гаутэна сейчас с дистанции трёх ста метров со стены глядело несколько тысяч бойцов, а в его грудь фактически упирались выставленные моими кавалеристами копыта, тот был спокоен и даже мил.

Лицо имперского лиса украшали шрамы проходившие через нос и левый глаз. Также на его голове отсутствовали оба уха. «Должно быть издержки профессии» — усмехнувшись, и тем самым в лоб показав тому

собственную неприязнь, подумал я. Брони посол не носил, точно так же, как и оружие. Казалось бы, этого искалеченного жизнью доходягу на тот свет мог отправить и ребёнок, однако, всё становилось на места, когда я начал присматриваться к его страже. Гвардейцы, последние из рода, первые в бою... Ветераны, здоровенные накаченные дядьки закованные в сталь, точно такие же как и мои, но не это привлекло меня, а то, что они привезли с собой.

— Собачьи головы? Посол, неужели зарезав пару сельских шавак вы намеревались меня напугать? — придерживая лошадь, наматывавшую круги внутри кольца и вокруг наших незваных гостей, проговорил я, а после, когда Гаутэн уже намеревался дать ответ, перебил того очередным вопросом, но только адресованным своему советнику. — Гвиний, это у дома Эльдов обычай такой, приветствовать других отрубленными звериными головами? Может нам стоило также украсить наших коней чьей-либо плотью, к примеру Зорфав, в наших краях их куда больше, чем собак...

Оценив мою шутку, Гаутэн, улыбнувшись краем губы, едва заметно кивнул, попутно кинув свой взгляд на моих воинов, а после им за спину, на крепость.

— Вы позволите? — не соизволив даже поприветствовать меня лично, тем самым показывая как по-настоящему относится ко мне тот к кому он служит, попросил слова лис.

— Выпороть тебя бы за такую дерзость... — Мои слова воспринимаются как условный сигнал, ряды конных сужаются, а люди Гаутэна впервые показывая нервозность начинают с некой опаской поглядывать на своего господина.

— Пороть посла от судьбы которого зависит ваша жизнь и жизнь города — это ли не дерзость? — резонно подмечает мужчина.

— Вместо даров ты приносишь мёртвые головы, вместо уважения кичишься статусом, а теперь ещё и угрожаешь мне, посол? Позади меня Нивград, мои люди, мой город, моя армия и мой дом, позади тебя чужие копыта степь и смерть... — Мои слова вызвали очередную улыбку на лице Гаутэна.

— Прошу, избавьте меня от этих запугиваний. Вы же прекрасно понимаете, что смерть позади меня, она ждёт всех, если...

— Если что? Я не отдам свою голову первому принцу? Не считай меня идиотом, Гаутэн Эльд. Пока я здесь, в своих стенах и под защитой своих людей, брат будет считаться со мной и теми неудобствами, которые я способен ему причинить.

— Неудобства? Вы думаете этот спектакль, что сейчас развернулся на стенах вашего города доставит нам неудобства? Сколько вас, тысяча наберётся? Мы знаем, что не так давно вы столкнулись в бою с соседними мятежными лордами, на исцеление ран уйдут месяцы, и даже если вас будет полторы-две тысячи, общей картины это не изменит. Позади меня движется войско в сто тысяч бойцов и уже через неделю они камнями на камень не оставят от этого места, если вы не предстанете пред моим господином! — выговорившись и даже позволив себе повысить голос, мужчина, вздёргнув голову ещё раз взглянул на стену, где возвышались сразу четыре флага, а после, фыркнув, поправил взмокшую от пота прядь волос, упавшую тому на глаза.

— О каких ранах и исцелении говорит этот безумец? — строя удивлённую рожицу повернулся к всадникам я, вызвав тем самым на лицах бойцов улыбки и даже нервозный смешок. Гаутэн тем временем оставался спокоен и невозмутим, продолжая изредка поглядывать на развивавшиеся за спинами моих солдат флаги. — Мои brave воины разбили мятежников не понеся потерь, если бы не бухло и та слепая, хромая кобыла так вообще все бы вернулись домой целыми и невредимыми. — О истории трагической смерти одного из ополченцев в таверне соседнего города знал каждый местный житель, точно так же, как и о судьбе горе рыцаря свалившегося с седла. Два этих рассказа кочевали от казарм до трактиров, поднимая те смехом на уши, вот и в этот раз парни за моей спиной, не удержавшись, заржали. Всё же не так уж часто их господин позволял себе шутить.

Гаутэн Эльд, видя как кто-то смеётся в ответ на громкое заявление по поводу приближающейся стотысячной армии, напротив разнервничался. Непонимание полной картины происходящего толкала разум мужчину в разные направления, заставляя додумывать исходы, о которых тот мог не знать.

— Вздор, нам известно, что мятежников было как минимум три тысячи, а вас...

— А сколько нас, полторы? — ещё раз усмехнувшись, взглянул на продолжавших ржать только уже с меня бойцов. Растерянные они не понимали, зачем я только, что выдал врагу наше число.

Взгляд посла вновь пробежался по окружавшим его бойцам, а после вновь упал на стену, воины на которую всё прибывали и прибывали. Уже сейчас он мог лицезреть войско числом больше тысячи.

— Пусть вас вдвое больше, чем я предполагал...

— Вдвое? — удивлённо насупившись, спросил я. — У меня за спиной пять тысяч, и ещё пять снабдят оружием и снаряжением к прибытию нашего законного императора Августа Первого. Итого десять...

— Бред, этого не может быть, — упрекнув меня в лжи, вновь повысил голос Гаутэн. Мужчине явно не нравилось, что я будучи готовым столкнуться со старшим братом под стенами замка называл того своим законным

императором. Вера, слепая, безоговорочная — вот что вело их всех и заставляла кидаться под нож, словно скот. Мои слова и нежелание подчиняться воле старшего вошли в резонанс и вызвали настоящий взрыв в воспалённой под солнцем голове.

— Может Гаутэн Эльд, ещё как может, — повернувшись к тому спиной, спокойно проговорил я. — В Нивграде каждый, от мало до велика обязан уметь стрелять из лука. Женщины, мужчины, дети и старики — все они окажутся на стенах, когда придёт момент защитить свой дом. Да, они не профессионалы, не ветераны закованные в доспехи, но ты представляешь с какой яростью они будут сражаться, видя свои семьи, подающие им камни, копья, стрелы... Десять тысяч, Гаутэн, это немного, и если ты вместе с первым принцем продолжите мне угрожать, я приму сторону второго принца, после чего десять тысяч превратятся в пятнадцать или двадцать. И уже тогда, противостоять вам будут не только крестьяне с луками, но и конница второго принца. — Глаза посла злобно налились кровью.

— Думаешь я не знаю, почему ты здесь, почему первый принц вынужден о чём-то говорить и договариваться с кем-то вроде меня? Вы боитесь удара в спину, и это правильно. Нивград является не очень важным, но достаточно крупным городом, способным вместить в себя большое войско. Чьи атаки и налёты по тылам и снабжению ста тысячного войска игнорировать нельзя. Да, вы могли бы зайти с другой стороны, выбрать другой опорный город, но из-за малочисленности армии первого принца, это всё также не исключала опасность ударов уже по отрядам осаждающих. А какой толк в осаде, если в город через щели продолжают просачиваться припасы?

— Император Август лично сожжёт Нивград, если там окажется хоть одна крыса из прислуги второго принца, — рука посла невольно сжалась в кулак, кажется сейчас он жалел о том, что у него нет меча.

— Сожжёт, разумеется, я даже спорить с этим не стану. Но какой ценой? Сколько мы сможем забрать с собой, и хватит ли Августу сил для захвата столицы — вот это уже другой вопрос, — коснувшись начавшей подгорать на солнце шеей прохладного воротника, отделявшего плоть от острого обода панциря, облегчённо вздохнул. — Штурмуй вы даже сейчас наш город, уверен, двадцать тысяч убитыми и искалеченными мы вам точно бы организовали. — Блефуя, выдал первую попавшуюся в голову цифру я. — Но уже через неделю, когда каждая улица моего города будет защищена стеной, а каждый дом превратится в неприступную твердыню, цена планируемой вами глупости существенно возрастет. Да и к тому же, принц Август ещё не был признан императором, для этого требуется проведение церемонии во дворце, поэтому, мы с ним пока ещё равны. — Набрав воздуха в грудь, а после повесив на себя максимально нейтральную и снисходительную маску, я вновь обернулся к мужчине и произнёс:

— Прощу, услышьте мои слова Гаутэн, и внемли голосу разума. Я, Карл Четырнадцатый, ни в коем разе не претендую на святое право первого принца, дарованное тому самими небесами. Более того, меня печалит тот факт, что пока мои братья убивают друг друга, наш истинный враг в лице Зорфов действует с развязанными руками. Все эти расы — эльфы, Дроу, карлики в своих пещерах, — все они порождений скверны и нечестивости, но вы забыли об этом, показав врагу нашу спину! — мой резкий переход на другую тему смутил Эльда. Ведь в моих словах таилась доля правды, первый наследник бросил границу, людей приграничья ради возвращения власти.

— Вы отказались от приглашения принца, — тяжело вздохнул Гаутэн, и впервые за все время нашего с ним диалога позволил своему взгляду опуститься на землю, а голове припасть в лёгкой пародии поклона, — поэтому, я готов выслушать ваше предложение...

— Оно до безумия просто, верный друг, — сблизившись с мужчиной, словно брату положил тому на плечо руку. — Пусть принц приходит к нам со всей своей армией, а люди его смотрят и убеждаются в том, что помыслы мои и моего народа чисты.

— Тогда вам нечего бояться... — Подняв голову, уверенно произнёс мужчина.

— Мы оба знаем, что это не так, — задрав нос, ответил я. — Август вспыльчив и понимает только когда с ним говорят на языке силы. Пока я здесь, за стенами он меня не тронет, людей своих пожалеет, ну а дальше видно будет, я не хочу лить кровь детей империи... — Мой взгляд вновь переместился на окружавших нас бойцов. Одной рукой держась за плечо посла, чтобы не свалиться с коня, второй извлёк из сумки висевшей на лошади свиток, написанный мной лично для первого принца.

Приняв бумагу, Гаутэн уже собирался ту открыть, испортив весь сюрприз заготовленный для первого.

— Эта информация ценнее наших с тобой жизнью, Эльд, — нагнетая, прихватив мужчину за ворот подтянул к себе и шепнул на ушко я. — Лично для первого принца.

— Но тогда почему вы выбрали меня, чтобы её передать? — так же шёпотом спросил меня лис.

— Потому что повсюду враги... — Ещё тише прошептал я, взглядом указав на красовавшееся на небольшом отдалении от всех остальных знамя второго принца. — Скачи, как ветер Гаутэн Эльд, зная, что все мы служим одной цели! — оторвавшись от того и едва не упав с лошади, прикрикнул я, отдавая команду коннице расступиться и пропустить гостей.

— Как ветер! — повторил мои слова посол, пришпорив своего скакуна.

Бойцы медленно выстроились в походную шеренгу и провожая мою величественную персону, двинули к

городу. Стоило ли отдавать письмо лису? Чёрт его знает. Думаю, Август не просто так доверял этому дядьке свои дела, а значит, шансы того, что информация попадёт не в те руки равнялась приблизительно пятидесяти процентам...

— Думаете, принц Август согласится встретиться с вами лично под стенами Нивграда? — вопрос Августы, о присутствии которой рядом с собой я уже подзабыл, застал врасплох. «Понятия не имею» — хотелось ответить взволнованной сестричке, однако, источая уверенность и отвагу проговорил совершенно другое:

— Конечно, сестра, конечно...

Гаутэн Эльд

Некогда верный воин, а ныне слуга, с бешеным сердцебиением вспоминал слова четырнадцатого принца. Ложь людей он привык распознавать ещё в детстве, оттого думал, что с лёгкостью сможет раскусить и прижать к стенке молокососа, коим он до сегодняшнего дня и считал Карла.

Вот только перед ним сегодня стоял и не Карл вовсе. Всего пара лет прошло с их последней встречи, а щуплый засранец, являвший в себе позор великого императора, превратился в настоящего боевитого имперского льва. Да, тот по прежнему неумело врал, о числе, о потерях, но в остальном... Его люди смеялись, когда он говорил про стотысячное войско. Возможно, тот действительно одержал сокрушительную победу, а после каким-то образом без боя взял город. После чего к нему на помощь или для контроля была выслана армия из столицы. Возможно, четырнадцатый и вправду сейчас был заложником, верным империи и Августу братом, ждавшим помощи, а возможно, предателем, что столь подло решил от него избавиться, заставив попутно загнать до смерти добрых лошадей.

— Господин Гаутэн, почему бы вам не проверить письмо, мне кажется этот малец просто решил поглумиться над нами...

— Не смей так говорить о четырнадцатом принце... — С внезапной жестокостью ответил на предложения одного из своих стражников Эльд.

Когда он и его люди сидя в своих сёдлах истекали потом, глотая ртом горячий воздух, Карл во всей своей броне не то, что не поморщился от жары, но даже капельки пота не проронил на свою землю. Подобное могло значить только о невероятной стойкости всадника, его подготовке, умении мужчины преодолевать все невзгоды и тягости, а ведь броня его была действительно громоздкой и тяжёлой.

«Принц Карл, как же вы возмужали с нашей последней встречи»... — Невзирая на то, кем тот ему являлся сейчас, врагом или другом, Гаутэн по достоинству оценил состояние молодого принца.

Глава 21 — Не то что нужно Карлу...

Донесения о полной и безоговорочной победе Карла над мятежниками не ввали. Несколько лучших лазутчиков Августа досконально изучили всю историю, от начала бунта и до его завершения.

Четырнадцатый принц своим необычным подходом дважды сумел провести старых, засидевшихся в своих замках аристократов. Подумать только, вынудить гарнизон врага сдаться маршируя у крепости, а после, отсылая врагу известия о тяжёлых боях, вытащить того из города и под покровом ночи устроить засаду.

Будь Август во главе гарнизона того злополучного лагеря, разумеется они бы не сдались, его мужество не сломило бы число врага, а вот ловушка...

— Хитрый сукин сын... — Почёсывая могучими пальцами не успевший зажить шрам двухмесячной давности, Август вглядывался в карту. Предполагая, какие ещё подлости мог выкинуть младший, мужчина с опаской поглядывал на реку, горные склоны и немногочисленные леса. Тактика Карла с атакой у тракта напоминала действия светлых эльфов, любивших свои луки. Взятие форта напоминала историю о «Яростной горе», когда тысяча дворфов стуком в свои барабаны смогли напугать и обратить в бегство десять тысяч Лимурийских разбойников, пришедших ограбить ослабевшее подземное царство.

Ну а действия с Зорфами... Он стал первым, кто пустил под нож весь клан по собственной прихоти, при этом не опасаясь гнева отца и братьев. Его действия, о коих позднее узнали Зорфы, привели правителя полулюдов в неопишущую ярость, обернувшуюся для того огромными потерями. За те пару лет Август хорошо продвинулся вперёд; ещё бы полвека, он и его маги смогли бы на века избавить континент от плодovитой звериной чумы, если бы только не мятеж.

Уже сейчас к Августу с границы стали приходить вести — одна дурнее другой. Почуввав слабость людей, Зорфы пошли на уступки, на которые никогда не шли ранее. Обескровленная звериная армия обратилась за помощью к длинноухим с просьбой о помощи. Эльфы, являвшиеся одними из немногих, кому удалось в кровопролитной войне пододвинуть границы империи, наверняка его примут и тогда, с мощью яростной звериной пехоты, сражающейся в ближнем бою, и точностью эльфийских лучников, ни одна крепость без войска и толкового командира во главе не выстоит.

У Августа были достойные кандидаты, некоторых он, разумеется, оставил на границе. Вот только все они являлись воинами, привыкшими вести армии, а что насчёт всего другого: снабжение, подати, налоги, набор ополчения... Ранее, народные волнения сдерживало его громкое имя, а теперь что помешает местным лордам поднять бунт? Продаться Зорфам, что с радостью примут всех предателей империи под своё крыло, лишь бы насолить им.

Вид вбежавшего в покои взмыленного посла слегка огорчил Августа. Предположив, что всему виной спешное бегство от погони, принц холодно спросил:

— Что там у нас, Гаутэн?

— Послание, вам, лично в руки от четырнадцатого, — припав на колени, протянул скрученный пергамент мужчина.

— Эльд, кажется, я посылал тебя за братом, а не письменным ответом.

— Пожалуйста прочтите, я верю, что под имперской печатью скрывается тайна, которой принц с опаской, возможно даже рискуя жизнью с нами поделился, — не поднимая головы отозвался посол.

— С нами? Думаешь, он доверил бы своему врагу что-то важное... — Раскалившийся до красна имперский перстень Августа коснулся красной печати, что приняв имперское клеймо тут же полыхнула и развернула свиток. Весь скептицизм, изначально возникший на лице первого принца тотчас растворился. Его глаза, словно не веря, раз за разом достигая последней точки вновь поднимались в самый верх, чтобы вновь прочесть написанное братом.

Боявшийся, что опростоволосился перед хозяином Гаутэн, более получаса молча сидел на коленях, нервно глотая ртом воздух. Обычно, Август быстро отвечал на любое его сообщение или письмо, доставляемое лично в руки, иногда даже спрашивал его мнение, а сейчас...

Звонкий смех Августа заставил мужчину вздрогнуть.

— Ваше сиятельство? — видя улыбку на покрытом шрамами лице, спросил посол.

— Гвиний, чёртова гадюка, теперь я понял почему ты не захотел вернуться ко мне. Старая змея... — Кинув бумагу в огонь, выплюнул Август, а после, взглянув в лицо своему удивлённому слуге, пояснил: — Карл трус и слабак, однако в нём ещё осталось пламя императора, дарованное нам при рождении. Я верю, именно оно повлияло на решения Гвиния отвернуться от нас, маг-целитель не предатель, точно так же как и непутёвый брат наконец-то разбивший скорлупу из злобы и алчности.

Подойдя к послу, Август положил тому руку на плечо, а также похвалив за хорошо выполненную работу

пообещал награду. Первый принц всё ещё сомневался в стопроцентной верности четырнадцатого, которого он сам однажды и отверг, однако верил и знал, что тот сделает всё, чтобы выжить и остаться при дворе, в самых неблагоприятнейших для его условиях. Карл всегда любил роскошь и игры с Зорфами, что же, у Августа найдётся для того одна очень интересная игра, награда за победу в которой точно привлечёт внимание любителя золота и женщин.

— Десять тысяч конных и я отправимся в Нивград, остальные в обход города, напрямиком в столицу. Нет смысла атаковать союзника, что вместе с нами может пойти на врага...

— Но господин, принц Карл заявил о нейтралитете, его войны не пойдут сражаться против второго принца, к тому же, одна из дочерей герцога Дункана, а он наш враг. К тому же, я не уверен, что Карл, в случае если его обработают герцогские дочери найдёт в себе силы пойти на тестя с мечом, — растерянно возразил Эльд.

— А он мне там и не нужен, империя велика, как и число наших врагов. Я отправлю Карла в приграничье, пусть воюет со своими «любимыми» зорфами, глядишь, покажет чего достойного, а может в нём интерес и к длинноухим проснётся. К тому же, как я понял, Дункан Бэгский нам не враг, — с коварной усмешкой заявил Август.

— Вот так новость, — не понимая, что вообще происходит, выдал посол. — И всё же, я не думаю, что Карл согласится, он не выведет своё войско из города, не даст вам лишнего шанса себя схватить, ведь как вы и говорили, он труслив... — Возразил посол, но Август только этого и ждал.

— Верно, и я воспользуюсь его трусостью и алчностью, предложив тому высокую цену. Земель подаренных нам отцом слишком много для меня одного. Я понял это, когда увлечшись войнами пропустил зарождение скверны и предательства в сердцах моих братьев. Четырнадцатый сразу предложил мне своё отречение, показал, что молодые годы в роскоши и достатке не успели испортить его окончательно, а значит, на оказанное им доверие, я должен ответить тем же. Если он выживет на границе и сможет удержать наши позиции, я пожалую ему во владения земли, от диких лесов до самого Нивграда.

— Вы хотите расколоть империю, передав пятую часть земель не достигшему и двадцати лет мальчишке?

— Род Мидчелов это и есть империя Гаугэн, — усмехнувшись, произнёс принц. — К тому же, ему для начала придётся выжить в приграничье, сохранить все наши земли, а уже после принять на себя бразды правления регионом. Он займёт моё место на границе, а я своё законное на троне, ибо теперь настала моя очередь править, и решать наши внутренние, семейные проблемы.

— Господин, всё это очень рискованно, пусть я и считаю, что принцу Карлу можно доверять, но Дункан, неужели вы собираетесь того помиловать? Не знаю, какими мотивами он руководствовался, но из-за его и второго принца столица потеряла множество своих лучших солдат. Старшая имперская гвардия будет в бешенстве... — Понимая, что раскол в элите воинов может уничтожить Августа и его армию ещё до подхода к столице, произнёс посол.

— Верно, и по этому Дункан, его сыновья, дочери, бастарды и слуги должны умереть... — Как нечто само собой разумеющееся произнёс Август.

Неделей позже...

Тяжелый взгляд первенца Августа отзывался холодком на спине и взмокшими от страха ладошками. Этот чёртов гигант с обезображенным лицом пугал меня. Безумные глаза, огромные ручищи, широкие плечи настоящего гиганта, а не человека. Впервые я столкнулся с человеком, если его так можно назвать, не только превосходящим меня по силе, но и по статусу.

Слуги остались за пределами его шатра, расположившегося прямо под моими стенами. Дёрнись он свернуть мне шею и всё закончилось бы ещё раньше, чем я успел бы пискнуть, вот только явился он не за тем, чтобы отнять мою жизнь.

— Возмужал... — Встав с места, и как к равному протянув мне руку, произнёс Август.

Едва сдерживая дрожь в теле отвечаю рукопожатием. На что братец лишь хмыкнул: чудовище в людском облике чувствовало мой страх как акула, почуявшая вкус крови.

— Может покажешь мне чему научился в воинском ремесле?

— Разве я похож на самоубийцу? — мой встречный вопрос вызвал ухмылку на лице первого. Получив отказ тот поднял кубок, разлив его содержимое по двум пустующим бокалам.

— Вода? — Пригубив, спросил я.

— От вина растёт брюхо, опускаются руки, меч и член. Да и к тому же сегодняшний день слишком важен для тебя и меня. Требуется сохранить разум как можно более чистым.

Слава Августа показались мне весьма логичными. Кивнув, сделал пару глотков воды, тем самым прогнав подступивший от страха к горлу ком.

Неделя в ожидании появления брата у стен моего города пролетела быстро. За это время каждая улица превратилась в настоящую крепость. Врата прошли лёгкую реконструкцию, за ними сразу же расположилась новая преграда, в след за которой, каждая улица была перегорожена, завалена и подготовлено к прорыву врага с любой стороны. Это стоило мне очень больших финансовых потерь, многие торговцы поспешно смотались, вместе с ними ремесленники и даже некоторая знать. Все они бежали от войны, поспешно избавляясь от того, что могло пострадать во время сражения. И тут прагматичному мне удалось вновь немного нажиться. Сдававшие за копейки недвижимость торгаши и знать с радостью продавали мне всё, что только можно, а я, благодарный принц, это покупал.

Потерять Нивград означало для меня лишиться всего; я бы вновь стал никем, пылью под чьими-то ногами. Поэтому и принял столь глупое, возможно первое в своей жизни категорическое, железное решение. Либо я останусь тем, кто есть сейчас — аристократом и правителем — либо сдохну от чьей-либо стрелы или меча. Мне не нужен был этот средневековый мир, в котором я ничего не значу... Всё на «зеро», поставил жизнь свою и своего города на кон я, и не прогадал. Именно решимость и готовность встретиться с Августом подарила мне шанс, о котором я даже и не мог мечтать.

— Стань для меня и империи тем, кто прикроет спину, подняв в минуту смятения и отчаяния стальной щит. — Именно с этих слов началось предложение брата о разделении власти в нашей империи. Великану требовалась помощь, но не в борьбе за трон, а в обороне наших границ. Предложенная за сотрудничество цена заставила меня жадно облизнуться и осушить весь бокал. Пятая часть империи, всего за пару тройку лет пока тот будет разбираться с нашими внутренними врагами. Август знал что говорит, кому предлагает и чем это чревато для меня. На границе меня могли убить не только эльфы, зорфы или ещё какая-то сказочная тварь, но и свои же, продавшиеся врагу вассалы. По хорошему, мне стоило отказаться, вот только в этом случае люди Августа взяли бы весь мой регион в блокаду. Как я и ожидал, шпионы принца доложили тому о всех городских укреплениях и даже о части ловушек. Брат похвалил мою находчивость, смелость и готовность идти до конца, печального конца — как позже пояснил он.

Предателей и агентов в стенах Нивграда, служащих принцу, оказалось достаточно много — седьмая часть из названных им имён отлично показала себя при сражении с мятежниками, а так же в письменном виде показала свою благосклонность первому, и готовность в нужный час поднять мою тушку на вилы. Вот так люди ещё вчера клявшиеся мне в верности сами того не подозревая стали для меня врагами. Для брата они являлись обычными пешками, продав которые тот смог заручиться моим уважением и доверием. Август был честен, настолько, насколько позволяло ему его воинское сердце. Приходилось отвечать тем же.

Первый долго готовился к нашему сегодняшнему разговору, на любой мой аргумент отвечал быстро, чётко, раз за разом загоняя меня в тупик, выходом из которого было лишь принятие его стороны и отправка в приграничье.

— Август, ты же будущий император, так неужели у тебя нет достойного стратега на границе, зачем тебе я? Отсюда, из тыла я бы смог помочь снабжением, найти людей, ресурсы и прочее... — После окончания всех

весомых аргументов принялся давить на жалость я.

— Есть, но ни один из них не относится к роду Мидчелов, не награждён пламенем великого отца, богоподобного императора, а значит, не достоин права взять на себя ответственность за целое царство. Карл, твои успехи в борьбе с мятежниками говорят сами за себя. Даже представить не могу сколько древних фалеантов и трактатов ты прочёл готовясь к своей первой битве, и не хочу, чтобы ты на этом останавливался, — хмуро и грубо отсёк Август. — Ты же мужчина Карл, а не чумная крыса, как тебя называют некоторые. Встань, выпрями спину и покажи нашим врагам на что способен. Все земли взятые тобой в боях против зорфов останутся твоими наделами, все пленные будут твоими рабами. Услышь меня брат, война, это золотая житница, и тебе, тому, в ком течёт кровь нашего отца, я готов предложить то, что никогда бы не предложил кому-либо другому. Всего то и нужно просто кивнуть, а после выставить из города семейство Бэгских. Младшую можешь оставить в качестве рабыни. Пусть покается в грехах своей семьи передо мной и живёт как жила. Я слышал, она нужна тебе за чем-то, так что это мой тебе подарок.

— А остальные? — уже зная ответ, всё же спросил я.

— Привяжут к лошадям и разорвут, а после, остатки велью отправить в столицу «герою Дункану». Не знаю, какие он там преследовал цели, но грехи его слишком велики. Гордость нации, гвардия его величества не должна была пасть от предательского удара в спину... — В словах Августа чувствовалась личная неприязнь к отцу Шарлотты. Я его понимал, ведь в моих глазах Дункан тоже не являлся таким уж положительным персонажем. Пытаясь усидеть сразу на двух стульях горец сильно просчитался, надеясь своим обещанием помочь в борьбе против второго принца, вымолить милость для своей семьи. Моё согласие прикрыть империю, пока Август занимается столицей, фактически означало смертный приговор для всех из рода Бэгских.

— Пусть один из магов изменит Дункану и его семье лицо, а вместо их твои лошади порвут кого-нибудь другого. Заберём у старого герцога всё: земли, состояние, даже личность, в обмен на то, что сохраним жизнь ему и его девкам. Пусть служат мне на границе... — Заглянув брату в глаза, поджилками почувствовал его недовольство.

— Дункан может быть предателем... — Отказывая мне, покачал головой Август.

— Значит как на собаку надену ошейник и помешу на грудь рабское клеймо, а после, отправлю в авангарде отрабатывать свои долги перед родной империей, — холодно отозвался я.

— Это всё из-за той бледной коротышки, младшей из Бэгских. Только не говори, что после одной ночи с этой мелкой потаскухой ты как дурак влюбился. Если это так ты сильно меня разочаруешь брат... — Испытующе глядя прямо мне в глаза, кривя своей массивной челюстью, проговорил август.

— Как ты и сказал брат, она всего лишь одна из множества баб этого мира, — жестом попросив брата налить ещё воды, честно отозвался я. — Я не испытываю к ней каких то любовных чувств...

— Тогда почему? — слегка под успокоившись, вновь спросил Август.

— Потому что имел глупость пообещать то, что мне не подвластно, а мужчина должен бороться за свои обещания и слова. Хотя если честно, сражаться с тобой из-за бабской прихоти я точно не буду...

Наполнив мой кубок, Август усмехнулся, продемонстрировав мне свою широкую, демоническую улыбку и пару отсутствующих боковых зубов. Дождавшись, покуда я напьюсь, тот, поднявшись, подошёл ко мне, и как то неожиданно по-доброму стукнул по плечу.

— Мы ведь из рода Мидчелов, у нас в крови братья за то, что другим кажется невозможным, брат. Хорошо, я пощажу Дункана, если тот сдержит слово и предоставит мне голову предателя. Даю тебе три дня на сборы, назначай управленцев, трахайся, бухай, делай, что хочешь, но чтобы к наступлению утра четвёртого дня ты и твои люди уже выдвинулись из Нивграда, иначе, сам понимаешь... — Постучав меня по плечу, произнёс Август, а после, не дожидаясь моего ответа, двинулся к выходу из шатра. — Не подведи меня, брат.

Кинул на прощание Август.

К утру следующего дня, голова второго принца была вывешена на главных воротах столицы, но город и засевшие в нём аристократы по прежнему отказывались сдаваться.

За отведённые братом три дня, особо ничего в городе не произошло. Всё так же тихо мирно шло своим чередом. Всего за сутки после того, как армия Августа миновала наш регион и осадила столицу, моим подданным своими силами удалось очистить улицы, привести старенький, измученный временем городок в порядок.

Я же, борясь за каждую секунду, штудировал и общался с личностями, находившимися в списке Гвиния. Лучшие по его мнению претенденты на роль градоначальников действительно отвечали единственному главному критерию — образованный, а вот далее ну просто пиздец.

Вжившись в роль царя батюшки, я совершенно забыл какие кадры воспитываются нынешней аристократической «партией». Плюющие на народ, заикленные на выполнении моих приказов и не думающие о том, что может произойти, если не вдаваться в житейские подробности крестьянского быта — именно такие индивиды раз за разом входили, а после и выходили из моего кабинета. Наталкивая на мысль, что с таким взглядом на жизнь как у местного дворянства, я мог посадить в кресло правителя даже безмозглого сельского дурачка, умевшего выговаривать всего одну фразу: «исполнять приказ».

Как итог, на второй день, невыспавшийся и озлобленный на всю ту местную буржуазию засевшую в мэрии, что больше дня пыталась продвинуть мне своих отпрысков в помощники, пришёл к единственно верному на мой взгляд решению. Вручил каждому из мало мальски важных министров по два камня, чёрному и белому, а после заставил голосовать, таким образом принимая решение большинства по тому или иному вопросу, не касавшемуся моего личного распоряжения или приказа. Слово четырнадцатого принца — закон, а остальное пусть решает случай, подкуп, шантаж и всё прочее, чем ранее пользовались местные.

Благодаря всё той же Эд, мелкой коротко стриженной Зорфе, которую я пощадил ранее, у меня теперь были глаза не только в мэрии, но и на улицах. Распорядившись, чтобы к той приставили троих верных ребят, отдал приказ каждые пятнадцать дней передавать мне на границу свежую информацию из города, вне зависимости от того будет она значимой или нет. О всем происходящем в стране мне и без того доложат, а вот о Нивграде... Хитрые аристократы могли попытаться утаить от меня свои промашки, вопрос в том, смогут ли они спрятать их от народа...

Бунт и мятеж в родном доме — это последнее, чего мне хотелось. Так же, ещё до выдвижения из города, распорядился, чтобы из моих личных финансовых источников, прямо из Нивграда доверенные люди выделяли средства на закупку дополнительного провианта, и постоянное и планомерное расширение моей «мини» куриной фермы, раскинувшейся у шахтёрского городка. В своих несущках я видел будущее!

Ну, или по крайней мере зимой их можно было пустить на мясо...

Самым болезненным для меня выдалось утро третьего дня, именно тогда, когда армия из моих личных трёх тысяч уже была собрана и пришло время выдвигаться, я впервые столкнулся с тем, что некоторые люди называют «горечью расставания».

Бьянка и Лили, две рабыни, женщины ставшие моими лишь по глупому стечению обстоятельств. Я всегда считал их приспособленками, которым по долгу их профессии очень повезло лечь под меня. Верил ли я их словам, когда разделял с ними одну постель? Нет конечно. Были ли их эмоции во время нашего с ними соития настоящими я тоже не знаю.

Одно лишь тогда мог сказать, их слёзы и мольбы той же Лили забрать с собой казались максимально правдоподобными и настоящими. Светловолосая любимица, вырываясь из крепких объятий смуглой Бьянки и подоспевшего на помощь дворецкого обещала быть полезной, клялась, что не боится смерти и пойдёт за мной хоть в самое пекло.

Её красные глаза, растрёпанные волосы и льющиеся крокодильи слёзы заставляли сердце болеть, другая прислуга также с сопереживанием и долгом предлагала свою помощь на передовой, но никто не вёл себя так, как та самая Лили. Возможно, именно поэтому я и не смог взять ту с собой.

— Не покидайте меня, хозяин! — кричала она в след, не боясь угроз быть выпоротой, запертой и прочего, что обещали ей старшие горничные. — Не бросайте! — ещё долго доносился её голос в моей голове.

Следом за расставанием в резиденции, последовала не менее душещипательная картина прощания солдат, собранных за городом и готовившихся к маршу в сторону границы. Три тысячи сыновей Нивграда, с учётом сотни наёмников.

Окружённые толпой из женщин, стариков и детей, они со слезами на глазах глядели на стоявших напротив них родственников и возлюбленных, кидавших в их сторону букеты полевых цветов. То ли приняв мой изначальный указ запасться цветами за хорошую примету, то ли ещё почему, все стоявшие несли моим бойцам цветы, обещая выпить с ними после возвращения. К сожалению, этим обещаниям верили немногие, как бойцы, так и те, кто нёс эти самые полевые цветы.

Эти парни — три тысячи Нивградцев — являлись моим личным войском, также, в моё распоряжение было обещано передать пять тысяч конных братья, что двинут в след за нами, как только падёт столица, о чём в ближайшее время и речи быть не могло. Ведь брат Август чётко дал понять всем закрывшимся внутри города, что они все живые мертвецы, а значит, те будут бороться до последнего. Несмотря на то, что почти за трое суток я проспал всего три или четыре часа, моего понимания о делах на границе вполне хватило для осознания того, что тремя тысячами иди в атаку, и уж тем более сунуться на самую передовую — бессмысленно.

Даже одного легиона Зорфов, встреченного нами в поле было достаточно для полного и безоговорочного поражения во всей моей компании. Пять крепостей на границе, которые нам предстояло защитить, располагались таким образом, что войску в двадцать тысяч и более, невозможно было пройти мимо, избегая ударов по тыловым отрядам снабжения. А вот группы поменьше, к примеру, шеститысячный легион, коими привыкли воевать зверюды, разбившись на две и более группы вполне могли проникнуть на нашу территорию. Всего одна ошибка, атака из засады и паника в моих рядах могла полностью уничтожить мою репутацию в глазах моего личного войска, страны, а самое главное Августа, что на границе при помощи своих людей сможет избавиться от позорящего имя Мидчелов брата в любой момент.

Разведка и полное соблюдение всех правил безопасности при марше — вот что будет стоять превыше всего. После прибытия требовалось собрать все топографические карты, если такие имеются, и ознакомиться с рельефом; далее населённые пункты, места стоянок дикарей, а также их местные замашки и традиции. После изучения которых я из самого удалённого от линии фронта замка уже намеревался разобраться с размещением своих малочисленных войск. Безусловно, на границе, в крепостях и городах есть какой-то гарнизон, вопрос лишь в том какой? Ведь на вполне резонный, волнующий меня вопрос: «А сколько же нас там будет всего?» — ни один из моих военных советников так и не ответил. Точно так же, как и Август, специально умолчавший эту информацию.

И вот, я с тоской гляжу в след удаляющемуся, так полюбившемуся мне городу. Где остались все мои начинания, в виде быстро растущего и процветающего торгового города, нетронутые места в плане неприступной монахини Катрин Дэримэ, которую мне так и не удалось затащить в постель, а так же забытая давно спокойная жизнь, о которой, по воле случая, мне придётся забыть.

Гвиний, Августа, Магнус, Хивара и конечно же мой новый спутник Дункан, что сейчас маршировал в строю с обычной пехотой. Именно с последним мне предстояло провести самый долгий и деликатный разговор, касавшийся его поведения, действий и семьи, ведь мне же как-то требовалось объяснить тому, что его жёнушка и старшая дочь с изменёнными лицами делают в рядах моих «якобы горничных», коих я с собой брать вообще не планировал.

А по факту, стоило ли вообще тратить на это время, ведь он более не аристократ, семьи его не существует, а я... Я просто отдался в руки сна, столь желаемого и недостижимого в последние дни моего пребывания в Нивграде.

Степи Зафрам. Лагерь пятого легиона Зорфов.

Командующая Энегва.

Рассекая ночь, столбом света в землю вошла белая молния, убив тем самым с пятерку ездовых лошадей и мальчишку конюха, пытавшегося успокоить зверьё в час непогоды. Запоздалый грохот небес прокатился по степи, затем ещё и ещё.

— Дождь усиливается... если так пойдёт и дальше, луга Захрии затопят, а мы окажемся отрезаны от границ с человеческим царством! — Встретив великую Энегву, мать пятого легиона у входа в шатёр, отчитался пожилой центурион.

Энегва, полу Зорфа полу Эльфийка за свои прожитые два века хорошо изучила людей и их земли. Жадные, властолюбивые, безоговорочно верящие в своих богов и императора, они постоянно умудрялись снискать милость своих богов, когда их же, родные и великие небожители постоянно от них отворачивались, точно так же как и сейчас.

Смуглая Энегва, тяжело вздохнув, поправила длинную белую косу. Шпионы эльфов докладывали о том, что Бессмертный Август, как прозвали первого принца империи, кошмарившего приграничные регионы больше тридцати лет, вместе со своим войском двинулся в столицу отвоёвывать свой трон. С одной стороны, это стало сигналом к началу действий для их Зорфо-Эльфийского альянса, что уже в ближайшие месяцы мог вернуть себе утраченные за десятилетия позиции. С другой, Август являлся настоящим лидером и сильным воином, что придерживался лишь одной жизненной позиции «кто сильнее тот и прав». Наверняка он хорошо организовал оборону своих земель. К тому же, приход подобного молодого противника к власти означал, что людская империя тут же начнёт наращивать ударные силы, вскармливать новые, многочисленные армии. Ранее Бессмертного принца сдерживала лишь нехватка золота, присылаемого из столицы на содержания его полчищ, но что теперь, когда в его руках окажется всё золото их обширных земель? Люди плодovitы, почти как зорфы, умеют пользоваться магией, их центральная часть полна молодых мужчин и женщин, что уже через пару месяцев могут хлынуть в их земли. Да, пусть их бабы слабы и никчёмны, пусть этого чудовища Августа уже и не будет на границе, на что надеялась Энегва, но факт численного перевеса людей никто не отменял. Им следовало приготовиться к долгой оборонительной войне, а для этого требовалось захватить как минимум три стратегически важных крепости, позволявших контролировать единственный мало мальски пригодный для снабжения армии путь, пролежавший через Заливные луга Захрии.

Пять боевых крепостей, при каждой свой маг, гарнизон из бывалых вояк и конечно же множество деревень. Несмотря на опасность, просторы и плодovитые земли Зафрам манили алчных людишек, как в ночи пламя манило к себе мотыльков. Август сильно измотал легионы зорфов, что попутно умудрялись воевать с эльфами за их волшебные леса. Но теперь, когда основная армия людей ушла, а старые враги объединились, теперь уж точно даже сами небеса не смогут им помешать вернуть своё...

Словно чуя слова богохульствующей Энегвы, белый разряд молнии вдарил по очередному шатру их лагеря. Где-то на окраине полыхнуло, разгоравшееся вопреки дождю пламя, не суля чего-либо хорошего, своими языками пожирало шатёр за шатром. Решив помочь своим людям, недолюбливающая дождь Энегва, творя магию, подчинила пламя, а после принялась исцелять раны. Старая воительница давно перестала видеть добрые сны, на смену которым уже как век пришли ночные кошмары. В них она видела свою голову на острие людских пик. Своих детей повешенными и опороченными, а покорённых и измученных внуков на привязи, словно домашний скот. Всё это являлось лишь плодом её больного воображения, она понимала это, точно так же как и то, что в людских сердцах нет места жалости, и любой кошмар, даже самый жуткий, после её поражения может стать вещим сном.

— Госпожа командующая! — внезапно возникший за спиной, мокрый как водяная крыса мальчишка, с огромными, испуганными глазами глядел на свою хозяйку, попутно пытаясь отдышаться и показывая пальцем куда-то в сторону. — Всевидящая, видения, что-то случилось...

От предчувствия дурного, белые волосы Энегвы встали дыбом даже под боевым килтом*. Всевидящая Отари являлась их козырной картой, секретным оружием, множество раз спасавшим их из самых безысходных передряг. И теперь, в эту непогоду, она опасалась, что одна из проклятых молний могла лишит их этого преимущества.

Вбежав в шатёр, Энегва со страхом в глазах взглянула на лежащую в окружении своего десятка детей Отару. С рук её сорвались целебные заклятья, и пока та обхаживала голову ведуньи, детвора водой пыталась отпить внешне полностью здоровую женщину.

— Что ты видела, Отари? Расскажи мне, подруга... — Глядя в глаза, переполненные страхом и слезами, спросила Энегва, коей до этого ещё никогда не доводилось лицезреть такого ужаса на лице своей старой подруги.

— Небеса прокляли нас Энегва, они прокляли нас и весь наш род! Нет будущего, нет и шанса на спасение, все

мы станем кормом для демона, явившегося из самых глубоких недр этого проклятого мира! — тело Отари затрясло в приступе страха, передавшегося её детям и страже, впервые видевшей подобный ужас на глазах почтенной зорфы.

Мощная пощёчина от Энегвы, а после очередной стакан и требование выпить, отрезвляюще подействовали на ведунью.

— Что ты видела?! — переняв часть страха Отари, вновь спросила Энегва.

— Мертвеца, ни живого ни мертвого, владыку мира иного, в чьё сознание по неволе я проникла во время сна. Сестра... я видела это, я видела... — Слезы ручьём потекли по щекам гадалки, — Видела, как взгляд его парил над бесчисленными полями боя, усеянными трупами и остатками тех, кто умер ради его развлечения. Я видела как целые города предавались огню, как десятки тысяч ни в чём неповинных были обречены на всего три возможных исхода. Ограбление, порабощение или смерть. Оно, чудовище, убивало их не оставляя и шанса на мятеж, спасение и будущее!

Плавилась земля, угасали звёзды, а войны и враги его сотни тысяч раз схватывались как на земле так и в небе на своих стальных колесницах! — Взгляд Отари потускнел, наконец-то на ту подействовала успокаивающая магия Энегвы.

— Сын костлявой императрицы Смерти, Князь Погибель идёт по наши жизни, сестра. Нам нужна помощь, этому миру нужна помощь, ибо древнее зло пробудилось, и если мы не остановим его здесь, судьбой нашей станет пергамент, и одно из трёх его решений, ибо четвертого никому не дано узреть.

Когда глаза ведуньи закрылись, а разум погрузился в очередной сон, Энегва на трясущихся ногах, опираясь на одного из детей подруги вышла из шатра. Ни о ком из живущих, способных настолько сильно напугать её подругу она никогда не слышала. И даже первая встреча с войском Августа и самим Бессмертным принцем явилась лишь лёгкой тревогой на лице Отари, а теперь... Животный страх и инстинкт к выживанию, который командующая в себе давно усыпила, вновь пробудился. Её зорфы наверняка узнают о сегодняшнем происшествии, поймут против кого им придётся сражаться и невзирая на высокий моральный дух, непременно дрогнут, точно так же как и их командующая. Всё, что оставалось Энегве, так это молиться на глупый ночной кошмар, бурную фантазию ведуньи и ошибку, «лишь бы это был просто сон» — зная, что Отари никогда в своей жизни не видела простых снов, словно мантру повторяла про себя одно и тоже командующая.

Прошло несколько часов. В степи начало светать, дождь утих, а на небе не было и тучки, погода в ближайшее время обещала оставаться хорошей, вот только после слов Отари, продолжавших кружиться в уме командующей легионом, Энегве было не до погоды. «Кто же ты такой, Князь Погибель и зачем ты пришёл в наш мир...» — Задавалась вопросом Энегва, глядя на медленно выползающее из-за горизонта красное солнце.

Килт* — Название юбки которую носят в шотландцы.

Будто кто-то сглазил, одну из первых ночей, проведённых в дороге сопливил, чихал и кашлял. Бедный Гвиний, обливаясь потом, заливал меня целительской энергией, сестра Августа усердно молилась, а прикроватная стража с настороженностью поглядывала в сторону разместившихся рядом с моим шатром Хивары, подозревая полукровку во всех смертных грехах.

Благо, под утро, когда лагерь уже стал сниматься, я всё же ощутил ласковое касание бога снов Морфея, проспав в карете весь следующий день и ночь. Так, без лишних происшествий мы постепенно покидали центральный регион империи. Мимо проплывали малые, полупустые города, разваленные деревушки, чьё население при виде чужаков разбегалось в страхе, а также леса и бурьяны. Бесчисленное количество земель империи утопало в высоких травах, кустарниках, сгнивших, мёртвых лесах. Никто не заботился о них, не обрабатывал пахотные земли, не срубал старые, убивающие весь молодой лес деревья. Будь они в моей власти, с нехваткой древесины, испытываемой в моём городе покончили бы уже за месяц-другой, а земли всегда можно было раздать крестьянам, попутно напихав им дешёвой рабочей силы в виде рабов.

Пытаясь не думать о Нивграде, размышлял обо всём чем только можно. О Зорфах, на родной территории которых предстоит сражаться. О приграничных землях, перестройка которых грозила мне возвращением к моим самым первым шагам, сделанным в этом мире.

«Блять, опять избавляться от этих срущих на каждом углу»... — Выдав фейспавн, разочарованно взглянул в окно. Впервые у меня наблюдалось так много свободного времени, убить в средневековом мире которое можно было разве что разговором или обучением каким-нибудь магическим штучкам. Вот только Гвиний — старая, сморщенная оливка, разрушил все мои мечты и желания по поводу овладения какой-нибудь неебической магической силой.

«При всём моём уважении, вам и через сотню лет не создать при помощи маны искру, способную разжечь хотя бы костёр — нет дара, нет магии». — Так выразился старый чёрт, в очередной раз дав понять, что не быть мне магом-героем в моей же истории. Судьба отвела мне совершенно другую роль — править и созидать, и именно последним мне стоило заняться по возвращению в Нивград. Построить место, где крестьянские дети смогут стать магами, а после и моей собственной магической армией.

Отправить верных людей на поиски, создать из крестьянских детей магическое воинство и поставить тех на собственную стражу. Данное действие требовалось осуществить в первую очередь после попадания в этот мир, однако, из-за повседневной рутины и быта, я совершенно забыл о таких не повседневных вещах как магия. Хотя и здесь всё было не так просто как хотелось бы. Маги — товар строго монополизированный. Их поиском, а также обучением занималось специальное немногочисленное сообщество, что в любой из возможных форм препятствовало появлению других, подобных себе организаций.

В первую очередь, каждый кто вставал на путь изучения магии давал присягу короне, в лице магов-наставников, что без исключений подчинялись церкви, которая, в свою очередь, служила аристократии, но только более высокого, приближённого к имперской семье класса. Именно благодаря всей этой бюрократической канители, множество талантливых, способных к магии юнцов устранялось сразу после нахождения, ибо, уследить за каждым было дело крайне сложное. А оставлять потенциального мага без присмотра означало встретить его как врага — еретика, или наёмного мага прислуживавшего всем, кто хорошо заплатит.

Да, бесспорно, войны маги, обучавшиеся в ордене на голову превосходили всех других. Показывая отличные навыки и военную выправку, те становились самым ходовым товаром, благодаря редкой численности которого служители церкви продолжали держать цену. Вот только кто станет им платить, если империя развалится и начнётся гражданская война. Что будет, если завтра Августа не станет, или я, выжив и сплотив дальние регионы решу предать брата, поддержав в начинаниях какого-нибудь пятого или смывшегося четвёртого. Кандидатов много, а моя клятва, принесённая брату заканчивается на том, что ни один служащий мне солдат, по воле моей не пойдёт на Августа или его Вассалов. О финансовой помощи речь даже не поднималась, а как говорится «деньги могут всё». С деньгами я мог создать свой орден, или, что лучше, воздействуя на ослабленную внутренним конфликтом церковь подчинить себе «Первых магов», тем самым внеся в их структуру некоторые, волнующие меня и империю правки.

В общем, как говорил Гвиний: «И здесь не всё так просто». Хотя, как по мне, проще и быть не может, всего-то и нужно нацепить себе на голову Императорскую корону...

Вот только поди натяни её себе на чердак, да ещё так, чтобы самого не натянули...

На очередном привале, маясь от безделья, разослал доверенных по близлежащим деревням с приказом рекрутировать всех желающих заработать мужчин, а также скупить у крестьян любые излишки продовольствия. Действовать ребятам приказал не от имени правящей семьи, а от обычного, наёмнического выдуманного

псевдонима. Таким образом надеялся избежать если не всех, то хоть части от всех возможных претензий местных аристократов, потерявших своих «любимых» поданных.

Так же, мучаясь от безделья, старался как можно чаще присутствовать на вечерних тренировках, проводимых перед отбоем. Как некогда Александр Македонский, по-началу я собирался даже запомнить имя каждого из своих бойцов, однако, уже на первой сотне, когда некоторые из имён стали повторяться по третьему или пятому разу отбросил в сторону эту тупую затею. С фантазией у местного населения наблюдались маленькие проблемки...

Да и вообще, проблемы виделись мне везде. Начиная от карт местности Зорфов, напоминавший из себя тусклый кусок кожи с парой точек и надписей нанесённых поверх, заканчивая картами наших собственных регионов, чьи властители за пару десятков лет так перетусовались, что не понять где свои, а где...

Независимые графства, или, как в простонародье называли их мои советчики старые добрые Мятежники, что из-за удачного расположения в нагорьях вели торговлю и связи сразу с четырьмя интересующими меня народами. Удачно расположившиеся на стыке, став подобием буферной зоны, мятежники через свои земли провозили в людские королевства товары Зорфов, Эльфов, Дроу и даже с Флавами (теми же Зорфами, но только владеющими крыльями и имевшими способность летать). Так, благодаря чёрному рынку и проводимому «взаимно выгодному для людей и нелюдей» обмену, они существовали, и даже практически не подвергались нападениям со сторон Империи и того зверинца, что расположился позади них.

— Прям идеальное место. — Понимая, что кто-то совершенно спокойно общается со всеми расами, чутка взгрустнул. Мне о таком оставалось только мечтать, как и о скорой победе, которой в ближайшее время явно не планировалось. Зорфы, зная историю того кто идёт за ними, либо сбегут, либо будут сражаться из всех сил, а если брать в расчёт наше малое число, то именно второй вариант становится более правдоподобным. Эти сукины дети не упустят момента насадить мою голову на пик, что-же, посмотрим, пусть попробуют...

Моя изначальная задача ознакомиться с местностью, после обнаружения врага измотать его, не дать загнать своё войско в один единственный замок и окружить, а после, истощив вражеские ресурсы, нанести пару тройку не смертельных, но очень болезненных ударов по тылам. Нас слишком мало для победы в одном генеральном сражении, а значит, придётся прибегнуть к стилю «крысы» и кусать врага до тех пор, пока тот не покинет крысиное логово...

— Гвиний, позови нашу новую пешку, мне кое-что с ним нужно обсудить... — Августа и Магнус в лестном ключе отзывались об военном гении Дункана, пришло время узнать, действительно ли он так хорош...

Когда принц вызывает к себе в карету простого сотника, пусть и рекомендованного на эту должность свитой первого принца Августа, у стражи по неволе возникают вопросы. Развезть которые пришлось обществом подсевшей ко мне в карету «на всякий случай» Августы.

— Погуляйте... — Махнув рукой наострившим уши гвардейцем, произнёс я, после чего те, взглянув на точно так же ехавшего на лошади рядом Гвиния кивнули и удалились.

Мужчина изменился до неузнаваемости. От элегантного, обаятельного мужчины, по одной манере держаться в кресле которого можно понять откуда тот родом, не осталось и следа. Нос картошкой, конопатый, левый глаз подбит и опух. Сегодня он выглядел лучше, чем в день встречи с Августом, когда его, собственно, и назначили на пост. Всего один удар крепыша братца сломал тому нос, челюсть и раздробил кость лица. Я видел это, и пусть старший наказал не лечить того магией, когда Дункан попал в моё распоряжение приказал чутка над ним поколдовать. Мне требовались воины, а не калеки...

— Повелитель... — Склонив голову пред каретой, поприветствовал меня мужчина, а после, запрыгнул в распахнувшуюся перед ним дверь. Это был наш первый разговор после дня, когда тот сосватал меня своим дочуркам; мне требовалось первым начать разговор, вот только я не знал с чего. Одновременно благодарный за Шарлотту, я ненавидел его за подставу, кинутую первому брату. Из-за его интриг я мог умереть, и лишь благодаря небесам выбрался из этой передраги условно невредимым. — Позвольте поблагодарить вас за спасение Шарлотты, я...

— Закрой свой рот, Сотник, — вытянув кортик из-за пояса, приставила того к горлу Дункана Августа, после, выглянув за дверь кареты, задёрнула шторку. — Выпустить бы кишки тебя за такую дерзость и все твои фокусы...

— Тише... — Усмехнувшись, довольный тем, что мою тёмную сторону по отношению к мужчине поддерживает ещё кто-то, проговорил я, велев тем самым сестре убрать оружие. — Ты мне больше ничего сказать не хочешь?

В глазах мужчины увидел смятение. Решительный человек замешкался, непривычно долго даже для себя подбирал слова. Дункан — он сломался, однажды я видел такое в прошлой жизни, и никогда этого не забуду. Точно так же, как не забуду о тех бедах, что идут за человеком, потерявшим волю к жизни.

— Моя жена, сыновья и старшая дочь убиты, верные слуги обращены в рабство, а земли, те, что пахал ещё дед моего отца стали мне чужими. Боюсь, ваша светлость, мне здесь больше нечего сказать... — Не проронив и слезы, задумчиво и тягостно выдал воин, коего не разжалобила даже смерть собственной семьи.

— Матильда и Элизабет живы, более того, они сейчас в обозе с моей личной прислугой в качестве наложниц. Так они смогут находиться с тобой рядом, и можешь не переживать, я не буду спать с твоей ж...

— Спасибо, — сползая с кресла, глядя на меня увеличившимися в два раза глазами, едва слышно проронил Дункан, — спасибо ваша светлость! — Потянувшись к моим сапогам своим лбом, ещё громче выдал тот, в ответ на что я, поморщившись, попытался спрятать свою обувь от касания с его губами. Благо Августа, видевшая всё это омерзение на моих губах, быстро смекнула что к чему и одной левой подбросив Дункана, усадила того обратно на его место. — Как, как вам это удалось? Нет, не отвечайте, скажите лучше, мои сыновья?

— Мертвы... — Коротко ответил я, глядя, как в одном из уголков глаз мужчины, коим я только что восхищался, проступила слеза. — Я и так рисковал, спасая твоих женщин. Теперь позволь узнать ради чего? Как получилось, что один из лучших стратегов второго принца так беспечно подставил свою семью под удар.

Дункан улыбался, ещё бы, только что на его глаза воскресло двое одних самых близких ему людей. Теперь я намеревался заставить его сполна отработать ту подставу, им же мне и устроенную.

— Наша поражение ознаменовало предательство Герцога Визирия Колда Эсва. В поднятии мятежа второй принц сильно опирался на этого приграничного безумца, обещавшего любую помощь в войне против Августа. Некогда простой наёмник, Визирий снискал поистине великую славу на поле боя, за что был назначен первым принцем сначала лордом, а после бароном, ну и в заключение, когда тот вместо помощи второму помог первому, Колда Эсву вручили Герцогский титул. — Взгляд Дункана помрачнел, в каждом его слове чувствовалось сожаление. — Я говорил второму принцу, что не стоит доверять безумцу, предупреждал, что сукин сын Эсва силён и с лёгкостью закроет рот всем семи графам, поддержавшим второго, но мой господин не слушал... Он оказался слишком наивным и верующим для того, кто решил поиграть в предателя.

— Армия этого Визирия, неужели она настолько велика? Сколько у него людей? — наличие столь сильного союзника обнадёживало точно так же, как и разочаровывали слова о его безумии.

— Господин, Эсву, один из тех людей, которые наплевав на число уходят в качество и силу. У Визирия от силы три сотни, вот только эти самые три сотни не люди, — а самые настоящие чудовища, и носят имена они соответствующее чудовищам — Визирийские Дьяволы. Так прозвали их Зорфы после того, как Визирий с

полутысячей человек разгромил шеститысячный легион Зорфов в чистом поле. Потрошители или детоубийцы — так в свою очередь сотни Эсву прозвали Эльфы за то, что в священный для длинноухих месяц, некогда наёмный сотник вторгся в паломническое святилище и перерезал больше тысячи беременных Эльфик, ожидавших в богарощи благословения леса. Самый настоящий цепной пёс Августа, его дурная слава затмевает даже вашу, господин... — На последних словах Дункан осёкся и извинился, хотя я даже не успел обидеться.

— Визирий... — Самкуя это имя на вкус, осознавал исходившую от данного герцога угрозу. Пока он жив, рядом, наверняка Август точно будет знать о каждом моём вздохе и передвижении. С одной стороны — это плюс. Сражаясь и убивая наших врагов я могу через кого-то доверенного Августу доказать свою лояльность, с другой, соверши я что неправильное и в любой момент могу столкнуться с очень сильным и опасным ударом в спину.

— Кто служит этому Визирию? Это какие-то полукровки или бывшие гвардейцы? — пытаюсь понять, в чём успех его бойцов, спросил я.

— Отчасти это так, — кивнул Дункан. — Любой из желающих вступить в отряд Эсву проходит очень строгий отбор. Физические нагрузки, спарринг и даже пытки. Всё это часть отбора за право получать баснословные для приграничья жалование.

Визирий — один из самых сильных и прославленных воинов нашей империи. А его приспешники одни из крупнейших поставщиков рабов Зорфов на рынки империи. Всё это создаёт крайне благоприятные условия для отбора лучших из лучших, перед принятием в свои ряды которых, Эсва буквально ворует человечность у своих подчинённых.

— Не понял... — Глядя на также удивлённую такому заявлению Августу, в глазах которой уже виделось богохульство и ересь, за нас двоих спросил я.

— Ярость Гор, или же курительная смесь травы Яшма и Горевейника. Дурман трава, что лишает воина чувства боли, страха и тревоги. Вкусивший аромат этих трав забывает о голоде, холоде, получая взамен небывалый прилив сил, безумия и ярости. Сколько раз я видел, как воины под Горевейником убивают своих же товарищей в спину, сколько раз говорил второму принцу, что Яшма не способна решить проблемы с голодом и холодом. Никто не слушал, а наши люди, мои товарищи, продолжали гибнуть... Причиной той безумной силы, полученной Визирием, является Ярость Гор. Уверен, она же его и погубит.

Слава сильного воина и мужчины заставили задуматься. С одной стороны, Дункан чертовски прав. Ярость Гор — наркотик, причём сильно действующий. А это значит, что как и положено любому наркотику, рано или поздно оно убьёт того, кто его применяет, или заставит одного из подчинённых убить своего хозяина. С другой стороны, можно было не дожидаться скорого неизбежного и отправить Визирия в одном из боёв в самое пекло, где тот и найдёт свою смерть. Хотя, зная о живучести таких индивидов, первое произошло бы с куда большей вероятностью, чем второе. Повезло, что помимо двух кровавых вариантов у нас под рукой находился третий. Августа — именно глядя на задумавшуюся лицо сестры, я прекрасно понимал, что этот маленький допинг мог быть чем-то очень и очень незаконным в рамках даже этой средневековой империи. Августа не скрывала недовольства по поводу услышанного. Ещё бы, данный факт употребления героем империи магической травы, придающей сил не свойственных человеку, уже мог подвигнуть церковников к дурным мыслям, а если ещё и всплывёт, что он или его воины голоса там какие-нибудь слышат, так вообще сразу в демонопоклонники записывать можно. При условии, что церковь сама будет заинтересована в конфликте с одним из героев приграничья. Вопрос только в том, решится ли сестричка если что обратиться к своим работодателям, тем самым, кто некогда отнял у её «драгоценный» первый раз. Как бы то ни было, я не забыл слова сестры, её слёзы, и просто жил и ждал, когда же мне наконец-то выпадет шанс отомстить за её поруганную честь. И если мне удастся сделать это чужими руками, то чувство отмщения станет вдвойне слаще...

— Эта информация очень кстати, думаю, ты заслужил права увидеться с семьёй, — глядя в глаза мужчине, тихонько проговорил я, а после добавил: — Но только с Матильдой, если считаешь, что можешь довериться ей, говори что хочешь, но помни, Элизабет полная дура, и если она что-то взболтнёт и наш маленький обман всплывёт, все вы окажетесь в петле как предатели и пособники мятежного второго принца...

— Буду благодарен, если уважаемый Гвиний покажет мне её, — кивнув в сторону окна, словно чувствуя взгляд всевидящего мага, произнёс мужчина, а затем спросил: — А как вам моя вторая дочь, Шарлотта?

— «Как?» говоришь... — Играя челюстью, повторил я. — Чертовски умна, из-за того же привлекательна и опасна, именно ей и её заслугам, ты и твои женщины обязаны своими жизнями.

— Вся в меня, — позволив себе улыбку, отозвался мужчина.

— Нет, Дункан, она умнее тебя, и в отличии от старого стратега знает, на кого можно и нужно ставить. Решись поиграть в предателя ещё раз, и он станет для всего твоего рода последним, обещаю, смерть твоих близких язык не повернётся назвать лёгкой... — Жестом указав на дверь, холодно произнёс я, с надеждой, что новоиспечённый сотник меня услышал.

— Клянусь, я вас не подведу, — склонив голову и приложив левую руку к груди, уверенно и решительно

произнёс мужчина.

После разговора с Дунканом, число волнующих меня вопросов резко увеличилось. Голова гудела от вопросов, как примазаться к садисту Визирию, что по духу максимально был близок к прошлому Карлу. По идее, мне и делать ничего не требовалось, просто наблюдай, как тот пытается, калечит собственных слуг, а с другой... Не дай бог он предложит и мне снести чью-нибудь голову или задушить кого. Ведь одно дело посылать на убой других, а тут лично, не, к такому я точно не готов!

Подняв высокие упоры, голодные гвардейцы, злобно подгоняя медливших слуг, дождались, когда внутри моего личного шатра все убранства и мебель расположатся строго по местам. Только после того, как всё было готово, сменившись с отужинавшими стражниками, первые в скверном настроении отправились на свой законный отдых. Парни устали от длительного перехода, к тому же, им ещё предстояли спарринги, на которые, собственно, даже я не соизволил явиться.

Сегодня мне было не до тренировок. Разрабатывая стратегию общения с Визирием, представлял нашу с этим безумцем встречу. Прикидывал, что от него ждать, как вести себя, если попаду в неловкое положение. Рассуждал, как сам могу загнать того в тупик, или, если мне предложат какое-либо непотребство, выйти из тупиковой ситуации. В моей голове всё складывалось просто, как два плюс два, вот только в реальности всё обстояло куда хуже. Привыкнув фантазировать по ночам на тему своих словесных побед в прошлом мире, я быстро осознал, что в этом требуется пересмотреть политику, и из атакующего звена перейти в обороняющееся. Так как именно те редкие удары по имени принца и одного из наследников империи могли сильнее всего пошатнуть стул, на котором я стоял.

В пол голоса репетируя и отрабатывая властный, имперский, повелительный голос, на кураже от собственных успехов встретил внезапно показавшуюся в моём шатре Матильду, прибывшую в новеньком, чистом платье, с большим глиняным кувшином в руках. Лицо бывшей герцогини сильно преобразилось, хотя, как на мой взгляд, приданная ему простота и некая магическая нотка покорности больше красили женщину, чем наоборот.

— Принц Карл, — припав на колено как простая крестьянка, поприветствовала меня вчерашняя герцогиня. Одна из шлеек её изысканного платья в момент приседа свалилась с женского плеча, на мгновение показав левый сосок чуть обвисшей груди взрослой женщины. Став свидетелем глупого стечения обстоятельств, по неволе облизнувшись, отвёл взгляд в сторону. Почти неделя прошла с момента, как я покинул общество все дозволяющих служанок. Лили и Бьянка хорошо знали своё дело, благодаря им я никогда не страдал проблемой утреннего стояка. Желая уберечь их от ненужной угрозы, я рассчитывал, что смогу заменить их новыми, свежими пластинками, вот только магазинов, предлагающих нужный мне товар рядом не оказалось, а пользоваться чьей-то женой, и уж тем более дочерью одного из моих сотников, я точно не собирался.

— Что-то случилось? — Ожидая, когда та поправит одежду, всё так же глядя в тканевую стену шатра, спросил я.

— Случилось, — с усмешкой отозвалась прислужница. — Позвольте выразить свою благодарность за наше спасение, а также за предоставленную возможность... — Лёгкое движение руки, с плеч Матильды падает вторая шейка, что под тяжестью платья обнажает женщину с груди до пят. Эта женщина знала что делает, и судя по самодовольному взгляду, прикованному к возникшему бугорку на моих шганах, своего она добилась.

— Ты и твоя дочь здесь не для этого... — Успокаивая себя, выдохнув, произнёс я, не ожидав услышать встречный контр-аргумент.

— Ваши слуги и стража уже стали предполагать лихое. Новые наложницы, которых ни разу за неделю не вызвали. Исчезновение семейства Бэгских... выше и умнее всех может быть только король глупцов, ваша светлость.

Шагнув из своего оставшегося на земле платья, Матильда прямым курсом направилась ко мне, а после, приблизившись, принялась расстёгивать плотно прилегавший к животу ремень и пуговицы на рубахе.

— Я, моя семья, более не существуем. То, что я сейчас делаю, всё это во благо моих близких, так что прошу, хотя бы сейчас, позвольте мне сделать то, чему меня учили всю жизнь, — палец женщины замер на моей пряжке. Чувствуя моё смятение и нерешительность, Матильда громко цокнув, щёлкнула пальцами руки, а после, когда в шатре показалась её старшая дочь, тихонько шепнула мне на ушко: — Я здесь не только по собственной воле, но и просьбе своего мужа. Просто расслабьтесь и позвольте мне сделать то, зачем я пришла.

Толкая меня в сторону кровати, женщина под пристальным, постыдным взглядом своей дочери заваливает меня на мягкую перину, а следом, оглянувшись, злобно произносит: — Не стой столбом!

Суетливая Элизабет тут же подбегает к кровати, помогает стянуть с меня сначала рубаху, после брюки, под которыми уже во всю колышется из стороны в сторону младший Карл. Неделя воздержания, а так же слова и поступки старшей из Бэгских не на шутку завели меня.

Лёжа на кровати, всё что мне оставалось, так это глядеть, как старавшаяся вести себя как можно более вызывающе мать, помогая дочери оголиться, едва звучно нашёптывает, как лучше подойти к мужскому телу. Уверен, данный разговор уже был множество раз отрепетирован, каждое действие спланировано: Элизабет никудышная актриса, вот только для меня это виделось крайне сомнительной помехой.

Сначала её платье точно также скатываясь по телу спадает на пол. Затем, упругая, молодая грудь, едва коснувшись моих ляжек, приподнимается.

— Я не знаю как быть... — Слегка растерянно и при этом наигранно произносит Элизабет, вслед за чем её наставница Матильда, взяв в свою кисть головку моего члена, опускается на колени, обещая несмышлёной ученице показать «что тут и как».

Убеждаясь, что я готов, увлажнённые вином пальцы старшей из Бэгских скользят по основанию ствола. «Медленно и уверенно», — произносит Матильда, вслед за чем языком пройдясь по стволу. Заметить не успел, как её губы, обхватив головку, сомкнувшись, продвинулись до самого основания. Приятное тепло всего на секунду обогрело меня снизу, после чего всё закончилось так же стремительно, как и началось.

— Теперь твоя очередь... — Видя моё растерянное лицо и пульсирующий член, произнесла Матильда, положив свою влажную ручонку на мои яйца.

Две голых женщины в четыре руки массировали меня снизу, попутно строя личиком саму невинность, поглядывала на меня. Пальцы Элизабет двигались куда грубее, чем у её матери, а вот своим острым и длинным язычком она орудовала на уровне. Чувствуя, как та специально, против воли матери ускоряется, пытаюсь довести меня до нежеланного оргазма раньше времени, я специально оттягивал момент кульминации. Ворочался, кривился и стонал. В отличии от умевшей скрывать свои эмоции старшей Бэгской, Элизабет по-прежнему не понимала где она, кто, и что может случиться, если мне что-то не понравится. Издеваться над ней я, разумеется, не планировал, что взять с девчонки, которую собственная мать принуждает трахаться с другим. А вот над раскрасневшейся, вошедшей во вкус Матильдой поработать стоило. Уж не знаю, чем закончился их разговор с Дунканом, но тот взгляд, которым она награждала меня после того, как я разделся, явно не походил на «обычный».

— Отойди, несносное дитя... — Шикнув на младшую, шлёпнула ту по «быстрой руке» Матильда. — Мы здесь с тобой не для этого...

Произнеся последние слова, женщина, прикрывая одной рукой свою начисто выбритую пещерку поднялась. На её лице проступил багряный румянец, точно такой же, как и сейчас виднелся на красных от ковра коленках. Повернувшись ко мне своим симпатичным задом, Матильда медленно нащупывая ствол, специально присела чуть поодаль от члена, пропуская того между складок своей задницы.

— Ой, я такая не ловкая, Элизабет, помоги... — Пусть я и не видел лица старшей из Бэгских, однако, даже чувствуя складки её влажных половых губ, ощутил ту самую угрозу, исходившую от матери напрямую к дочери. Благо, их конфликт никак не мешал моему прекрасному времяпрепровождению...

— Спасибо за угощение... — Обхватив старшую за бёдра, осторожно и не торопясь вошёл, услышав в ответ эротический вздох, переполненный женским наслаждением.

Погрузившись в Матильду, ощущаю приятную тугость и влажность. Впустив меня сразу и на всю длину, опытная светская львица чуть-чуть не подрасчитала собственные возможности, и сейчас, сидя верхом пальцами своих нежных рук сжимала меня за ляжки. Дав возможность женщине свыкнуться, кистями плавно мял эти сочные, аристократические булки.

Пауза затягивалась, пальцы моей левой руки медленно приблизились к другой дырочке Матильды, от чего женщина сидевшая ко мне спиной внезапно обернулась. Прикусив нижнюю губу, она глядела на меня раскрасневшимся до неприличия лицом. Её глаза блестели, сама же герцогиня тяжело дыша одной рукой упершись в меня, медленно приподнялась, а после, наконец-то двинулась.

Наполненный пошлостью и пороком шлепок раздался в тот же момент, когда зад женщины вновь опустился на мой член. Киска наездницы стала куда влажнее, и судя по всему именно этот факт так смутил умелую Матильду. Прямая измена, по требованию мужа, возможно, таким образом Дункан пытался оградить свою семью, спасти ту от ненужных подозрений и вопросов. Скорее всего именно так рассуждал бывалый воин, но что насчёт его жены? Скольких мужчин познала эта властолюбивая женщина, привыкшая склонять других к своей воле. Неужели никогда за годы своего правления не хотела кого-то другого? Воина, слугу, раба...

Понимая, что женщина только распаляется и наращивает темп, с силой хлопнув ту по заднице требовательно произнёс:

— Встать! — Матильда растерянна, в глазах её дочери, замершей на коленях у кровати истинный ужас. Едва бёдра наездницы приподнимаются, схватив ту за руку, сбрасываю на кровать и оказываюсь сверху. Ведя себя словно целомудренная священница, попавшая в руки коварного аристократа, Матильда, головой вжимаясь в мягкую кровать, отводит свой застенчивый взгляд в сторону, ладошкой пряча торчащие сосочки. Строя из себя саму невинность, которой не оставили выбора, женщина не сдерживавшись показывает свою белоснежную улыбку, а её коленка, остановившаяся у моего паха, словно противореча действием своей хозяйки, осторожно двигаясь вперед назад дразнит мой член снизу.

Матильду всё происходящее устраивало. Более того, каждое мое движение, лёгкий поцелуй оставляемый на её коже лишь сильнее распял взрослую женщину, искоса поглядывавшую с постели на свою дочь. Сейчас Элизабет казалось, что её мать жертвенно приносит себя во благо семьи, отчасти, это было так. Но лишь отчасти.

Изначально, я дал им гарантии, что помогу выжить, говорил, что не заставляю ту продавать мне своё тело и тело дочери. А так же, я точно не просил ту с улыбкой на лице скакать верхом на моём члене. Но, раз ту всё устраивает, то почему бы и нет...

Развернув в постели Матильду, поставил ту в крайне неудобную позу. Взгляд её свисающей с кровати головы был устремлён прямо на старшую дочь. Заломав той руки и оттопырив зад, точно так же глядя на Элизабет, я с удовольствием заставлял её мать кричать от наслаждения, а так же, при помощи её же хлюпающего зада издавать непристойные звуки.

Мои служанки хорошо научили меня доводить женское тело до настоящего оргазма, и сегодня, используя пальцы и всю дарованную мне над этим телом власть, я собирался показать Матильде, что не только мужчины, но и женщины в этом мире могут стонать от истинного наслаждения.

Рухнувшая на постель Матильда, испытавшая оргазм ещё до того, как я кончил. Бревном лежа на кровати с подрагивающими ногами, женщина с благодарностью постанывая, приняла в себя моё семя. Лежа на кровати с раздвинутыми ногами, тяжело дыша, она думала, что всё закончилось. Однако...

— Соси... — Встав с кровати и подойдя прямо со стороны дочери, потребовал я от женщины. Казавшаяся чуть под уставшей, с растрёпанными волосами и красным лицом, по которому тонкой струйкой тёк пот, та потянулась к моему члену своими пальцами. — Без рук... — Подойдя к той чуть ближе и заставляя Матильду тянуться ко мне языком и губами, произнёс я.

Принимая правила игры, женщина, всё так же поглядывая на дочь, едва заметно улыбнувшись, по привычке, возникшей после прошлого акта складывает руки за спиной, а так же, вытянувшись языком принимается слизывать все любовные соки с моего дружка, и лишь когда тот предстаёт пред ней девственно чистым, губами всасывает головку, а после и весь член. Всего несколько минут хватает мне для перезарядки. Вид Матильды и её испуганной Элизабет, на лице которой появились первые слёзы, чертовски заводит, да так, что мой член увеличившись прямо во рту женщины, заставил ту поперхнуться и закашляться...

Видя то, как я гляжу на её дочь, а также как ведёт себя испуганная девочка, Матильда с неохотой произносит: — Теперь твоя очередь Элизабет... покажи всё чему научилась у нас с господином Карлом, — в голосе Бэгской чувствуется боль и тревога, она не хочет заставлять дочь трахаться с тем, кто её пугает; но ощущая, что у неё просто нет иного выхода, на повышенных тонах начинает требовать. — Ты не слышала, что я тебе сказала?

Два моих пальчика входят в крикливый ротик Матильды, после чего я, встав задом между двумя женщинами, приподняв ту за зубки тихо и игриво произношу:

— Сегодня у меня есть кое кто повкуснее и опытнее твоей дочери, она может быть свободна...

— Ваше высочество... — Облизнув мои пальцы, растерянно проговаривает Матильда.

— Ты ещё здесь? — грозно взглянув на плачущую Элизабет, рыкнул я, и девушка, подобрав платье, тут же пулей вылетела на улицу. Произошедшее сильно ударило по царившей до этого атмосфере, да и ещё бы, любому мужчине будет неприятно, когда на него смотрят, как на чудовище. Хотя... — Руки женщины обхватив меня за бёдра притянули по ближе к кровати. Голова Матильды уткнувшись мне в живот замерла.

— Простите ваша светлость, завтра я обязательно с ней поговорю, ей нужно время...

— Не нужно, пусть найдёт себе того с кем будет счастлива, — от моих слов всё тело Матильды дрогнуло. Осторожно приподняв голову, та со взглядом наполненным благодарностью поглядела в мои глаза. Ни сказав и слова, она кивнула, а после, задумавшись, внезапно выдала:

— Мы с вами продолжим?

— А ты сама этого хочешь? — чувствуя, что момент для второго раунда безвозвратно упущен, переспросил я.

— Очень... — Шокировав меня повторно, внезапно выдала женщина. — Пока здесь была дочь я не могла такого сказать, но сейчас... впервые мужчина сумел довести меня до оргазма и это было чертовски приятно!

— Но как же твой муж, ваши дети, семья... — Коснувшись запретной в такие моменты темы, спросил я, на что та болезненно отвернувшись, увлекая меня за собой в постель произнесла:

— Моя семья распалась в тот момент когда муж, никогда не заботившийся о моём удовольствии в постели отрёкся от меня, а после велел трахаться с другим мужчиной, при этом настаивая на том, чтобы первой была именно моя дочь, — задумчиво произнесла это, Матильда приподнялась, а после, взяв меня за руку, потянула за собой в постель.

— Мы живём в очень жестоком мире, юный господин, раньше, когда Дункан был далеко, я также рассматривала возможность при помощи уловок завладеть вашим умом, подложив под вас дочерей, или если потребуется себя. Тогда это виделось мною как один из немногих способов для выживания, но теперь...

— Дункан боится, что ваши враги узнают о том, что вы живы, а после, с лёгкостью установив связь между новым сотником и такой же новой рабыней, прирежут вас во сне. Лучшим способом уберечь вас является разделение, и чёткое исполнение своих ролей, он понимает это. — Я прекрасно знал, ну или уж точно догадывался о изначальных целях прибывших в Нивград Бэгских. От того слова женщины и её откровения не возымели на меня какого-либо эффекта. Более того я позволил Матильде лечь мне на плечо и притулиться, давая возможность нам обоим поговорить по душам.

— Я знаю это, но всё равно, могу сказать только одно: как раньше уже не будет, не потому что мы с вами переспали, прошу простить меня за эти слова, — поцеловав меня в руку, тихо проговорила женщина.

— Почему же тогда? — крепче прижав женщину, на чьём лице проступили слёзы, спросил я.

— Потому что из-за его проклятого мятежа я потеряла всех своих сыновей, моих самых дорогих и любимых мальчиков...

Прошлая жаркая ночь проведённая с ненасытной Матильдой ещё двое суток отзывалась лёгкой усталостью и полной выжитостью, ощущаемой в момент когда та, вжившись в роль прислужницы, приходила ко мне по вечерам с целью помочь умыться или переодеться.

Умеющая себя подать, строгая, гордая, она быстро свыклась с новой ролью, высоко поставила себя среди мелкой аристократии, бегавшей у меня и моей стражи на побегушках. А ещё через пару дней и вовсе с позволения Августы заняла одно из мест подле меня в качестве «старшей служанки».

«Я не знала, что тебе нравятся женщины постарше...» — Когда мы на очередном привале уединились с сестрицей для обсуждения «глобальных планов», произнесла та, снисходительно позволив мне вероломно вторгнуться в неё спереди.

Всё что мне оставалось в дороге, это тупо пялиться в старые ошмётки карт, пить, трахать женщин и постоянно, день за днём убивать часы в бесконечных разговорах со своими подопечными. Конечно же, я мог учиться махать мечом с ребятами Магнуса, мог что-то пытаться шаманить в дороге при помощи говна и палок, вот только какой в этом смысл?

Всегда рядом со мной находится стража; тот же Гвиний, Августы и их очень злые ребята из охраны, отбиться от сумевших их разбить врагов, при всём своём желании и упорстве лично я не смогу и через год усиленных тренировок. Я даже представить не могу, что должно произойти, чтобы я остался без своей стражи, при том ещё и вынужденный сражаться. Потеря власти для меня — это полное фиаско, за которым меня может ждать лишь смерть. Одной лишь грубой силой невозможно удержать власть — Август стал этому хорошим примером. Ум, холодный расчёт и знание всего и обо всех — вот на что я делал упор. Мне требовалось больше сплетен, больше информации о разного рода интригах и подоплёках приграничья. Всё, о чём говорила моя свита, придворные, сотники и простые солдаты, собиралась Гвинием и Магнусом в отдельные доклады, после чего, ближе к концу дня изучалось мною лично.

Не грубой силой, а стратегией мне требовалось подчинить себе дикие земли. Вникнуть в их быт, вскрыть все гнойники, нарывы и язвы, а после, когда они познают отчаяние, при помощи своего ума и чуточки «инноваций», посеять в их умах спасительное семя, увидеть исцеляющий плод которого они смогут лишь при помощи «великого меня».

Первыми с моей жестокостью придётся столкнуться мятежникам. Вчерашние аристократы, продавшись, повернулись к империи задницей. Эти ребята поступили правильно: будь я на их месте, в первую очередь убедился бы в том, что в безопасности, и уже потом, зная, что в случае нужды получу поддержку, поступил бы точно также.

Засев в своих горах, ребята думают, что их невозможно победить, или выкурить. Они полагают, что их высокие стены защитят их, но только я собирался использовать их же, но только в качестве смертельной темницы. Осталось только дожидаться нужного момента, собрать войск и добраться до чёртовой границы...

Ведь пока они там — торгуют всем чем могут и зарабатывают бешеные бабки, а я — здесь, качусь в карете со своими тремя тысячами в неизвестность. Их растущие с каждым днём капиталы создавали угрозу появления отрядов наёмников в моём тыле. А судя по тому, что даже Августу не удалось их вернуть на место, парни из лагеря врага считались крепкими орешками, а такие, скорее всего даже разговаривать со мной не будут.

Поэтому, перед нашим с ними знакомством требовалось провести подготовительные работы. Двое суток я думал и шлифовал планируемую мною подлянку. Рассуждал на тему праведности и морали. Раньше, когда я отдавал подобные приказы в своих игрушках, они отображались лишь циферками, чёртовыми пикселями, а сейчас... От подобных приказов многих людей ждала очень болезненная, а местами крайне жестокая смерть. Собрав свой личный совет, я в красках рассказал чего хочу и что мне для этого требуется. Я надеялся, что мои личные советники отговорят меня от чересчур жестких мер и стратегий.

Я надеялся на это, в очередной раз позабыв в каком мире сейчас нахожусь.

— Мне нужна религия, страшно-смертельная болезнь, которую мы сможем контролировать, и противоядие от неё, — решение далось мне не легко, но только так, жертвуя чужими подданными ставшими мне врагами, я мог достичь наилучшего результата с наименьшими потерями среди моего личного состава.

Занести в города заразу, запустить туда парочку своих верных ребят, попутно снабдив тех антидотами — таков мой план. Посеять смуту, дать заражённым людям возможность почувствовать холодное дыхание смерти, а после, явить чудесное спасение в религии, что по воле моей будет требовать смещения «неугодной богу» правящей семьи и передачи их обязательств кому-нибудь лояльному правящей семье и империи. Действуя изнутри я намеревался как можно сильнее распространить заразу в городе. Оставалась проблема связанная с её распространением; я не хотел погубить весь мир из-за того, что болячка выйдет из-под контроля, поэтому, на ум пришло лишь банальное отравление колодцев и всех источников пресной воды в округе.

Такой мой план Гвиния ни капельки не смутил. Маг-целитель за считанные минуты набросал целый список подходящих микстур с разной степенью летальности. Магнус же предложил отправить в город грязнокровку Хивару, а также пару его верных ребят, являющимся выходцами из тех мест. Сетуя на то, что Хивара ушастая, пусть и дроу, мужчина отметил весомый вклад смуглянки в наше дела, к тому же намеревался назначить ту командиром одной из моих «диверсионных» групп, и если против последнего назначения я ничего не имел, то к подбору кадров пришлось отнестись более ответственно.

Опасаясь, что местные ребята могут в последний момент дрогнуть, нарушить планы или что ещё хуже — перебежать к врагу выдав мои планы, — потребовал Магнуса вместе с Гвинием и Августой провести самый строгий отбор. Как физический, так и ментальный, в данном деле требовалось сильное здоровье, чтобы в случае чего не помереть от своей же заразы, а также ледяное сердце, ведь по факту, этим ребятам предстояло травить собственных родичей, их семьи и детей...

— Вопрос с церковью оставь мне, пошлю весточку и мы получим лучших из лучших, только скажи мне Карл, ты действительно собираешься травить свой...

— Они не наш народ! — собираясь покинуть стол для того, чтобы отправиться по своим делам, внезапно обернувшись, резко вскрикнул Гвиний. — Августа, скольких в год сжигает святая инквизиция? За что, Ересь? А бить своих в спину, якшаться с зорфами и пить вино с длинноухими — это разве не Ересь?!

— Простите уважаемый Гвиний, я забыла... — По-видимому вспомнив трагическую историю всех наследников старикана, теряя всё желание продолжать этот разговор, умолкнув, опускает голову сестра.

— А я вот никак не могу забыть, — услышав покорность в интонации Августы, выдохнув и убрав из своего голоса весь гнев, произнёс маг, а после, откланявшись, наконец-то покинул наш шатёр. Магнус в свою очередь не забыл упомянуть кого они резали в лесах под Нивградом, и кого заковывали в рабские цепи.

Ну а я, радуясь, что хоть кто-то в этом жестоком мире до конца ещё не очерствел, напомнил той о том, как некогда сам поступил с зорфами.

— Лучше пусть умрёт тысяча врагов за стенами, чем сотня моих солдат под ними. К тому же, зная тебя и твой нрав, ты ведь одна из первых полезешь на стену, а вдруг ты погибнешь, кто тогда защитит меня? — давя на женскую любовь, сентиментальность и слабость перед мной, приобняв Августу проговорил я. Получив в ответ короткое и улыбчивое:

— Я всегда буду тебя защищать...

До первой приграничной крепости оставалось чуть больше недели пути. Наше воинство постепенно росло. Так, за время пути Магнусу и его парням удалось завербовать ни много ни мало пол тысячи рекрутов, или как их тут называли «ополченцев». Хотя до статуса крестьянина с копьём эти оборванцы не дотягивали.

Грязные, вшивые, в старых, заношенных и изодранных лохмотьях, с деревянными вилами и палицами, в лучшем случае некоторые были вооружены топорами. Их бороды и волосы, что длиной достигали полуметра, обвивались вокруг худых шей и плеч, в очередной раз подчёркивая ужасное физическое состояние голодных, едва живых крестьян, доведённых своими лордами до состояния «не стояния». Когда вот эти вот «новобранцы» получали свой первый завтрак, обед или ужин, многие думали, что сегодня какой-то пир, и по случаю этого уже завтра им предстоит смертельный бой. Крестьяне не понимали, не верили, что кто-то может питаться так на постоянной основе. Едва сформированные из новоприбывших сотни вели себя крайне нервно, постоянно оглядывались, перешёптывались. Их мир, в котором царил голод и разруха, с момента вступления в моё войско рухнул. Хорошая еда, время для отдыха, и обязательный уход за собой во время стоянок у ручьёв и озёр менял людей на глазах.

Даже немногословные гвардейцы, думая, что их не слышат, между собой глумливо, с юморком отзывались о «этих деревенщинах». Только-только выбравшихся в мир из своих берлог и пещер, многие крестьяне, приняв факт того, что здесь так кормят постоянно начинали через своих десятников и сотников пробивать информацию о том кто я и как попасть во служение ко мне. Из опросов проведённых людьми Гвиния, почти девяносто процентов выказали своё желание после завершения кампании отправиться со мной дальше (то есть мигрировать в Нивград). Пять процентов, как я понял, воздержалось от ответов по этому поводу; оставшихся сдерживали от бегства семьи и дети, большая часть из которых, даже по большим праздникам не могла позволить себе то, что каждый день ели мои люди.

Походные сухари и вяленое мясо, излюбленный в прошлом рацион местных вояк, по моему приказу с сильным опозданием был кардинально изменён. Мне стоило позаботиться об этом куда раньше, вспомнив о такой вещи как «походная кухня» ещё в Нивграде; будь я военным гением, не топталась бы мы лишние пол дня у одного из городов, пока мои люди искали и сооружали всё необходимое.

Итогом моего труда стало приобретение двух телег на больших колёсах и восьми тяговых быков, что собственно их и тянули. Внутри на скорую руку, с полным скептицизмом к происходящему, было сооружено из железа, глины и обожженного кирпича нечто очень странное и забавно выглядящее, однако, когда из этого вот «странного» небольшого сооружения напоминавшего печь на колёсах повалил дым, и вскоре по округе завитал запах свежее испечённого хлеба.

Тихие смешки по поводу чудаковатых выходов принца стали ещё более тихими.

За эту хреновину и скорую работу городских кузнецов и «инженеров» — если местных можно так назвать — я отвалил немалую сумму. Не сказал бы, что существенно обеднел, но переплата за тяговых быков, и без того не дёшево здесь стоивших, меня чутка подвыбесила. Ведь я считал, что чем дальше мы будем от столицы, тем ниже будут цены. Ведь по идее все материалы, скот и провиант стекались в центр империи с периферии, здесь торговцы закупались, а после продавались в городе. После разговора с Гвинием, я в очередной раз убедился в своей «частичной» правоте.

Действительно, ресурсы стекались в столицу со всех уголков не только империи, но и мира. С севера руды и дерево, с юга провиант и вина, с запада шелка, ну а с востока, чьи границы мы собственно и собирались отстаивать в империю шёл только один товар — рабы. Постоянные войны на востоке привели к сильнейшему сокращению численности местного населения. А постоянные междоусобицы, вместе с непрекращающимися набегами «злых» соседей, привели к полному обнищанию и без того бедного, «рабочего класса».

Скот для местных — роскошь. Всё что Зорфы не могли угнать с собой, они резали и умерщвляли. Что-то грабилось, что-то сжигалось, ситуация складывалась здесь аховая. И сейчас, когда те прознают, что на смену сто тысячному гарнизону идёт три с половиной тысячи, всё станет ещё хуже. Не питая особых надежд к Визирию и его людям, любуясь своими дымящимися кухнями я, поддавшись «изобретательскому» азарту, долгое время рассуждал с Гвинием о порохе, или любых других порошках с подобными эффектами.

На счастье, в записях старого мага нашлось нечто с похожими свойствами: «Пыльца демонического алхимика Барэля» одного из давних коллег Гвиния, создавалась из древесного угля, серы и ещё одного, какого-то секретного ингредиента, о котором старый затворник Барэль не распространялся. «Безумец считал, что его открытие стоит колоссальных денег, ведь способно погрузить весь мир в хаос» — Гвиний смеялся произнося эти слова, говоря о том, что у его коллеги с головой не всё в порядке. «Его игрушками разве что костры поджигать, да и то только если хочешь вместе с тем самым костром сгореть», — Скептически приговаривал маг-целитель, даже не представляя

насколько сильно заблуждался в своих суждениях.

Секретным и последним ингредиентом являлась селитра. По чистой случайности я знал это, вот только не знал, что это вообще такое, как оно выглядит и откуда добывается. К тому же, как эта херь называлась в этом мире тоже оставалось для меня загадкой. Барэль, затворник который был позарез мне нужен. Вместе с ним и его секретом, я мог создать что-то на подобии самой простой пушки, типа Бомбарды, чей грохот от первого выстрела мог развернуть в обратном направлении даже самую грозную и многочисленную армию.

Разместить я подобную на стене, забей её чем-то вроде картечи, созданной из чего угодно. Одним, пусть и неточным залпом мы бы могли выкосить огромное число идущих в плотных рядах и под щитами врагов. Пусть отлить её стоило бы дорого, пусть выстрелила бы она один раз, но чёрт, это была бы первая пушка в этом чёртовом мире, моя первая пушка!

— Мне нужен этот Алхимик, Гвиний. Делай что хочешь, пиши, подкупай, можешь даже за ним наших людей отправить, только приведи мне этого чёртового Барэля! — запал в моих глазах, а также интонация, в которой я кинул эту фразу старикану сильно того взволновала. Уже спустя час, пара почтовых голубей отправилась по своим городам с весточкой для членов их магического сообщества с жестким требованием — найти и доставить алхимика четырнадцатому принцу.

Со слов Гвиния, любитель пороха обитал где-то на севере. По прогнозам мага, если всё пройдет удачно, то уже через тройку недель тот мог оказаться у нас на пороге. А если нет... Если нет, то возможность первыми использовать столь сильный исторический рояль могла попросту просочиться через мои тонкие имперские пальцы.

— Алхимик Барэль ещё один человек в этом мире, встречи с которым я буду ждать с нетерпением... — Оставшись в карете наедине с собственными мыслями, глядя в тёмный, непролазный лес за моим окном, подумал я.

Ещё пара дней и мы прибудем в первый пограничный город, где нас уже будет ожидать властитель местных земель, тиран, садист и убийца, командующий шайкой наркоманов и головорезов. Визирий — человек, рассказы о котором на устах у всего моего войска. О нём знали все, кроме меня. Магнус его уважает как солдата, Августа почитает как верного слугу, а не успевшая отправиться на задание Хивара и вовсе говорила о том, что некоторые наёмные семьи дроу даже побаивались вступать в открытые боестолкновения с этим мужчиной и его войском. Психопат и доблестный защитник границ. Жестокий убийца и настоящий солдат, что не жалея жизни вместе с первым принцем десятки лет воевал на границе. Противоречивая, харизматичная личность с какой стороны не посмотри.

От скольких проблем я бы мог избавиться найди мы с ним общий язык. Чего бы мы достигли, найди возможность я им управлять или хотя бы как-то контролировать. Его сила, мой ум, вместе нас ждало бы светлое будущее.

Я понимал это ровно также, как и тому, что подобному никогда не бывать. Мне не обуздать его безумия и жажды к дурмантраве, сумевшей породить хаос даже в моём мире. Наркотик — зло, которое мне предстояло одолеть вместе с надвигавшимися на наши земли Зорфами и эльфами.

Пограничный город-крепость Колд.

Двери трактира с ярким названием "Крысиная нора", слетев с петель вылетели во двор вместе с молодым зорфом, протаранившим те своей и без того разбитой головой. Бездыханное, худое тело практически полностью погрязло в разбитой проливными дождями дороге.

Вышедший из дверей харчевни пузатый мужчина, медленно, переваливаясь с ноги на ногу брёл к живому мертвецу.

— Поднимайся, сукин ты сын... — Встав над тем, а после, мощным пинком своих кожаных сапог чуть ли не подкинув того в воздух, рыкнул пузатый дядька, от чьего удара потерявший сознание мальчишка пришёл в себя и кувыркнувшись в грязи, задыхаясь схватился за сломанные рёбра.

— По-жа-лу-й... — хватая ртом воздух, с ужасом глядя из грязи на нависшего над ним бородатого старика, произнёс мальчишка.

Герцога Визирия Колда Эсву мольбы грязной крысы, решившей гыркаться и пререкаться с теми, кто сохранил ему жизнь, ничуть не растрогали.

Присев, своей здоровенной рукой бородатый великан берёт мальчишку за волосы. Голова зорфа полностью помещается в его большой, сильной ладони.

— Как нужно обращаться к повелителю? — постепенно сжимая руку, и глядя как под давлением начинает трепыхаться парень, протянул Визирий.

Челюсть мальчишка была сломана; мямя что-то нечленораздельное, он лишь больше злил Визирия, чьи и без того светлые глаза от Ярости гор стали ярко голубыми, словно безоблачное небо в чистый солнечный день. Колда Эсва привык слышать чёткие ответы, и подобного отношения к своей персоне, тем более от какого-то ничтожества из рода «недолюдей», терпеть не собирался.

Поднявшись, тот за волосы потянул едва живое тело мальчишки к стоявшему рядом и наблюдавшему за всем происходящим конюху.

— Го-с-по-ди... — Так и не смог договорить парень, когда его голова погрузилась в ведро, переполненное из-за дождя водой и свежим конским навозом.

— Собаке собачья смерть... — Взяв щенка за шею, силой втокнул голову того в нечистоты правитель. Зорфа никто не защитил, никто за него не вступился. Визирий утопил его в дерьме собственных лошадей.

За что? За то, что парень отказался отсосать одному из его стражников. Мелкого поваришку, больше года прислуживавшего местной хозяйке, убили за то, что запрещала церковь, осуждало столичное общество. Но Визирию не было никакого дело до столицы и уж тем более бога. Где был все эти годы бог, пока зорфы грабили и убивали его людей, а они в свою очередь их? Почему он должен бояться того, кого не может увидеть или услышать? Бог — миф. Колда Эсва не верил в бога, считал его ненастоящим, в отличии от тех голосов в его голове, что не раз спасали старого Герцога во время тяжёлых битв.

Ярость гор, снадобье созданное великим шаманом, даровало правителю возможность слышать голоса его давно умерших предков и бывших товарищей, павших от клинков и болезней. Никто из них не попал в рай, не отправился в ад. Эсва видел их, своих мёртвых братьев, видел отчётливо, как и лица убитых им лично Зорфов. К числу которых добавился и непослушный щенок, чей дух, расположившись у конюшни, осуждающе глядел в его сторону.

«Ты поступил правильно сын, эти твари должны помнить кто они, а кто мы...» — Внезапно послышался в голове Визирия, знакомый, строгий и басистый голос.

— Я согласен с тобой, отец. Конюх, убери это с глаз моих... — Поднявшись и протерев рукавом огромную залысину на макушке, рыкнул мужчина, а после, поправив последние, длинные волосы росшие и отращаемые им на висках, двинул обратно в таверну, где ему ещё предстояло решить участь верещавшей суки, давшей жизнь этому ничтожеству. Отдать её своим парням, а после убить слишком просто и милосердно, нужно сделать так, чтобы трактирщица, пожалевшая это отродье, надолго запомнила как следует воспитывать свой скот...

Не успела залысина Визирия спрятаться под козырьком Крысиной норы, как сквозь водяную стену тому в глаза бросилась фигура одного из его сотников, дежуривших сегодня у городских врат. «А четырнадцатый куда быстрее на подъём чем первый...» — С ходу смекнул что к чему Визирий. Большое войско за столь короткий срок четырнадцатый сын великого императора не сумел бы собрать. Также, Эсва не особо рассчитывал на помощь Августа, остро нуждающегося в людях для победы над вторым принцем. Август точно не решит разделить своё любимое войско, и тем более не доверит часть «сокровище империи*» в руки молодого Карла.

Три тысячи — ровно столько упоминалось в весточке, отправленной ему помощником и правой рукой четырнадцатого, достопочтенным магом Гвинием, к волшебной персоне которого Визирий питал истинное

уважение.

«Три так три»... — Вспомнив о магии и всех тех вещах на которые та способна, прямо под дождём предался приятным воспоминаниям Эсва.

Все маги и колдуны способные творить «чудеса» были достойны лучшего приёма в городе Колд, ибо именно к магам Эсва питал наивысшую слабость, а верней, слаб он был к молодым волшебницам, чья сила зачастую превосходила личную силу матёрого воина, любившего покорять неприступные крепости.

Сколько молодых ведьм он упокоил в этих лесах уже и не вспомнишь, однако, каждая, плачущая, стонущая или кричащая от боли или ужаса, всегда была для него как первая и единственная. Прознай об этом его «маленьком» увлечение Церковь или не дай бог сами маги, дескать, Визирий убивает молодых волшебниц, списывая их на смертность во время боевых действий, то живым выбраться бы не удалось, а так...

— Надеюсь, принц прибыл не с пустыми руками... — Рассчитывая увидеть в гареме павшего четырнадцатого хоть кого-то достойного, облизнувшись, поправил свою длинную чёрную бороду Визирий, а после отдал приказ:

— Найдите с десятков лучших рабынь. Половина чтоб не тронутая, а другая умелая, и чтоб все с зубами, городские любят кусающихся... — Усмехнувшись, прикрикнул в дождь Визирий. — Также, пусть всех обмоют, обстригут когти и выбреют снизу.

— Зачем брить, ваша светлость?

— Мне почём знать, маг упоминал в письме подобное требование. Сказали сделать, значит сделаем... С таверной для приёма я сейчас сам всё организую, ну а ты, дуй в казармы, пусть наши парни двигают ко второй крепости, а мы пока часть у нас под крылом разместим и это, на всякий случай, передай, чтобы прибрались в моей резиденции, вдруг наш городок окажется для принца слишком суровым местом.

— Но ваше сиятельство, там же...

— Чтобы к вечеру там уже ничего и никого не было, ты меня услышал?

И без того бледное, мокрое лицо сотника стало ещё блее. Трупов и ещё живых игрушек Визирия в подвалах насчитывалось больше двух десятков: мужчины, женщины, зорфы, эльфы и даже ученицы из числа молодых волшебниц и ведьм.

Сотнику предстояло не только убрать тела, но и убедиться в том, что все его подчинённые помнят свои истории и ознакомлены с тем, как нужно себя вести при весьма жестоком и чем-то похожем на самого Визирия принце.

Ранее, его господин и словом не обмолвился о такой возможности, а теперь... «Об этом стоило предупредить заранее, ваша светлость!» Опустив голову и проклиная пристрастия своего правителя, кричал в себя мужчина, глядя вслед удаляющемуся господину, на указ коего только и смог что негромко произнести:

— Будет исполнено...

Сокровище империи — Август в разговорах с Визирием часто так называл своих подопечных и гвардейцев, в лице которых и видел истинную мощь созданной его предками империи.

Куда я блять попал?!

Именно с этой мыслью я, стоя по колено в грязи, наблюдал как моя прислуга, вместе с гвардейцами и обычными солдатами извлекает из разбитой дождями дороги карету и последующие, шедшие за ней обозы снабжения.

Тракт закончился ещё вчера; по-началу, пока Гвиний при помощи своей магии по моему же требованию укреплял дорогу холодом и льдом, всё было не так уж плохо, но когда его силы иссякли, начался полнейший пиздец. В низинных переходах образовывались настоящие озёра, двигаться в которых моим солдатам приходилось по пояс в воде. В некоторых местах преградой для нас стали новообразовавшиеся из ручьёв реки, что из-за обильных осадков вышли из своих скромных берегов. Я лично видел, как один из мелких оруженосцев, прислуживающий окружавшим меня аристократам, чуть не сгинул с оружием своего господина, когда вода из-за роста мальчишки достигла носа.

Как снабжать армию в таких условиях — непонятно. Точно так же как и непонятно, почему на картах вообще никак не упоминались эти реки, способные стать как щитом, так и смертельным оружием. Почему никоим образом не выделялись внезапно появлявшиеся у дороги каменные холмы, оползни с которых засыпали низменности и дорогу шедшую вдоль них. Мне говорили, что мы идём сражаться в степь, но если это степь, тогда почему леса здесь ничем не отличаются от лесов в империи, и откуда в чёртовой степи горы?!

«Магия»... — Пожимая плечами, на полнейшем пофигизме ответил мне старик Гвиний, слишком уставший от преобразования дорог и прочих моих расспросов и просьб. Магнус, в свою очередь с усмешкой на мою излишнюю озлобленность на местных картографов пояснил: «На востоке нет дорог, есть только направления». — Все мои карты помогали лишь для определения движения к нужным мне городам, всё остальное узнавать в будущем придётся при помощи старой доброй «конной и пешей разведки».

Это стало для меня максимально ужасной новостью, ведь вполне возможно, что нам, кроме как с зорфами, придётся воевать ещё и с эльфами. Воевать с Эльфами, в ЛЕСУ!

— Ой блять... Я думаю меня уже сегодня ничто не удивит... — Глядя на то, как мои подданные всё же умудрились победить грязь и вытянуть из её объятий карету, массируя виски и пытаясь расслабиться, стал ждать, когда же мы наконец преодолеем последние мили до города Колд.

Двумя часами позже.

— Ваше величество, рад видеть вас в добром здравии! — при одном лишь виде моей вынырывающей из кареты персоны, басом приветствовал меня незнакомый, бородатый старик, с огромной залысиной на макушке и длинными, слипшимися от дождя волосами по бокам его пухлой головы.

Стоило мне сделать лишь шаг в сторону незнакомца, как тот, словно мелкий аристократ, опустившись на колени, не боясь грязи поклонился.

— Визирий Колда Эсва, — развеяв мой немой вопрос, представил мне человека Гвиний.

— Карл Людвиг Мидчел Четырнадцатый. Прибыл на усиление восточных границ. Поднимитесь почтенный Визирий. Человеку с вашими заслугами перед короной не к лицу так долго стоять преклонив колена, да ещё и под таким дождём...

На лице здоровяка блеснула демоническая улыбка. Мои слова пришлись тому по вкусу. Встав в полный рост, тот наконец-то поднял голову, и в ту же секунду я понял, почему Гвиний называл Ярость гор — «цветным ядом». Глаза Визирия, они казалось бы светились. Мягкий, синий свет исходивший от его глазниц заставлял кровь стечь в жилах. Этот взгляд, улыбка, нервное подёргивание плечами и пальцами рук. Всё в этом человеке казалось ненормальным.

— Ваше высочество, к сожалению в нашем городе не так много достойных вашей персоны мест, поэтому, не откажите ли трапезничать в одной из лучших таверн города Колда? — «Я и сам не планировал останавливаться в далёких от места своего обитания резиденциях. Это требовалось для как можно скорейшего налаживания городских инфраструктур и улучшения быта, как моей армии, так и самого приграничья, чьё уважение и любовь мне ещё только предстояло завоевать».

— Оставьте резиденции и балы смазливим столичным мальчишкам, коим надеюсь вы меня не считаете, — проговорил с насмешкой в голосе, а после добавил: — Я привык жить среди своих слуг и подданных, пусть ваши ребята покажут командиру Магнусу местные возвышенности, где они смогут стать лагерем. Как только воины наконец-то разместятся на долгожданный отдых, я буду полностью в вашем распоряжении.

— Хо-хо... Какое благородство, вы приятно удивляете меня, Карл. Редкий правитель сначала заботится о слугах, а после и о себе. Теперь я понимаю, почему Благословенный Август прислал именно вас в эти богами забытые земли, — рассмеявшись и пройдя рукой по своей длинной бороде, проговорил Визирий. — Не

переживайте, сегодня вашим людям не придётся спать под дождём, на ветру и голой земле.

— Очень щедро с вашей стороны, — задумавшись, «а где же Эсва планирует разместить три с половиной тысячи моих воинов», отозвался я.

— Ну что вы, это меньшее, что я могу сделать. Кстати, вы когда-нибудь пробовали наш народный, восточный напиток? — по-дружески указав рукой на карету, предлагая уже отправиться к таверне, спросил Визирий, намереваясь сесть вместе со мной.

Августа нервничала, точно так же как и Гвиний. Редкие, а самое главное проверенные люди достаивались права ехать со мной вместе, от того, моя личная гвардия не на шутку забеспокоилась.

— Нет, не пробовал, уважаемый Визирий. — Поднявшись первым, а после, жестом предложив тому сесть напротив, глядя на его перепачканные грязью сапоги и штаны, проговорил я. — Должно быть, это какое-то местное вино, эль, или быть может медовуха?

— Ха-ха, нет ваше светлость, не угадали. Оно называется Пиво...

— Пиво?! — вспомнив приятный, хмельной вкус пенного напитка из моего прошлого мира, не скрывая удивления и внутреннего восторга выдал я, даже и не рассчитывая, что мне когда-то удастся вновь пригубить приятный, одновременно лёгкий и терпкий напиток.

Визирий вновь заулыбался. Кивая головой, он начал пересказывать всё то, что уже крутилось у меня в уме и на языке. Аромат, некоторые «не секретные ингредиенты», и то с чем его лучше употреблять. В этих, казалось бы, дружественных разговорах, я было дело стал забывать кто сидит перед мной, быть может даже и забыл бы, если бы не эти чёртовы, демонические, всепожирающие своим безумием глаза.

Карета медленно двигалась по разбитой и утопленной в грязи дороге. То и дело мы где-то застревали, после чего, наша с Визирием личная стража принималась вытягивать нас из очередной местной ямы, о заделывании которой своевременно никто не позаботился. Вокруг, не взирая на проливной дождь бродили горожане, даже торговцы, пусть и немногочисленные продолжали вести свои дела на площади, выкупая по пятьдесят и больше местных рабов, стоявших стройными рядами на местном эшафоте. Количество закованных в цепи поражало: ни в Нивграде, ни даже в Столице я никогда не видел такого числа рабов и конвоирующих их стражников. Множество незнакомых мне родов представляли в этом городе себя при помощи нашитых на спины гербов и символов, относивших их к империи, и не только.

— Дворфы? — глядя на пузатых коротышек, щедро отсыпавших золото и о чём-то оживлённо споривших с работоторговцами, спросил я.

— Вы о горных карликах? — глянув в окно переспросил Визирий, а после кивнул. — Да, у нас их любят, и мужики, и шлюхи, ха-ха-ха. Пусть вас не смущает их рост, эти ребята самые настоящие люди, просто с короткими ножками, и тем, что у них между ног. К тому же, они очень щедры, когда вопрос касается закубки выпивки или рабов.

— Дворфы покупают рабов? — из рассказов Гвиния, этот народец никогда не пускал посторонних в свои шахты. К тому же, я никогда не слышал о том, чтобы они вообще использовали рабов в каких-либо производственных целях.

— Да, но правда не всех. Их мужчины прибывают к нам за эльфийками. Война горных карликов и Эльфов длится уже больше нескольких веков. Жители этих двух народов скорее прирежут себя и своих детей, лишь бы не попасть в плен к врагу. Поэтому, все желающие приобрести редкий трофей отправляются к нам.

— Я думал у нас с ними было временное перемирие, до того, как они объединились с зорфами, — в очередной раз не понимая что и как тут, произнёс я.

— У нас да, а у работоторговцев нет. Эльфы очень ценны для карликов, как говорят купцы: «спрос порождает предложение». Слышал, что местные бандиты совершили очень удачный рейд в их молебную рощу, где застали почти полторы сотни длинноухих в самый разгар их какого-то там ритуала. Мужчин перерезали, а их детишек и длинноногих шалав отправили к нам. Говорят, что сам Принц Гор собирается посетить нас для столь дорогой сделки и покупки длинноухих пленников. С их помощью он собирается провести обмен военнопленными, по крайней мере так местные купцы говорят...

В словах Визирия я услышал сразу две новости. Хорошая — высокотехнологичная раса, обладающая наилучшей сталью, собирается посетить это богом забытое место, плохая — после того, как эльфы узнают о том, что сделали люди, бить нас они будут с двойным остервенением.

Постоянно застревая в грязи, карета медленно двигалась по большому кругу города Колд. С подачи всё того же толстяка бородача, в его «прекрасной» компании я «любовался» местными «достопримечательностями», в число которых входил: выстроенный целиком и напоминавший крепость суд; трёхэтажное строение, носившее названия Ливия, что, как я понял, служило чем-то на подобии «штаба» местному магическому ордену, коим сильно гордился Колда Эсва; ну а после, в самом конце его любимая «Алея славы».

Вдоль разбитой, узкой дороги, где едва могло поместиться в ширь две повозки, разместилась целая улица застроенная бараками, у каждого из которых стояла выбитая из камня статуя.

— Загоны с животными, ну, то есть зорфами. — Горда подметил Визирий. — Каждый из загонов охраняет десяток солдат, а также, дух великого воина и почтенного предка востока. Все они, день и ночь следят за порядком, а также за тем, чтобы грязные животные знали, кого должны бояться и уважать.

— Герои не умирают, они уходят в тень... — Видя как из ангаров, на улицу, под проливной дождь выгоняют всех закованных в цепи обитателей, до меня наконец-то дошло, где именно собирался разместить моих солдат местный правитель.

— Точнее и не скажешь, ваше сиятельство! — усмехнувшись, кивнул старик, а после добавил: — столь мудрые слова достойны быть выбитыми на камне.

Женщины, мужчины, дети... Из разговора с тем же Визирием я понял — его люди не брали в плен всех, кто казался им пожилыми или старыми. Не разбираясь кто в чём силён и как порой полезен старый человек, они резали всё что не годилось для ручного труда, или того, чтобы ими пользовались как-то по другому. Голые, местами едва прикрытые грязными обрывками ткани, рабы напоминали пленников далёкого прошлого моего времени. Однажды я видел в документалке фото уцелевших в Освенциме, и сейчас, эти бедные зорфы выглядели не чуть не лучше. Глядя на их худые, костлявые тела и переполненные ужасом глаза, моё сердце сжалось.

Будь здесь только мужчины, быть может даже вместе с женщинами, я бы просто отвернулся, но... Чёртов мир в очередной раз принялся дразнить меня. Оставь я людей под дождём, это стало бы слабостью в глазах Визирия. Запихнуть всех в один барак тоже нереально, исходя из размеров построек; я чётко понимал, что они и так там располагались один на одном. Требовалось причина для улучшения их условий содержания. Но только какая?

— Скажите Визирий, зачем их выгоняют на улицу? — строя из себя дурочка, спросил я. А после, в очередной раз, в слух об хаял местную дорогу, из-за которой чуть не прикусил язык.

— Ну разумеется, чтобы ваши люди могли занять их койки. Ваша светлость, спать на соломе, да под крышей, куда лучше, чем на земле и под дождём. К тому же, здесь рядом есть таверны, где парни смогут выпустить пар, и плац, чтобы по утрам не ржавели и дело воинское не забывали, — деловито заявил Колда Эсва, продолжая накручивать на указательный палец кончик своей бороды.

— А куда разместят рабов?

— Пусть мокнут... — Отмахнувшись от этого вопроса, шикнул бородач. — Меня волнуют только жизни граждан империи, а эти лишь товар... Жаль, конечно, что от испорченной части придётся избавиться, но, тут уж ничего не поделаешь. — Косо намекнув на свои возможные убытки, заявил мужчина.

— Сколько всего в Колде рабов? — пытаюсь прикинуть возможную смертность и расходы, которые могут лечь на плечи Визирия, спросил я в надежде, что мне удастся хоть отчасти облегчить участь трясшихся на холоде зорфов.

— Хм... — задумался Визирий. — Шесть-семь тысяч, не больше. Сейчас, с уходом вашего брата Августа, восток переживает не лучшее время. А вот ещё полгода назад, эх... мест даже на улице не хватало, порой приходилось резать самых буйных, что бы на их одну — две койки поместить пятерых или шестерых покладистых и смирных. Весёлые были деньки.

«Да уж, веселее некуда».

Из дальнейших разговоров с Колдэ Эсва понял его намерения и планы. Моё регулярное воинство, вместе с гвардией и лучшей сотней Магнуса, намеревались разместить в местных казармах. Ополченцев и недавно завербованных собирались расположить в рабских бараках, ну а рабов Эсва действительно планировал оставить под дождём. Показав, что данная затея мне не по вкусу, и что я очень переживаю за целостность его товара, предложил тому поступить немного иначе.

Отметив ужасные местные дороги и пышные леса вокруг города, из-за которых сложно было распознать прятавшуюся в чаще угрозу, предложил Эсве, при помощи бесплатной рабочей силы подправить городок. Хотя бы на первое время я намеревался избавиться от вязкой дороги путём заваливания и закидывания ям деревянными досками. Дорого, недолговечно, но зато практично. Ведь с текущим положением дел, даже логистику внутри города, невозможно было наладить.

Визирий, отметив, что смыслящих в этом людей, в его городе нет, предложил мне самому заняться обустройством его же города. По нейтральному взгляду мужчины я понимал — местного правителя всё устраивало, а меня же, в свою очередь, устроило его решение отстраниться от дел и позволить мне делать с его рабами всё что заблагорассудится. Так, получив в своё распоряжение пять тысяч из приблизительно семи тысяч рабов, я мог спокойно расположить оставшуюся под дождём часть зорфов в своих походных шатрах, вокруг которых дежурили бы мои люди и люди Эсва. Пусть и ночевали бы те один на одном, да и попкой к попке, но, как говорил тот же Визирий — «зато не под дождём».

Сейчас на улицах мокла лишь половина от названного мною числа, а значит, пока одни будут работать в лесу, у других будет возможность хотя бы погреться в шатрах, коими я щедро планировал наградить моих будущих лесорубов.

К тому же, с отправкой тех на вырубку, у нас появлялся дополнительный повод лучше подкармливать рабов, а у самих же зорфов, появлялась возможность находить себе дополнительные источники питания в виде всяких там корешков, трав, ягод и прочего, чем местные не брезговали питаться. А ещё, в добавок ко всему, у нас появлялась лишняя древесина, острый дефицит которой чётко ощущался в центральной части империи и в том же Нивграде. Конечно, просто так мне её никто не даст, но ведь и я помогал Визирию и его городу не по доброте душевной. И, разумеется, по окончании работ в городе Колд, я мог законно потребовать свою плату, и тот, как мой фактический подчинённый, не мог мне в ней отказать. Именно по этой причине Визирий каждый раз, когда слышал от меня, о тех или иных проблемах Колда, резко принимался воротить носом. Ведь после каждого возможного мною предложенного решения его проблем, я постоянно принимался жаловаться и напоминать тому об острой нехватке рабов в Нивграде.

Он не хотел платить мне за труды золотом или рабами, не важно. Эсва был тем ещё скупердяем, ну а я... Я, как и он прекрасно понимал, что Визирию за труд заплатить придётся. Вопрос только в том, какого размера будет плата. Ведь если мне удастся впечатлить его парой тройкой производств, возникших в его же городе, сумма, которую я мог с того запросить, могла возрасти до небес. Здесь, пока Визирий ещё жив и является моим союзником, на огромных просторах его земель я видел опасность и возможности.

Ворчливый старик же не мог глядеть дальше своего носа, или пуза, с болтавшегося на нём меча. Эсва мог быть кем угодно — сильным стратегом, генералом и прославленным воином, может быть на востоке он даже удостоился бы звания героя, но только не хорошего управленца и толкового правителя. Я видел это в лицах обычных людей, тех редких граждан сновавших под дождём, по своим делам. Все они с ужасом поглядывали на карету и видя в отражении стекла самого Визирия, в тот же час падали на колени, в грязь.

Здесь все его боялись, и, казалось, страх этот был куда сильнее, чем тот, которым награждали меня даже обычные жители столицы, знавшие о моём прошлом.

Глава 34 — Так кто же ты Визирий? Друг или Враг?

«Он и вправду притащил меня в таверну?!»

Ступая в заведение с новыми, только повешенными дверьми, от коих прям несло не успевшей просохнуть древесиной. Не скрывая своего удивления, граничившего с восторгом, обвёл пустующее заведение своим «царским» взглядом. Просторный кабак, множество новой мебели, и даже свежо покрашенные известью стены. Множество раз я мечтал посетить подобное заведение не скрывая своего чина и статуса, поглядеть на удивление местных, коим я бы пафосно мог выдать кто я и что из себя представляю.

Первая часть моего желания осуществилась, вот, принц Карл собственной персоны, а вот вторая... Не хватало перекасти поля, гуляющего по столам, что описать всю безлюдность и ту тоскливую обстановку, царившую внутри.

— Мой специальный для вас подарок, уже проверяется уважаемой Августой и Гвинием, желаете сразу его принять, или, быть может, после ужина? — давя свою ехидную лыбу, спросил Визирий.

— Сначала пища и дела.

Сев за набитый едой стол, велел дежурившей рядом трактирщице нас покинуть. Вопрос повстанцев и их устранения меня по-прежнему беспокоил. Пусть я уже и отдал приказ на начало «операции», но мне всё же стоило узнать мнение второго человека Востока, без чьей поддержки мы точно не выступим в сторону мятежных городов.

Колда Эсва внимательно слушал мой план, и каждый раз, когда разговор заходил о магии, религии и прочем, как-то недобро хмыкал. Глядя на его лицо, я не мог понять о чём тот думает, ровно до того момента, когда пузатый великан сам не принимался говорить.

— Вы такой же как и я, принц Карл, — за этими холодными словами, выпущенными с оглядкой по сторонам и в пол голоса, последовала дрожь. Моя дрожь. — Вы видите религию как инструмент, не чураетесь прикрываться ей, готовы отдать жителей целого города в лапы смерти, прикрывшись именем бога. Я поражён... Безусловно, я считаю этот план гениальным!

Мощно зарядив кулаком по столу, рыкнул Визирий, и в очередной раз оглянувшись куда-то мне за спину добавил:

— Жаль, что мне подобное на ум не пришло...

— Значит, в случае надобности я могу рассчитывать на вашу помощь?

— Помощь? Я, как мой отец и отец моего отца жизнь отдам за вас и империю. Да славься великий род Мидчелов, да будет жить империя вечно! — вскочив и едва не опрокинув на меня стол своим большим пузом, рывкнул Визирий, подняв над головой кувшин с пивом.

— Славься Империя, славься наш император Август, — поднявшись из-за стола, глядя в глаза своему собеседнику, а теперь и поддельнику по кровавой расправе, проговорил я. После чего наши кувшины ударились, а содержимое, переливаясь из сосуда в сосуд, разлилось по еде и столу.

Беспринципный фанатик, психопат, верный до глубины души первому принцу, убийца и тиран. Я пил с человеком, окажись врагом для которого умер бы в ту же секунду, причём уверен, что не самой лёгкой и банальной смертью. Возможность его устранения осложняла такая же вера Августа в Эсву. Казнить того за предательство невозможно, поступи я так, последствия нагнали бы меня очень и очень скоро. Заказать убийство Эсвы также было проблематично. Ливия, кантора каких-то второсортных местных магов, вполне могла предоставить очень известной личности свои услуги. Если попытка убийства провалится и мой агент, в роли той же Хивары, попадётся, кто знает, что враг успеет выведать перед тем, как она умрёт. Обычному же человеку доверять подобное и вовсе я не собирался, со слов того же Магнуса и его подопечных, Визирий спокойно мог сражаться с двумя, а то и тремя хорошо обученными воинами одновременно. Несмотря на свою внешность, он являлся первоклассным воином, чья смерть после моего появления точно вызвала бы ненужные вопросы и проблемы.

Единственным вариантом избавиться от того, являлось выдача непосильного задания и банальная подстава. «Никто не сделает этого кроме тебя и твоих воинов», а после в самое пекло. Выживет — найдём ещё врагов, на востоке таких полно. Нет — значит нет. Покончив обсуждать тему мятежников и методы, коими Эсва вместе с братцем боролся против зорфов, предложил тому впустить в таверну самых преданных и лучших людей, «для знакомства» так сказать.

И вновь бородатый старик с усмешкой на лице принимает моё предложение, в добавок которому, обмолвившись парой слов с одним из стражников, вызывает для воинов и их хозяев дополнительные развлечения.

Молодые Зорфские женщины в более менее сносных нарядах были заведены в зал сразу после знатных господ и их прислуги, молча разместившейся рядом. Изголодавшиеся по женщинам аристократы прислуживавшие мне в походе, поправляя свои рубахи, со звериным взглядом глазели на местных зорфских красавиц, что сейчас, стоя на коленях у стены, по приказу того же Визирия, оголили свои спелые и сочные груди.

— Совокупляться с иными видами на территории империи строго на строго запрещено запрещено, — как и

положено правителю, попавшему в поле зрение знати, проговорил я. А после, видя как раздосадовано косятся на меня прикусив губы недовольные аристократы, менее звучно добавил:

— Вот только мы сейчас по факту на границе... Зорфы ведь по-прежнему считают эти земли оккупированными, то есть своими, а значит, как и положено воинам империи, мы должны заставить тех признать своё поражение... — Не договаривая, сделал глоток я и словно не видящий и не слышащий, отвернулся от женщин. Позади нас с Визирием послышалось радостное хихиканье, а некоторые, самые смелые, даже позволили себе присвистнуть. Разумеется, были здесь и недовольные, однако, никто из них не решился встать между голодными до женских тел мужчинами и их законными трофеями, за которыми они сюда, собственно, и прибыли. — Только без убийств и крови, парни, — глядя, как один самый «высокородный» прихватив одну из местных женщин за волосы без повода замахнулся, добавил я, — у меня сегодня нет настроения слушать крики и видеть слёзы.

— Предпочитаете робких и покорных? — увидев в моих словах неуместную мягкость, отвлёкшись от женщин и выпивки спросил Визирий.

— Нет, просто тем самым подогреваю собственный интерес перед главным, предоставленным вами главным блюдом. Самое приятное напоследок... — Глядя, как внезапно, не с того не с сего начали трястись руки Колда Эсва, проговорил я. Заметив мой взгляд, мужчина тотчас, нервно улыбнувшись, повернулся ко мне боком и жестом подозвал к себе одну из рабынь, после чего поспешно спрятал кисти в своих карманах. Прошло почти пол дня с момента нашего с ним знакомства, а мужчина при мне ни разу не позволил себе употребить Ярость гор. Хотя с чего бы ему сейчас ей закидываться, эта трава призвана усилить боевую мощь воина, и встретить он меня под ней, мы могли бы неправильно друг друга понять.

Эсва пил много, явно пытаюсь как можно скорее охмелеть: его жесты и фразы, становились более отрывистыми и резкими, пусть он всеми силами, подобно умелому наркоману, и пытался их скрыть. Для меня, человека приблизительно ожидавшего чего-то подобного, ему утаить такие перемены не удалось.

— Вы позволите? — когда одна из рабынь подошла к нашему столику, спросил Эсва, и я, думая, что тот собирается с ней уединиться кивнул, а затем, жестом подозвал одного из дежуривших у лестницы бойцов Магнуса.

— Передай командиру, пусть соберёт своих лучших ребят, разобьёт на команды, а после, приставив к каждой из групп по бывалому авантюристу, отправит в разные стороны от города, — негромко отдал тому приказ я. Не смотря на то, что мои разведчики уже давно ушли от Колда по трактам вперёд, я намеревался помимо основных путей наступления врага, перекрыть и все остальные. Колд, основной перевалочный пункт для работорговцев, а значит, именно с налёта на его ангары с рабами следовало начинать нападение врагу. Или, по крайней мере, я так думал, попутно размышляя, как лучше разместить всё тех же рабов на просеках во время их работ.

— Что прикажете искать, господин? — поинтересовался стражник, поправляя форму.

— Всё. От подозрительных следов, до возможных мест стоянок нашего врага или бандитских шаяк. Пусть Магнус лично изучит всю местность вокруг Колда. Отправьте людей в непроходимые болота, холмы, нагорья, леса и пещеры. Особенно пусть уделят внимание изучению болот и троп, идущим вдоль топей и скал. Также, у каждого из подозрительных и потенциально опасных мест поставить по наблюдательному посту. По пять человек, отчёты ежедневные, если не дай бог пропадёт связь — информировать сразу же меня. Всё понял?

Глядя в расширившиеся от удивления глаза обычного стражника, спросил я.

— Понял, ваша сиятельство, — пересказав каждое моё слово, произнёс тот, а после удалился.

«Повезло, толковый малый», — обратив внимание на странный звук, доносившийся из-под стола, закончив с «связным» обернулся я и прифигел. Визирий и не собирался куда-либо удалиться, и сейчас под его столом в четыре руки орудовали две очень и очень заводные зорфки, от одного взгляда на лица которых у меня внутри всё стало закипать.

Глава 35 — Эдвард по прозвищу Филин

— Не успела! — сильный удар Энегвы пошатнул вековой дуб, стоявший у лесной опушки, расположившейся южнее города Колд. Легион полуэльфийки, матери пятого легиона, проделал, казалось бы, невозможное. Неся огромные потери, она заставила своих кошек проплыть через заливные луга Захрии; отобрав самых сильных, ускоренным маршем она рвалась до проклятого города Колд, в надежде попасть в него раньше, чем имперцам придёт помощь. Они не шли — бежали, но всё равно не успели.

— Как и говорила великая Отару, боги отвернулись от нас, — видя, как из ворот малыми группами в разные стороны отправляются отряды имперцев, произнёс центурион, за мантию оттягивая свою госпожу обратно в лес.

Энегва не спала уже больше семи ночей. За время похода от шести тысяч её зорфов осталось всего пять. Три сотни унесли луга Захрии, семь — болезни и раны, которые те не в силах были исцелить во время ускоренного марша. Тысячи её воинов отдали жизнь ради их скорейшего прибытия к стенам этого города. К великому сожалению, их смерти оказались напрасными...

Сейчас, всё её пятитысячное войско, разбившись на тысячи, окружило Колд с пяти сторон и ждало её приказа. Для штурма, этой армии и раньше бы не хватило, ну а сейчас, когда врага внутри почти столько же, сколько и их снаружи, тем более.

Отару говорила ей, предупреждала, что здесь великая воительница встретит равного себе по опыту и силе, но Энегва, в своё время сумевшая перехитрить самого Августа, не верила в это. Не верила, что среди людей есть хоть кто-то с таким же опытом познания мира и его потребностей.

«Взгляд его парит над полем боя...» — Когда все её люди пристально вглядывались в отряды вражеских лазутчиков, двигавшихся по земле, словно мантру цитируя слова Отару, вглядывалась в пасмурное небо Энегва. «Быть может, дождь это и не проклятие вовсе? Возможно ли, что наконец-то сами боги решили им помочь, забрав у их демонического врага глаза, парившие под облаками? Быть может, именно сейчас, когда враг слеп, ей требовалось быть решительной и сильной как никогда ранее. Под покровом ночи, малой группой проникнуть в город, отворить ворота и освободить сестёр, и после вместе с ними попытаться захватить проклятый Колд, ставший одним большим рабским ошейником для всего народа Зорфов». Именно этим вопросом задавалась смуглая полуэльфийка, в десятый раз нервно расплетая и перезаплетая косу, попутно пытаясь наконец-то решить, как же действовать дальше.

«Не воин, но сражается с мечом; не стратег, но правит войском; не бог, но способен видеть с небес и бродить среди живых»... — Перебирая изречения Отару, ломала голову над непосильной для себя загадкой Энегва. На ум правительницы приходило множество ответов, порождавших ещё больше вопросов. Что ты такое — враг мой, и как я должна сражаться с тем, чего не понимаю?!

— Госпожа, скоро начнёт светлеть, армия ждёт вашего приказа, — подгоняя и без того запутавшуюся команду, торопил ту с принятием решения центурион.

— Враг только прибыл, недавно мы видели, как часть его войска отправилась в следующий город. Возможно, прибывшие три тысячи также отдохнут и маршем пойдут дальше. Так что пока подождём, подай магический сигнал остальным, вели отступить в чащу леса и ждать до завтра, — не решившись действовать, тяжело вздохнув, отдала команду Энегва. Сегодня командующая собиралась выспаться и набраться сил, и уже завтра, на свежую голову принять окончательное для себя решение.

Маленький лучик света тусклым блеском озарив листья старого дуба устремился в небо, а после, в облаках блеснув одинокой звездой, растворился среди туч. Ожидавшие его зорфы получили свою команду, но помимо них были и те, кто точно так же, с надеждой увидеть необъяснимое, глядели в затянутые тучами небеса.

Эдвард Флин, по прозвищу угрюмый филин, бывший авантюрист, присоединившийся к сотне Магнуса по рекомендации своих же товарищей, что первыми поступили на службу четырнадцатому принцу, долгие месяцы ждал возможности отличиться. Его заурядная способность различать в небе любые предметы, что в разведке, что в поиске виделась его командиру бесполезной. Так же, Филин не отличался хорошим владением мечом, копьём, луком или картой. Единственное, что мог заурядный авантюрист, так это сутками напролёт глядеть в небо, запоминая в нём всё. Положение солнца, луны, звёзд, что со временем менялись, и, конечно же, птиц, коими тот мог любоваться часами напролёт. Филин не был художником, но считал небо своим холстом, на котором мог знать и видеть всё, тем более магию и магические сигналы, отличить которые для него, человека с богатым опытом приключенца и авантюриста, не составило большого труда.

«Эльфийская магия», — руки Эдварда в предвкушении затряслись, не поверив своим глазам приключенец проморгался. Всё как и тогда, когда он с командой из гильдии искал пару беглых эльфов, связывавшихся между собой при помощи подобной магии. Такие же линии, блеск и вспышка, которую из-за плотности облаков невозможно увидеть в дождливое небо.

Мужчина знал о щедрости четырнадцатого принца, и о том, с какой благосклонностью он относится и благодарит всех принёсших ему пользу, и теперь, когда больше сотни мужчин, включая знаменитую «имперскую гвардию» в пустую тратят силы и ищут врага на земле, именно он, простой боец наёмной сотни, владея «заурядной», как сказал его командир способностью, распознал самого ненавистного его принцем врага прямо у Колда под носом. И теперь, именно он принесёт своему господину весть, способную переменить ход не только сражения, но, возможно, и целой компании! А быть может, даже сам принц Карл, наследник солнцеликого, вознаградит его одной из своих наложниц, золотом, а быть может вдобавок ещё и титулом с землями!

«Блять, да теперь я самый настоящий герой!» — дождавшись момента, сулившего изменения во всей его жизни, с радостью спрыгнул с крыши казармы Эдвард, попутно едва не приземлившись на старый, ветхий забор, на который тот лишь чудом не наскочил.

«Быстрее, нужно бежать быстрее...» — сломя голову несясь по незнакомым для себя улицам в поиске господина, про себя повторял Филин, попутно расспрашивая местных караульных о том, где сейчас может находиться принц Карл.

Местная голубоглазая стража отличалась особой несговорчивостью. Первая пара, дежурившая у ворот, пожалев плечами указала куда-то в сторону центра города. Вторая же и вовсе промолчала, послав ночного гуляку куда подальше. Матеря весь белый свет и свою нелюдимую натуру, Эдвард пытался вспомнить о чём последнем он говорил с одним из своих знакомых, занявших роль десятников в двух других отрядах...

— Сука, старую эльфийку мне в тещи, куда же мог запропасться принц со всей своей свитой...»

— Принц, вы о господине Карле? — проходившая мимо парочка стражников, особо выделявшихся на фоне ночной темени своими голубыми глазами, слегка напугала Филина. Нервно дёрнувшись и выругавшись, тот кивнул, а после поспешно сообщил, что у него важная весть для господина.

Переглянувшись, пошатывающиеся стражники, почесав затылки пальцем, указали куда-то за врата. Куда-то в сторону, за стену, приблизительно в ту же сторону, где Филин увидел сияние.

— Ну, по-любому же принц должен быть в месте положенному принцу. Он же принц, а не не принц... — Воин явно был под действием Ярости гор. Глаза расширившиеся, руки набухшие, на кистях проступили вены от ускоренного кровотока. Эдвард понимал это, точно так же, как и то, что его повышению точно так же, как и самому принцу Карлу сейчас угрожает огромная опасность.

— Тревога! — взревел воин во всё горло, — тревога, принц в опасности! — ещё громче, словно после разогрева взревел тот во всю глотку, от чего, будто по команде, все окна на улице стали распахиваться, а из них одна за другой начали показываться любопытные головы. Взяв на себя ответственность, Эдвард, окрылённый желанием спасти принца, берёт на себя командование всеми местными бойцами, попадавшими тому под руку.

— За мной, принц в опасности! — не объясняясь перед дежурившим у врат конюха, схватил первую попавшуюся лошадь Филин, в след за ним точно так же поступили и бежавшие за ним стражники, для которых «взявший командование» Эдвард показался кем-то не меньше по званию чем сотник, а может, даже и целый тысячник его величества. Переглядываясь между собой, полсотни воинов Визирия, нервно глотая пыль летевшего впереди Эдварда, не понимали, что сейчас происходит. Некоторые знали о том, что принц сейчас в таверне вместе с их господином, при этом они знали и о том, что сейчас только-только заканчивалась уборка в усадьбе. Но самый главный вопрос: что значит «принц в опасности»? — никто из них не решался задать. Быть может, они просто неправильно поняли, и теперь один из семьи покойного императора их проверяет. Быть может, Карл уже знает о их грехах и деяниях их господина, и просто проверяет, кто готов замедлить его ненужными вопросами?! Сейчас, двигавшиеся позади стражники находились в смятении, никто не понимал, чего ждать от этого воина, что в одиночку, без товарищей, решил пойти против системы, в логово возможного врага без своих же союзников.

«Или герой, что по силе не уступит Магнусу, или здесь что-то не так»... — Стиснув зубы, молча двигались за Филином бойцы Визирия.

— Вон они, ловите их, рубите если потребуется! — глядя, как при виде кавалерии в сторону леса с дороги сиганули целые толпы, опасаясь, что опоздал, вскрикнул Эдвард. Не мешкая, бойцы из-за его спины тотчас устремились в разные стороны исполнять приказ. «Мёртвый никому ничего не расскажет» — так, все как они думали воины Визирия, рубя своих же вывозивших из усадьбы трупы зорфов и прочих рас.

К утру из чистильщиков усадьбы не уцелел никто. Отряд, прибывший с Филином, зачистил всех, даже тех, кто ещё находился в усадьбе. «Кто же они и что желали в резиденции Визирия»? Глядя на порубленные тела, спрашивал у окружавших его стражников Филин, но те, словно ничего не знавшие о них, лишь пожимая плечами приговаривали: «Воры, или мародёры».

— А где же принц? — понимая, что грабителям не тягают за собой тела иных рас. Хватаясь за голову и опасаясь последствий за сегодняшнее происшествие, в очередной раз задался вопросом Эдвард.

— В таверне, вместе с господином Визирием, — пояснил тому один из сотников Колда Эсва. — Господин, что же всё-таки случилось, почему вы вдруг так испугались за принца?

— Господин? — понимая, что его приняли за кого-то другого, переспросил Филин, а после, увидев под бронёй говорившего с ним аристократические символы, золотую вышивку и брошь на рукаве, нервно сглотнул. — Всё это неважно... — Дёрнув пару раз полусонной, затуманенной усталостью головой, произнёс Эдвард, — эльфы, они уже вплотную подобрались к городу, я видел их сигнал и должен доложить об этом господину Карлу!

— Понял, — тут же смекнул, что дело пахнет жареным сотник Визирия. — Зэйра, скидывай броню и стрелой к Визирию, у нас беда! — говоря об одном, и жестом требуя попутно рассказать о другом, произнёс сотник, после чего молодой боец, сбросив с лошади всё ненужное, тотчас пустил ту в галоп.

Визирий Колда Эсва.

Едва гости Визирия успели вдоволь набраться и натешиться зорфавыми шляхами, как влетевший в таверну вшивый парнишка пустил все его труды коту под хвост. Один из прислужников Магнуса каким-то образом попал на тропу, шедшую в его резиденцию. Часть из его верных людей погибла, другая скрылась.

Всё это делалось не с подачи сопляка Карла, Колда Эсва хорошо следил за мальчишкой, никаких сигналов тот не подавал, а значит, помимо четырнадцатого принца, кто-то другой копал могилу для него. Магнус вряд ли, верный пёс империи не осмелится гавкать на такого же пса войны, как он сам. Быть может Гвиний, засланец магов, или Августа, сранная церковница? «Сука, вот же сука...» — с опаской поглядывая на спустившегося в одной лишь ночнушке принца, стиснув зубы ожидал слов Карла Визирий.

— Седлать коней, две тысячи на ноги, тысячу на стены. Визирий, мне понадобятся ваши люди и лошади, — во взгляде и словах принца Колда Эсва не почувствовал какой-либо угрозы. «Быть может не сейчас, но после тот точно задаст ему ненужные вопросы». Лишь на секунду задумавшись, мужчина кивком отдаёт приказ дежурившей у входа в таверну личной страже:

— Мои люди ваши, господин, — преклонив голову, произносит мужчина, жестом подавая знак одному из своих личных слуг. «Избавься от его при первой же возможности», — едва заметным взмахом руки подаёт жест Визирий, опасаящийся человека, столь сильно похожего на него самого в молодости.

Один из лучших убийц, не раз доказывавший Визирию своё мастерство, едва заметным кивком головы, поправляет свою латную перчатку, в которой, казалось бы, обычный стражник сжимал своё копьё. «Задание принято» — говорит этот жест, на что Визирий, облегчённо вздохнув, поднимает голову и ждёт, когда принц наконец-то соизволит созвать слуг, и лично облачившись в доспехи, отправиться ловить вражеское войско.

— Хорошо, Магнус возглавит задание по окружению и поимке врага, у него большой опыт в охоте на крыс, — какая-то непонятная ирония слышится Колдо Эсва в словах принца. Видя, как-то чуть подуспокоившись подзывает к себе Гвиния, Визирий, не выдержав, спрашивает:

— Господин, неужели вы не возглавите нас в столь важный момент, ведь враг так близко, и скорее всего наша атака застанет его врасплох, а это ознаменует вашу первую, лёгкую победу. Именно это как ничто другое поднимет дух наших солдат! — Визирию требовалось выдернуть Карла из цепких и очень опасных лап Гвиния и Августы. В поле у убийцы ещё были шансы, но здесь, в городе, в замкнутом пространстве, никаких.

— Так если победа и без того обещает быть лёгкой, зачем я там. К тому же, мои парни хорошо показали себя в прошлом сражении против мятежников и хорошо знают, когда нужно наступать, а когда наоборот. Для моего беспокойства нет и малейшего повода, к тому же я знаю, что такой толковый командир как вы, не даст моих ребят в обиду. Вперёд Визирий, это ваш шанс...

«Сукин сын... Вместо того, чтобы лично расправиться с врагом, ты отправляешь меня на поле боя? Пытаешься скинуть всю ответственность на меня, делая вид, что это проверка, или серьёзно надеешься, что я не вернусь?» Понимая, что принц в любом случае получит главные лавры за победу над врагом, сжав стальную чашу в своих руках, едва не рыча как зверь, с трудом сдержался Визирий. Весь день тот строил из себя покорного слугу, уважаемого герцога и аристократа, но сейчас, под вечер, когда Ярость гор почти полностью покинула его голову, а голоса предков почти утихли, сдерживаться становилось всё сложнее и сложнее. Этот принц умён, хитёр и очень осторожен. К тому же, после обнаружения покойников, скорее всего ему не удастся обосновать историю тех самых трупов, найденных одним из ищеек принца по дороге из логова Колда Эсва, а значит, уже вскоре Визирий обретёт нового, очень могущественного врага, в лице своей молодой и более влиятельной копии, успевшей каким-то образом зарекомендовать себя в глазах принца Августа.

— Ваша вера в своих подопечных как всегда поражает, юный господин, — склонив голову и смирившись с тем, что сегодня будет играть по правилам Карла, произнёс Визирий, а после, жестом дал своему убийце команду отмены. «Уж слишком подозрительно будет, если в первый же день на принца в Колде совершится покушение, и тем более, если он погибнет», — отложив расправу на другой день, вместе со всей аристократией покинул таверну Визирий.

Принц Карл Четырнадцатый.

Станный доклад, последовавший от незнакомого гонца сильно меня насторожил. Какие-то сигналы, телеги с трупами, а после ещё и резиденция Визирия, в которую по какой-то причине понёсся с кавалерией какой-то сотник по имени Эдвард, коих я вообще в своём подчинении не помнил.

Казавшаяся по началу сном, или ахинеей не выспавшегося солдата история, после общения с сестрой Августой заиграла совершенно новыми красками. «Если всё так, это действительно магия эльфов, к тому же, если твои воины всерьёз с кем-то вступили в бой, то вряд ли это просто торговцы трупами, или ещё кем-бы то ни стало» —

не без иронии дельно подметила сестра, вынудив меня спуститься вниз.

Расставаться с десяткой хвостатых красоток наверху, что только-только успели меня раздеть и натереться приятными восточными маслами не хотелось. Вот только умереть из-за собственной распущенности и некомпетентности мне хотелось ещё меньше.

Эти блядские войны и конфликты в очередной раз склоняли миролюбивого и амбициозного меня к мысли, что даже «худой мир лучше самой доброй войны». Особенно когда в этом самом мире всё вокруг трахает ты, а не тебя...

К сожалению, до мира с зорфами всё так же было далеко, как и до моего единоличного правления всей этой гребаной империей. Чёртов Визирий, ведущий себя всё это время как пай мальчик, тому был наглядным примером. Лишь чутка пообщавшись с ним, выпив, а после протрезвев, я наконец-то понял, что не бывает столь покорных и покладистых людей. Скорее всего тот попросту исполнял роль слуги, точно такую же роль, которую некогда играл Тутлюс. Хотя, сейчас мне и вправду было не до всех этих внутренних ссор. Враг у ворот, и мне требовалось как можно тщательней подготовить крепость к возможному штурму, что мог начаться в любой момент. Ибо сколько врагов таится в лесах вокруг нас не знал никто из моих подопечных.

Первым делом я велел Гвинию пропитать все подходившие к городу Колд ручьи собственной маной. Старый маг часто рассказывал мне об этой хитрости, к которой однажды был вынужден прибегать ныне покойный император и его маги.

В то время, это заклятье была своего рода трендовым, и все к ней прибегали и проверяли его, а сейчас, кто его знает...

По небольшим, поросшим травами канавам, что сейчас переполняла дождевая вода, строго по приказу Гвиния растекалась очень опасная, пропитанная стихией огня мана. При помощи её я собирался защитить город, а не спалить его, от того действовать приходилось осторожно, точно. По той же причине, опасаясь большого ущерба от заклятия «старого маразматика», на всякий случай отправил во все стороны города-крепости дополнительные дозоры. «Бережёного бог бережёт», — зевнув и ощутив усталость от нескольких дней в дороге, подумал я.

Быть может, сейчас мне стоило вместе с Визирием нестись на поиски прятанного в лесу врага, что вполне мог являть собой обычный разведотряд; быть может, я должен был не смыкая глаз дежурить на стене в ожидании возможной атаки, а быть может, ещё сто пятьдесят вариантов развития всяких других «быть может». Для принятия здравомыслящих решений стратег должен быть как минимум трезв, бодр и прибывать в добром расположении духа, наверное... А так как ни одним из этих критериев я сейчас не обладал, всё что мне оставалось, так это в безопасности и тёплой постели ждать, когда же придут более важные, свежие новости с фронта.

Увы и ах, от страстной ночи с десятью зорфскими дамами также пришлось отказаться в угоду здорового сна. Ебаная война...

П.с. От автора: **Не плагиат а цитата!**

*Худой мир лучше самой доброй войны — Марк Туллий Цицерон.

О, и ещё, ребят, большая, прям огромная просьба подзарядить меня вашими комментариями. Самые наблюдательные из вас могли понять, что я активно отталкиваюсь от ваших мыслей при написании рассказа, поэтому, пока я в небольшом отпуске (до Вс) прошу делиться со мной вашими мыслями, они **ОЧЕНЬ** мне сейчас нужны, ибо второй том-то заканчивается...

Пригородные леса Колда.

Двенадцать часов дня.

Из-за тёмных туч, сырости и сильного ветра, замученная маршем тысяча Эсвы так и не сумела этой ночью хорошенько отдохнуть. Вражеские разведчики вылетали из Колда, словно осы из проснувшегося по тревоге осинового гнезда. Малые группы имперцев по три-пять человек двигались в поле зрения друг друга, вынуждая прятавшиеся в роще отряды пятого легиона отходить всё дальше и дальше от города.

Враг каким-то образом ощутил угрозу, Энегва точно это понимала, как и то, что напади они на разведчиков сейчас, на ночной вылазке можно поставить крест. Требовалось отступить, быть может даже двигаться по кругу и до ночи тянуть время.

За свою тысячу полуэльфийка не переживала. Под её командованием и при прикрытии её магии, не один следопыт не выйдет на них. Но что насчёт четырёх других тысяч, справятся ли они со своей задачей?

Ведь в случае если их раскроют, то враг непременно вышлет на разрозненную армию свои резервы и тогда...

«Идея!» — осенило эльфийку. Если враг и без того начеку и находится в поиске врага, то почему бы не предоставить ему себя на блюдечке. Показать в лесной чаще сплочённым воинством, укрепиться, вытянуть врага из города на себя, дать понять тому, что у него численный перевес, а после просто отступить, увлекая основное войско за собой.

Эсва долго могла бегать по местным лесам, сутки, недели, конница людей слаба в чаще, а зорфы, и уж тем более её собратья полуэльфы, чувствуют себя как дома. Таким образом, пока враг гонялся бы за ними, четыре тысячи её братьев спокойно могли бы нанести быстрый удар по Колду и захватить его ослабленные стены при помощи освобождённых рабов.

«Решено», — хитрая улыбка расплылась на лице Эсвы; сотворив при помощи древней магии заклятье «полярного свечения», женщина, не переживая по поводу того, что их местоположение раскроют, выпустила в небо магический разряд, подтверждающий сегодняшнюю атаку.

Блеск первозданной магии ярким светом отразился в пасмурном небе. Все четыре тысячника зорфов чётко знали, что означает эта команда, а так же, приблизительно понимали, что теперь, Эсва не присоединится к их штурму. Ведь помимо них, в небе свет увидели и десятки, а может быть даже и сотни вражеских лазутчиков.

Восточная стена города Колд.

Старый маг в компании нашего глазастого Эдварда по прозвищу Филин, молча глядел в тёмное небо. Происходящее на востоке по какой-то причине того сильно волновало. То и дело я замечал, как старик невзначай спрашивал о чём-то местных ополченцев, стражей, что, как и мои воины сейчас, были поставлены под «копье».

— Гвиний, тебя что-то беспокоит? — поинтересовался я, упершись на одно из остроконечных зубьев стены.

— Ничего существенного, просто мелкие вопросы ордена... — Не желая вдаваться в подробности, ответил тот, на что мне оставалось лишь развести руками. Когда Гвиний желал что-то утаить от меня, пытаться вытянуть из него хоть какую-либо информацию было бесполезно.

Переведя взгляд на всё то же тёмное небо, я тяжело вздохнул. Ожидание боя утомляло, нервировало и пугало одновременно.

— Скажи старик, почему у нашей империи нет имени, почему я, четырнадцатый принц, до сих пор не знаю, как называется наша столица? — мой вопрос ошарашил не только мага, но и внезапно захлопавшего глазами Филина, кажется, до этого момента парень точно так же как и я, даже не пытался задаваться этим вопросом.

— Погуляй малец, — жестом руки попросил Эдварда удалиться маг, а после, проведя указательным пальцем по подбородку, многозначительно ответил:

— Карл, а есть ли имя у твоего сердца, печени или лёгких?

Философский вопрос значит, усмехнувшись, подумал я.

— Нет старик, печень я ещё мог бы назвать «страдалицей» или «спасительницей», но а так...

— Вот именно, мальчик... — Также усмехнувшись, отозвался маг. — Империя есть единый организм, первая, сильнейшая и единственная. Точно так же, как и люди не дают своей душе имени, обременять империю лишним названием нет смысла, точно так же, как нет смысла давать название великому городу, ставшему сердцем всей человеческой расе. Нивград, Колд — незнающему человеку легко попутать два этих города, но никто и никогда не забудет нашу Столицу, а также дороги и тропы, что стекаются к ней со всех уголков империи.

В мире существует множество мелких человеческих княжеств, и даже королевств, подчинявшихся разным тварям, но лишь империей одной жив настоящий человек. Ваш отец сделал всё для того чтобы люди правили этим миром, и именно по этой причине я, Гвиний, до сих пор верой и правдой служу великому роду.

— То есть, пока я буду бороться за права человека в этом мире, ты будешь со мной, старик? — вспоминая

слова о почётном отдыхе и наделе, обещанном мною ранее, с долей иронии, в шутливой форме спросил я.

— До последнего вздоха, мой господин, — без доли сомнений, на полном серьёзе склонив голову, ответил маг-целитель, заставив меня испытать настоящий стыд. Фанатики, сейчас мне казалось, что они повсюду.

Внезапное сияние озарило небо.

— Как вы и предполагали ваше величество. Загнанный в угол враг дал команду на отход. Вопрос лишь во времени, когда мы их настигнем. Нам послать дополнительные силы в погоню? — чуть оживившись, поинтересовался Гвиний, глядя на резко рванувшего к нам со своим личным докладом Эдварда. «Всё почти тоже самое, только вспышка ярче» — пояснил за свои наблюдения Филин.

— Нет, пусть преследование ведёт Визирией, с тем же войском, что у него есть сейчас. Нам уже известно, что у врага в округе действует не один отряд, и открывать спину неизвестности — глупо. Пошлите десяток наших парней, пусть ведут Визирия и не позволят тому попасть в окружение. А мы займёмся ликвидацией затаившейся в кустах свары. Позволим им почувствовать нашу слабость и заставим врага ударить нас в спину! — пораскинув над тем как получше и быстрее собрать зорфов в одном месте, проговорил я.

— Не понимаю, ваша светлость... — Почесывая седую голову, отозвался Гвиний.

— Всё просто. Вышлите разведчиков во все стороны света, кроме запада. Запад наш тыл, луговая местность самый неудобный участок для внезапного нападения. Разумеется, мы якобы не будем ожидать атаки с просматриваемого для нас и зорфов участка, а сами же, действием наших разведчиков буквально заставим врага сконцентрироваться с западной стороны. Не закрывайте врага, пусть враг видит нашу беспечность, а наши бойцы ждут команды не на стене, а под ней, и когда враг появится на горизонте, мы встретим того как полагается.

— Хм... — задумчиво протянул Гвиний. — То есть, вы собираетесь оставить без защиты три стороны, уповая, что враг испугается разведки и нападёт именно с тыла? Сомнительно... — Голос разума Гвиния шёл в ногу с моей личной неуверенностью. Оттого предстояло продолжить нашу с ним дискуссию и объяснить, почему именно я полагал, что враг нападёт именно с запада.

— Восточные врата выше, крепче и лучше обустроены трёх других. По праву они считаются самой сильной оборонительной точкой города. В южном направлении сейчас во всю орудует Визирий, гоняя со своей армией по лесу вражеских зорфов. Если враг решит ударить там, мы точно об этом узнаем. Идём далее. Север, там враг столкнётся с проблемой огромного количества наших лазутчиков, что сведёт фактор внезапной атаки практически к нулю, исходя из моей логики, запад — наилучшее место для атаки.

— И поэтому вы хотите все оставшиеся резервы перебросить туда?

— Нет... — Улыбнувшись, и тут же придумав, как усовершенствовать свой план, протянул я.

— Нет? — в конец запутавшись, переспросил маг.

— Я хочу попросить тебя, Гвиний, увеличить площадь разлива маны, создать второе защитное кольцо у западных ворот. Знаю, это израсходует большую часть твоих сил, и возможно к бою ты не восстановишься, однако, думаю, мой замысел сможет избавить тебя от лишних действий.

— Что именно должно сработать, ваша светлость?! — не выдержав, позволил себе повысить голос маг-целитель.

— Огненный мешок, — глядя на стоявшего поодаль от нас лучника, холодно произнёс я.

Полночь.

Пригибаясь к высоким полевым травам, отряды с первую по четвертую тысячу пятого легиона, объединившись у западного направления, медленно приближались к западным вратам города Колд.

Центурионы, нервно поглядывая в небо, вели свои войска прямо в город. Беспечные имперцы весь день гоняли их по лесам. Слепые, словно дети, они пытались найти их, привыкших прятаться в лесах, и даже в голой степи. Зорфы всегда кичились собственным умом и смекалкой, вот и сейчас, когда их верховная главнокомандующая Энегва, взяв на себя роль приманки, увела врага подальше от города, им наконец-то удалось то, что ещё не так давно считалось невозможным. Всего в паре сотен метров от них, в заточении пребывало огромное множество их соплеменников, верных роду зорфов, что сразу же после освобождения примкнули к ним, нужно только скинуть проклятые оковы!

— Вперёд... — Как можно тише шепнул Третий центурион, подняв измазанный грязью меч над головой. Поля по-прежнему были залиты водой, к тому же, какой-то странной, тягучей и пропахшей гнилью. Мужчина боялся, что блеск стали в ночи может их выдать, оттого, поступившись с честью, измазав высокородный мех болотной тиной, двигался впереди к вратам в надежде первым ворваться в Колд.

За плечами третьего центуриона было больше десяти лет войн. Множество раз он и его сородичи добивались до этих стен, но ещё ни разу им не удавалось их преодолеть.

«Наконец-то», — подобравшись со спины к дремлющему у створ стражнику, с ловкостью и скоростью гепарда прыгнул на того центурион, пронзив своим испачканным клинком мягкую грудь.

— Солома?! — осознав, что его добычей стало набитое сеном чучело, внезапно вскинул голову вверх Зорф.

Звонкий щелчок, а после и звук разматывающейся цепи, ознаменовали падение стальной решётки западных ворот.

Пара молодых и прытких зорфов, шедших с центурионом, в зверином прыжке рванули вперёд. Один, удачно перекатившись, сумел проскочить под стальными прутьями, другой же, менее удачливый солдат, напорвшись на опустившуюся сверху сталь, болезненно взревел. Многотонная преграда, дробя кости ног, рухнула на того сверху.

Ночную тишину разорвал болезненный крик первого из зорфов. После чего, со стен послышался едва звучный, коварный смех.

— Поджигай, Гвиний! — разорвал тишину приказ неизвестного.

Магическое пламя, демонстрируя свои четырёхметровые зубы, резко взметнулось к небесам, разрывая на пополам приблизившееся к городу войско, что при нынешнем освещении для врага оказалось как на ладони.

Центурион видел, как к его придавленному товарищу и мальчишке, оказавшемуся по ту сторону, нахлынули орды людей. Он видел, как бросившегося в одиночку на целый десяток парня, посадив на копья подняли над землёй, а после, глумясь, стали затыкивать его раненого товарища. Он видел, как умирают его дети, видел, но ничего сделать не мог.

— Цельсь, пли! — свист сотен стрел бесконечным шёпотом срывающейся с пальцев тетивы раздался где-то сверху. Один за другим, воины центуриона, увязшие в болотной грязи восточных полей, опускаясь на колени падали лицом в тёмные воды.

«Откуда взялись все эти лучники»?! — поджимаясь под стену и хватаясь за голову, в ужасе глядел на происходящее третий центурион.

— Отходим, отходим! — стали доноситься крики откуда-то по ту сторону пламени, как вдруг ещё одна, более высокая огненная стена возникла где-то ближе к лесу. «Это была ловушка, словно зверей нас загнали в угол». Центурион видел, как не зная где спрятаться, его зорфы мечутся под вражескими стрелами из стороны в сторону. Кто-то прятался за трупами товарищей, кто-то даже пытался поднять стену щитов, но внезапный огонь лучников со спины тотчас уничтожил не успевшее сформироваться построение.

— Имперцы уже у нас в тылу! — донеслось откуда-то из центра огненного котла, после чего число стрел и стонов раненых зорфов прибавилось вдвое. Центурион совершил ошибку. Не прикрыв фланги он рассчитывал с ходу массивированным штурмом взять Колд, а как оказалось, враг только этого и ждал.

Как только его войско оказалось в поле, люди обошли их с фланга, и теперь, видя свои цели при свете всепоглощающего пламени, безнаказанно расстреливали их в спину.

«Простите моя госпожа, пятого легиона больше нет»... — Видя, как постепенно поднимается решётка, за которой уже скопилась внушительная толпа вражеских бойцов, подумал про себя центурион.

Меч его направился в сторону врага, один против сотни, верная смерть, однако он не боялся. Его зорфы, братья, сёстры и сыновья, все останутся в поле под Колдам, и он, до конца верный своей верховной командующей, собирался остаться вместе с ними.

— За честь и... — Стрела, выпущенная одним из лучников, пробила центуриону горло, вторая живот, третья и четвертая вошли сквозь кольчугу точно в сердце. Договорить ему, точно так же как и вступить в бой, не дали.

Где-то западней местоположения Визирия, разгоралось нешуточное пламя. Старый правитель с залитым кровью лицом нервно поглядывал в сторону своего города. Опасаясь худшего, он надеялся, что принц каким-то образом сдохнет при обороне Колда, тем самым не создав тому проблем с его дальнейшим трофеем, лишь чудом угодившим в его могучие руки.

— Кажется, твои крысы встретили достойный отпор... — Держа за волосы избитую и израненную смуглянку Энегву, злобно протянул Визирий.

Сражение в лесу проходило практически на равных, командующая легионом до конца предполагала, что сможет отступить по одному своему желанию, вот только внезапно показавшаяся у них в тылу группа разведчиков, принятая её солдатами за второй вражеский отряд, попутала все карты. Мощный удар в спину человеческой кавалерии, паника, неразбериха, бегство, болота... Она попала в ловушку собственных земель, и по-видимому, самолично отправила на гибель четыре тысячи своих солдат, ярко пылавших где-то под стенами Колда.

Князь Погибель, существо, видящее как во тьме, так и при свете дня переиграло её, уничтожило пятый легион и честь воительницы. Теперь для неё, как и для её войск, всё было кончено. «Выживите, братья...»

Склонив голову перед пускавшим слюни, в предвкушении сочного эльфийского тела, голубоглазым боровом, подумала Энегва, прекрасно зная, что ждёт ту впереди.

Конец второго тома.

Больше книг на сайте - Knigoed.net